

Андрей ПАРШИН

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ

Среди многочисленных сложных проблем, которые изучает современное языкознание, важное место занимает изучение лингвистических аспектов межъязыковой речевой деятельности, которую называют "переводом" или "переводческой деятельностью".

Перевод – это, несомненно, очень древний вид человеческой деятельности. Как только в истории человечества образовались группы людей, языки которых отличались друг от друга, появились и "билингвы", помогавшие общению между "разноязычными" коллективами. С возникновением письменности к таким устным переводчикам- "толмачам" присоединились и переводчики письменные, переводившие различные тексты официального, религиозного и делового характера. С самого начала перевод выполнял важнейшую социальную функцию, делая возможным межъязыковое общение людей. Распространение письменных переводов открыло людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, сделало возможным взаимодействие и взаимообогащение литератур и культур. Знание иностранных языков позволяет читать в подлиннике книги на этих языках, но изучить даже один иностранный язык удается далеко не каждому.

Первыми теоретиками перевода были сами переводчики, стремившиеся обобщить свой собственный опыт, а иногда и опыт своих собратьев по профессии. Понятно, что с изложением своего "переводческого кредо" выступали наиболее выдающиеся переводчики всех времен и, хотя высказываемые ими соображения не отвечали современным требованиям научности и доказательности и не складывались в последовательные теоретические концепции, все же целый ряд таких соображений и сегодня представляет несомненный интерес.

Так, еще переводчики античного мира широко обсуждали вопрос о степени близости перевода к оригиналу. В ранних переводах Библии или других произведений, считавшихся священными или образцовыми, преобладало стремление буквального копирования оригинала, приводившее порой к неясности или даже полной непонятности перевода. Поэтому позднее некоторые переводчики пытались теоретически обосновать

право переводчика на большую свободу в отношении оригинала, необходимость воспроизводить не букву, а смысл или даже общее впечатление, "очарование" оригинала. Уже в этих первых высказываниях о целях, которые должен преследовать переводчик, можно найти начало теоретических споров нашего времени о допустимости буквального или вольного перевода, о необходимости сохранить в переводе то же воздействие на читателя, которым обладает оригинал, и т.п.

Позднее отдельные переводчики пытались сформулировать некоторое подобие "нормативной теории перевода", излагая ряд требований, которым должен был отвечать "хороший" перевод или "хороший" переводчик. Французский гуманист, поэт и переводчик Этьенн Доле (1509-1546) считал, что переводчик должен соблюдать следующие пять основных принципов перевода:

1. в совершенстве понимать содержание переводимого текста и намерение автора, которого он переводит;
2. в совершенстве владеть языком, с которого переводит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит;
3. избегать тенденции переводить слово в слово, ибо это исказило бы содержание оригинала и погубило бы красоту его формы;
4. использовать в переводе общеупотребительные формы речи;
5. правильно выбирая и располагая слова, воспроизводить общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей "тональности".

В 1790 г. в книге англичанина А. Тайтлера "Принципы перевода" основные требования к переводу были сформулированы следующим образом:

1. перевод должен полностью передавать идеи оригинала;
2. стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале;
3. перевод должен читаться так же легко, как и оригинальные произведения.

Основы научной теории перевода стали разрабатываться лишь к середине двадцатого века, когда переводческая проблематика привлекла внимание лингвистов. До этого времени считалось, что перевод никоим образом не может включаться в круг вопросов, изучаемых лингвистической наукой. Сами переводчики полагали, что лингвистические аспекты перевода играют в "искусстве перевода" весьма незначительную, чисто техническую роль. Конечно, переводчик должен был владеть как языком оригинала, так и

языком перевода, но знание языков было лишь предварительным условием перевода и не затрагивало его сущность. Роль такого знания нередко сравнивали с ролью знания нотной записи для композитора.

Со своей стороны, сами языковеды не видели оснований включать переводческую деятельность в объект лингвистического исследования, коль скоро она не определялась лингвистическими факторами. В центре внимания языкознания было изучение специфики языка, раскрытие его уникальной, неповторимой структуры, особенностей грамматического строя и словарного состава каждого отдельного языка, отличающих его от других языков. Все это составляло своеобразие языка, его национальный "дух" и предполагало принципиальную невозможность тождества двух текстов, написанных на разных языках. А поскольку считалось, что перевод должен исчерпывающим образом воспроизводить оригинал, то перевод оказывался принципиально невозможным по чисто лингвистическим причинам, не говоря уже о невозможности воспроизвести неповторимое своеобразие творческой манеры выдающегося поэта или писателя. Отношение языковедов к переводу четко выразил В. Гумбольдт в письме к известному немецкому писателю и переводчику Августу Шлегелю: "Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника". Подобные взгляды, получившие позднее название "теория непереводаемости", разделялись многими лингвистами, в том числе и теми, которые сами много и весьма успешно выступали в роли переводчиков. "Теория непереводаемости" не оказала, разумеется, какого-либо влияния на переводческую практику, поскольку переводчики продолжали выполнять "невыполнимую" задачу. Однако эта теория была одним из препятствий на пути лингвистического анализа перевода.

К середине двадцатого столетия языковедам пришлось коренным образом изменить свое отношение к переводческой деятельности и приступить к ее систематическому изучению. Мы уже знаем, что в этот период на первый план начал выдвигаться перевод политических, коммерческих, научно-технических и прочих "деловых" материалов, где особенности индивидуально-авторского стиля, как правило, мало существенны. В связи с этим все более четко стали осознавать, что основные трудности перевода и весь характер переводческого процесса обуславливаются расхождениями в структурах и правилах функционирования языков, участвующих в этом процессе. Ну, а если речь идет о каком-то соотношении языков, то его изучением должны, естественно, заниматься языковеды.

Кроме того, возросшие требования к точности перевода также подчеркивали роль языковых единиц. При переводе материалов подобного рода уже нельзя было довольствоваться верностью перевода "в целом", одинаковостью воздействия на читателя оригинала и перевода. Перевод должен был обеспечить передачу информации во всех деталях, вплоть до значений отдельных слов, быть полностью аутентичным оригиналу. Все яснее становилась языковая первооснова переводческого процесса. Необходимо было выяснить, в чем состоит лингвистическая сущность этого процесса, в какой степени он определяется собственно лингвистическими факторами, в каких пределах такие факторы ограничивают точность передачи информации.

Для удовлетворения огромной потребности в переводчиках во многих странах были созданы переводческие школы, факультеты и институты. Как правило, подготовка переводчиков осуществлялась на базе учебных заведений – университетов и институтов, где изучались иностранные языки, и на долю преподавателей языков выпала задача создать рациональные программы и учебные пособия для обучения переводу. Специалисты-языковеды должны были создать необходимую научную базу для построения эффективного курса подготовки высококвалифицированных переводчиков.

Осуществление массовой подготовки переводческих кадров обнаружило недостаточность традиционной формулы квалификации переводчика: "Для того чтобы переводить, необходимо знание двух языков и предмета речи". Оказалось, что факторы, указанные в этой формуле, сами по себе не обеспечивают умения квалифицированно переводить, что надо не просто знать два языка, но знать их "по-переводчески", т.е. в сочетании с правилами и условиями перехода от единиц одного языка к единицам другого.

ГЛАВА 2

ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

В широком смысле термин "теория перевода" противопоставляется термину "практика перевода" и охватывает любые концепции, положения и наблюдения, касающиеся переводческой практики, способов и условий ее осуществления, различных факторов, оказывающих на нее прямое или косвенное воздействие. При таком понимании "теория перевода" совпадает с понятием "переводоведение".

В более узком смысле "теория перевода" включает лишь собственно теоретическую часть переводоведения и противопоставляется его прикладным аспектам. Перевод – это сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом

исследования разных наук. В рамках переводоведения изучаются психологические, литературоведческие, этнографические и другие стороны переводческой деятельности, а также история переводческой деятельности в той или иной стране или странах. В зависимости от предмета исследования можно выделить **психологическое переводоведение** (психологию перевода), **литературное переводоведение** (теорию художественного или литературного перевода), **этнографическое переводоведение**, **историческое переводоведение** и т.п. Ведущее место в современном переводоведении принадлежит **лингвистическому переводоведению** (лингвистике перевода), изучающему перевод как лингвистическое явление. Отдельные виды переводоведения дополняют друг друга, стремясь к всестороннему описанию переводческой деятельности.

Теоретическую часть лингвистики перевода составляет лингвистическая теория перевода. В дальнейшем изложении термин "теория перевода" будет употребляться в значении "лингвистическая теория перевода" без дополнительных оговорок. В таком значении в теории перевода различаются "**общая теория перевода**", "**частные теории перевода**" и "**специальные теории перевода**".

Общая теория перевода – раздел лингвистической теории перевода, изучающий наиболее общие лингвистические закономерности перевода, независимо от особенностей конкретной пары языков, участвующих в процессе перевода, способа осуществления этого процесса и индивидуальных особенностей конкретного акта перевода. Положения общей теории перевода охватывают любые виды перевода любых оригиналов с любого исходного языка на любой другой язык.

Общая теория перевода составляет часть лингвистической теории перевода, наряду с частными теориями перевода, изучающими лингвистические аспекты перевода с одного данного языка на другой данный язык, и специальными теориями перевода, раскрывающими особенности процесса перевода текстов разных типов и жанров, а также влияние на характер этого процесса речевых форм и условий его осуществления. Общая теория перевода дает теоретическое обоснование и определяет основные понятия частных и специальных теорий перевода. Частные и специальные теории перевода конкретизируют положения общей теории перевода применительно к отдельным типам и видам перевода.

Теория перевода ставит перед собой следующие основные задачи:

1. раскрыть и описать общелингвистические основы перевода, т.е. указать, какие особенности языковых систем и закономерности функционирования языков лежат в основе переводческого процесса, делают этот процесс возможным и определяют его характер и границы;

2. определить перевод как объект лингвистического исследования, указать его отличие от других видов языкового посредничества;
3. разработать основы классификации видов переводческой деятельности;
4. раскрыть сущность переводческой эквивалентности как основы коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода;
5. разработать общие принципы и особенности построения частных и специальных теорий перевода для различных комбинаций языков;
6. разработать общие принципы научного описания процесса перевода как действий переводчика по преобразованию текста оригинала в текст перевода;
7. раскрыть воздействие на процесс перевода прагматических и социолингвистических факторов;
8. определить понятие "норма перевода" и разработать принципы оценки качества перевода.

Помимо теоретических разделов, лингвистика перевода включает разработку ряда прикладных аспектов, связанных с методикой обучения переводу, составлением и использованием всевозможных справочников и словарей, методикой оценки и редактирования переводов, а также различными практическими вопросами, решение которых способствует успешному выполнению переводчиком своих функций.

Лингвистическая теория перевода является, в первую очередь, дескриптивной теоретической дисциплиной, занимающейся выявлением и описанием объективных закономерностей переводческого процесса, в основе которых лежат особенности, структуры и правила функционирования языков, участвующие в этом процессе. Иначе говоря, теория перевода описывает не то, что должно быть, а то, что есть, что составляет природу изучаемого явления. Вместе с тем на основе описания лингвистического механизма перевода оказывается возможным сформулировать некоторые нормативные рекомендации, принципы и правила, методы и приемы перевода, следуя которым переводчик может более успешно решать стоящие перед ним задачи. Во всех случаях научный анализ наблюдаемых фактов предшествует нормативным предписаниям.

Нормативные рекомендации, вырабатываемые на основе лингвопереводческих исследований, могут быть использованы как в практике перевода, так и при подготовке будущих переводчиков. Умение пользоваться такими рекомендациями, модифицируя их в зависимости от характера переводимого текста, условий и задач конкретного акта перевода, составляет важную часть переводческого мастерства. Знание нормативных требований не предполагает бездумного, механического выполнения этих требований

переводчиком. Перевод в любом случае представляет собой творческую мыслительную деятельность, выполнение которой требует от переводчика целого комплекса знаний, умений и навыков, способности делать правильный выбор, учитывая всю совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов. Учет подобных факторов происходит во многом интуитивно, в результате творческого акта, и отдельные переводчики в разной степени владеют умением успешно осуществлять процесс перевода. Высокая степень такого умения называется искусством перевода.

Перевод – это средство обеспечить возможность общения (коммуникации) между людьми, говорящими на разных языках. Поэтому для теории перевода особое значение имеют данные коммуникативной лингвистики об особенностях процесса речевой коммуникации, специфике прямых и косвенных речевых актов, о соотношении выраженного и подразумеваемого смысла в высказывании и тексте, влиянии контекста и ситуации общения на понимание текста, других факторах, определяющих коммуникативное поведение человека.

Важным методом исследования в лингвистике перевода служит сопоставительный анализ перевода, т.е. анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала. Эти тексты представляют собой объективные факты, доступные наблюдению и анализу. В процессе перевода устанавливаются определенные отношения между двумя текстами на разных языках (текстом оригинала и текстом перевода). Сопоставляя такие тексты, можно раскрыть внутренний механизм перевода, выявить эквивалентные единицы, а также обнаружить изменения формы и содержания, происходящие при замене единицы оригинала эквивалентной ей единицей текста перевода. При этом возможно и сравнение двух или нескольких переводов одного и того же оригинала. Сопоставительный анализ переводов дает возможность выяснить, как преодолеваются типовые трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, а также какие элементы оригинала остаются переданными в переводе. В результате получается описание "переводческих фактов", дающее картину реального процесса.

В ходе разработки лингвистической теории перевода была продемонстрирована некорректность "теории непереводимости". Рассмотрение перевода с позиций языкознания четко определило невозможность полного тождества содержания оригинала и перевода. Языковое своеобразие любого текста, ориентированность его содержания на определенный языковой коллектив, обладающий лишь ему присущими "фоновыми" знаниями и культурно-историческими особенностями, не может быть с абсолютной полнотой "воссоздано" на другом языке. Поэтому перевод не предполагает создания

тождественного текста и отсутствие тождества не может служить доказательством невозможности перевода. Утрата каких-то элементов переводимого текста при переводе не означает, что этот текст "непереводим": такая утрата обычно и обнаруживается, когда он переведен и перевод сопоставляется с оригиналом. Невозможность воспроизвести в переводе какую-то особенность оригинала – это лишь частное проявление общего принципа нетождественности содержания двух текстов на разных языках (а если говорить об "абсолютной тождественности", то и двух текстов на одном языке, состоящих из неодинакового набора языковых единиц). Отсутствие тождественности отнюдь не мешает переводу выполнять те же коммуникативные функции, для выполнения которых был создан текст оригинала. Известно, что в содержании высказывания имеются элементы смысла, которые не имеют значения для данного сообщения, а "навязываются" ему семантикой языковых единиц. Например, сообщение Хороший студент не придет на занятие неподготовленным явно имеет в виду не только студентов, но и студенток, и мужской род слова студент для него нерелевантен. Однако в русском (как и во французском и немецком) языке нельзя употребить существительное, не воспроизводя значение рода, хотя это было бы не нужно для сообщения или даже противоречило бы его смыслу, как в нашем примере. Если в переводе на английский язык указание на род утрачивается, то с точки зрения коммуникации такая потеря не только не существенна, но даже желательна. Абсолютная тождественность содержания оригинала и перевода не только невозможна, но и не нужна для осуществления тех целей, ради которых создается перевод.

В любом акте речи имеет место общение между Источником информации (говорящим или пишущим) и ее Рецептором (слушающим или читающим). Хотя при наличии всех необходимых условий существует возможность извлечения из сообщения всей содержащейся в нем информации, каждый отдельный Рецептор извлекает из сообщения разную по объему информацию в зависимости от его знаний, степени заинтересованности в сообщении и той цели, которую он себе ставит, участвуя в коммуникации. Поэтому каждое сообщение существует как бы в двух формах, которые не вполне тождественны: сообщение, переданное отправителем (текст для говорящего), и сообщение, воспринятое получателем (текст для слушающего).

Для теории перевода особое значение имеет тот факт, что эти формы одного и того же сообщения находятся между собой в отношении коммуникативной равноценности, которая выражается в следующем:

1. между ними потенциально существует высокая степень общности, поскольку они состоят из одинаковых языковых единиц, представляющих, в основном, одинаковую информацию для всех членов данного языкового коллектива;
2. между ними фактически существует достаточная степень общности, чтобы обеспечить необходимое взаимопонимание в конкретных условиях общения. (Если такое взаимопонимание не достигается, коммуниканты могут обмениваться дополнительной информацией, увеличивая точность восприятия сообщения);
3. обе формы объединяются в акте общения в единое целое, и различия между ними оказываются нерелевантными для участников коммуникации, которые не осознают этих различий, считая, что полученное сообщение и есть то, что передано, и наоборот. Таким образом, для коммуникантов реально существует один единый текст, содержание которого в принципе может быть доступно всем владеющим языком, с помощью которого передается и принимается сообщение.

Речевое общение может осуществляться и между коммуникантами, говорящими на разных языках. В этом случае будет иметь место межъязыковая (двуязычная) коммуникация. Поскольку Рецептор не в состоянии извлечь информацию из текста, произнесенного или написанного на неизвестном ему языке, межъязыковая коммуникация носит опосредственный характер. Обязательным условием общения между "разноязычными" коммуникантами является наличие промежуточного звена, осуществляющего языковое посредничество, т.е. преобразующего исходное сообщение в такую языковую форму, которая может быть воспринята Рецептором (иначе говоря, передающего это сообщение на языке Рецептора). Языковой посредник должен извлекать информацию из текста исходного сообщения ("оригинала" или "подлинника") и передавать ее на другом языке. Поэтому эту роль может выполнять лишь лицо, обладающее необходимой степенью двуязычия, т.е. владеющее двумя языками.

Помимо своей посреднической роли в процессе межъязыкового общения, переводчик иногда выполняет коммуникативные функции, выходящие за рамки языкового посредничества. Как правило, это имеет место в процессе устного перевода, когда переводчик непосредственно общается с участниками межъязыкового общения. В этом случае переводчик может быть вынужден по условиям коммуникации или по просьбе одного из коммуникантов выступать в качестве самостоятельного источника информации, давая дополнительные пояснения, делая выводы из содержания оригинала,

указывая на возможные ошибки и т.д. Как устный, так и письменный переводчик может совмещать выполнение своих обязанностей с деятельностью информатора, редактора или критика оригинала и т.п.

Передача информации, содержащейся в тексте оригинала, может осуществляться языковым посредником в разной форме и с разной степенью полноты, в зависимости от цели межъязыкового общения. Эта цель может определяться как участниками коммуникации, так и самим языковым посредником. Различаются два основных вида языкового посредничества: перевод и адаптивное транскодирование.

Перевод – это вид языкового посредничества, который всецело ориентирован на иноязычный оригинал. Перевод рассматривается как иноязычная форма существования сообщения, содержащегося в оригинале. Межъязыковая коммуникация, осуществляемая через посредство перевода, в наибольшей степени воспроизводит процесс непосредственного речевого общения, при котором коммуниканты пользуются одним и тем же языком.

Подобно тому как в процессе речевого общения на одном языке тексты для говорящего и для слушающего признаются коммуникативно равноценными и объединяются в единое целое, так и текст перевода признается коммуникативно равноценным тексту оригинала. Задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке Рецептора (на "переводящем языке" – ПЯ) мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала (на "исходном языке" – ИЯ) и отождествляться Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, структурном и содержательном отношении.

Функциональное отождествление оригинала и перевода заключается в том, что перевод как бы приписывается автору оригинала, публикуется под его именем, обсуждается, цитируется и пр. так, как будто он и есть оригинал, только на другом языке.

Содержательное отождествление оригинала и перевода заключается в том, что Рецепторы перевода считают, что перевод полностью воспроизводит содержание оригинала, что в нем передается то же содержание средствами иного языка.

Структурное отождествление перевода с оригиналом заключается в том, что Рецепторы перевода считают, что перевод воспроизводит оригинал не только в целом, но и в частностях. Предполагается, что переводчик точно передает структуру и порядок изложения содержания в оригинале, не позволяет себе что-либо изменить, исключить или добавить от себя. Количество и содержание разделов и других подразделений текста в оригинале и переводе должно совпадать. Если в оригинале какая-то мысль высказана в начале второго раздела, то и в переводе она должна быть обнаружена на том же месте и

т.д. Если переводчик и позволяет себе какие-то отступления в отношении частных деталей структуры текста, то лишь для того, чтобы точнее передать содержание оригинала.

Таким образом, перевод можно определить как вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении. Для пользующихся переводом он во всем заменяет оригинал, является его полноправным представителем. Коммуникативный подход к переводу – ведущий принцип современной теории перевода.

Переводчик как участник сложного вида речевого общения одновременно выполняет несколько коммуникативных функций. Во-первых, он выступает в качестве Рецептора оригинала, т.е. участвует в акте речевого общения на ИЯ. Во-вторых, он выступает в качестве создателя текста на ПЯ, т.е. участвует в акте речевого общения на ПЯ. В-третьих, мы отмечали, что переводчик создает не просто текст на ПЯ, а текст перевода, т.е. текст, который в функциональном, смысловом и структурном отношении выступает в качестве полноправной замены оригинала. А это значит, что переводчик объединяет речевые акты на ИЯ и ПЯ, участником которых он является. Он анализирует отрезки речи в оригинале и единицы ИЯ, из которых эти отрезки состоят, отыскивает эквивалентные единицы в ПЯ, строит из них эквивалентные речевые произведения, сопоставляет их с исходными, выбирает окончательный вариант перевода. Выбирая речевое произведение на ПЯ в качестве перевода определенной единицы оригинала, переводчик тем самым утверждает коммуникативное равенство двух отрезков текста на разных языках. Таким образом, процесс перевода и его результат всецело зависят от коммуникативных возможностей переводчика, его знаний и умений.

Как и при общении с помощью одного языка, в процессе перевода межъязыковая коммуникация осуществляется путем объединения в акте общения двух форм сообщения, которые рассматриваются коммуникантами как коммуникативно равноценные. Однако при этом имеется и весьма существенное различие. В процессе "одноязычного" общения инвариантность передаваемого и принимаемого сообщения обеспечивается тем, что оба коммуниканта пользуются одной и той же языковой системой, с одинаковым набором единиц с более или менее устойчивым значением, которое они одинаково интерпретируют. В переводе дело обстоит более сложно. Здесь в качестве квази-идентичных форм (ипостасей) одного и того же сообщения выступают тексты, созданные на основе разных языковых систем из единиц, не совпадающих ни по форме, ни по содержанию. Поэтому расхождение между этими ипостасями обуславливается уже не

столько индивидуальными различиями коммуникантов, сколько различиями между языками. Конечно, индивидуальные различия тоже существуют, но они отступают на задний план. Поэтому сама возможность и закономерности осуществления перевода определяются, в первую очередь, способностью разноязычных текстов выступать в качестве коммуникативно равноценных в процессе общения.

Важнейшая задача теории перевода заключается в выявлении языковых и экстралингвистических факторов, которые делают возможным отождествление содержания сообщений на разных языках. Общность содержания (смысловая близость) текстов оригинала и перевода называется эквивалентностью перевода (оригиналу). Изучение реальных отношений между содержанием оригинала и перевода позволяет установить пределы этой общности, т.е. максимально возможную смысловую близость разноязычных текстов, а также определить минимальную близость к оригиналу, при которой данный текст может быть признан эквивалентным переводом.

Полностью или частично эквивалентные единицы и потенциально равноценные высказывания объективно существуют в ИЯ и ПЯ, однако их правильная оценка, отбор и использование зависят от знаний, умений и творческих способностей переводчика, от его умения учитывать и сопоставлять всю совокупность языковых и экстралингвистических факторов. В процессе перевода переводчик решает сложную задачу нахождения и правильного использования необходимых элементов системы эквивалентных единиц, на основе которой создаются коммуникативно равноценные высказывания в двух языках и которая не дана непосредственно, а обнаруживается лишь в ходе теоретического исследования при сопоставлении множества оригиналов с их переводами.

Объективно-субъективный характер имеет вся деятельность переводчика, и его действия никогда не сводятся к механической подстановке единиц ПЯ вместо единиц ИЯ. Существующее мнение о том, что "перевод начинается там, где кончается словарь", что ошибочно предполагает, что при наличии словарного соответствия задача переводчика сводится к механическому переносу такого соответствия в текст перевода. При таком подходе переводческое творчество сводится лишь к нетривиальным уникальным решениям, необходимым в таких "экзотических" случаях, как перевод образов, каламбуров, жаргонизмов и т.п. В действительности, основные теоретические и практические проблемы перевода связаны не с периферийными явлениями, а с использованием всех ресурсов языка для достижения задач межъязыковой коммуникации.

При описании переводческой деятельности теория перевода учитывает, что в качестве языкового посредника переводчик может осуществлять не только перевод, но и различные виды адаптивного транскодирования.

Адаптивное транскодирование – это вид языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и ее преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации. Специфика адаптивного транскодирования определяется ориентацией языкового посредничества на конкретную группу Рецепторов перевода или на заданную форму преобразования информации, содержащейся в оригинале.

Таким образом, адаптивное транскодирование, подобно переводу, представляет собой особую репрезентацию содержания оригинала на ПЯ, но в отличие от перевода создаваемый текст не предназначен для полноценной замены оригинала.

Перевод является основным видом языкового посредничества. Коммуникативная равноценность текстов оригинала и перевода предполагает высокую степень подобия соотнесенных единиц этих текстов. Возможность достижения такого подобия зависит от соотношения систем и правил функционирования ИЯ и ПЯ. Поэтому перевод в большей мере, чем другие виды языкового посредничества, определяется лингвистическими факторами. Адаптивное транскодирование иноязычного оригинала носит парапериодический характер и может быть представлено как объединение двух последовательных преобразований: перевод и заданная адаптация текста перевода. Различные виды адаптивного транскодирования в неодинаковой степени обнаруживают отдельные черты сходства с переводом. Всех их объединяет с переводом их коммуникативная вторичность: это всегда та или иная репрезентация оригинала на другом языке.

Адаптивное транскодирование, ориентированное на заданный объем и характер информации, осуществляется путем составления аннотаций, рефератов, резюме и других форм передачи информации, связанных с отбором и перегруппировкой сведений, содержащихся в иноязычном тексте. Для каждой из этих форм задаются примерный объем и правила изложения материала, облегчающие восприятие переданной информации.

ГЛАВА 3

ТИПЫ ПЕРЕВОДОВ

Системный анализ переводческой практики и понятийной сферы современного переводоведения позволяет построить единую типологию переводов, обобщающую

различные стороны подготовки, выполнения, презентации и функционирования перевода и соотнесенную с другими основными компонентами переводческой деятельности.

Типологизация переводов осуществляется по следующим параметрам:

1. по соотношению типов языка перевода и языка оригинала;
2. по характеру субъекта переводческой деятельности и его отношению к автору переводимого текста;
3. по типу переводческой сегментации и способу переработки переводимого материала;
4. по форме презентации текста перевода и текста оригинала;
5. по характеру соответствия текста перевода тексту оригинала;
6. по жанрово-стилистическим особенностям и жанровой принадлежности переводимого материала;
7. по полноте и типу передачи смыслового содержания оригинала;
8. по основным функциям;
9. по первичности текста оригинала;
10. по типу адекватности.

1) Переводы, выделяемые по соотношению типов языка перевода и языка оригинала:

внутриязыковой перевод – истолкование словесных знаков посредством знаков того же языка:

- **диахронический (исторический) перевод** (перевод на современный язык исторического текста, написанного на языке предшествующей эпохи);
- **транспозиция** (перевод текста одного жанра или функционального стиля в другой жанр или функциональный стиль).

межъязыковой перевод – преобразование сообщения, выраженного средствами какой-либо одной знаковой системы, в сообщение, выраженное средствами другой знаковой системы:

- **бинарный перевод** (перевод с одного естественного языка на другой);
- **интерсемиотический перевод** (перевод с естественного языка на искусственный или наоборот);

- **трансмутация** (перевод с какого-либо искусственного языка на другой искусственный язык).

2) Переводы, выделяемые по общей характеристике субъекта переводческой деятельности и по его отношению к автору переводимого текста:

традиционный (человеческий, ручной) перевод – перевод, выполняемый человеком:

- **перевод, выполненный или выполняемый переводчиком, не являющимся одновременно автором переводимого текста;**
- **авторский (авто-) перевод** (перевод, выполненный автором оригинального текста);
- **авторизованный перевод** (перевод оригинального текста, апробированный автором).
- **машинный (автоматический) перевод** – перевод, выполненный или выполняемый компьютером;
- **смешанный перевод** – перевод с использованием значительной доли традиционной (или машинной) переработки текста.

3) Переводы, выполняемые по типу переводческой сегментации текста и по используемым единицам перевода:

- **поморфемный перевод** – перевод, выполняемый на уровне отдельных морфем без учета их структурных связей;
- **пословный перевод** – перевод, выполняемый на уровне отдельных слов без учета смысловых, синтаксических и стилистических связей между словами;
- **пофразовый перевод** – перевод, выполняемый на уровне отдельных предложений или фраз, переводимых последовательно одно за другим;
- **абзацно-фразовый перевод** – перевод, осуществляемый на уровне отдельных предложений или абзацев, переводимых последовательно одно за другим;
- **цельнотекстный перевод** – перевод целого текста, без выделения в качестве отдельных единиц перевода отдельных слов, предложений или абзацев.

4) Переводы, выделяемые по признаку формы презентации текста перевода и текста оригинала:

письменный перевод – перевод, выполненный в письменной форме:

- **письменный перевод письменного текста** (перевод письменного текста, выполненный в письменной форме);
- **письменный перевод устного текста** (перевод устного текста, выполненный в письменной форме).

устный перевод – перевод, выполненный в устной форме:

- **устный перевод устного текста** (перевод устного текста, выполненный в устной форме):
 - **синхронный перевод** (устный перевод, осуществляемый практически одновременно с произнесением текста оригинала);
 - **последовательный перевод** (разновидность устного перевода, осуществляемого после прослушивания определенной единицы текста, в паузах между этими единицами);
 - **односторонний перевод** (устный перевод, осуществляемый только в одном направлении, т.е. с данного языка на какой-либо другой язык);
 - **двусторонний перевод** (последовательный устный перевод беседы, осуществляемый с одного языка на другой и обратно);
- **устный перевод письменного текста** (перевод письменного текста, выполненный в устной форме).

5) Переводы, выделяемые по признаку характера и качества соответствия текста перевода тексту оригинала:

- **вольный (свободный) перевод** (перевод, воспроизводящий основную информацию оригинала с возможными отклонениями – добавлениями, пропусками и т.п.; осуществляется на уровне текста, поэтому для него оказываются нерелевантными категории эквивалентности языковых единиц):
 - **интерпретация** (вид перевода, основанный на обращении к внеязыковой деятельности, в отличие от собственно перевода, осуществляемого по заданным правилам перехода от средств выражения, принадлежащих одной языковой системе, к средствам выражения, принадлежащим другой языковой системе);
- **адекватный перевод** (перевод, соответствующий оригиналу и выражающий те же коммуникативные установки, что и оригинал);

- **точный (правильный)** перевод (перевод, характеризующийся свойством семантической точности, т.е. семантически полно и правильно передающий план содержания оригинала);

- **аутентичный перевод** (перевод официального документа, имеющий одинаковую юридическую силу с оригиналом; согласно международному праву текст договора может быть выработан и принят на одном языке, но его аутентичность установлена на двух и более языках);

- **заверенный перевод** (перевод, соответствие которого оригиналу подтверждается юридически).

6) Переводы, выделяемые по признаку жанрово-стилистической характеристики переводимого материала и жанровой принадлежности:

- **научно-технический перевод** (перевод научно-технических текстов и документации);

- **общественно-политический перевод** (перевод общественно-политических текстов);

- **художественный перевод** (перевод художественных текстов);

- **военный перевод** (перевод текстов по военной тематике);

- **юридический перевод** (перевод текстов юридического характера);

- **бытовой перевод** (перевод текстов разговорно-бытового характера).

7) Переводы, выделяемые по признакам полноты и способа передачи смыслового содержания оригинала:

полный (сплошной) перевод – перевод, передающий смысловое содержание оригинала без пропусков и сокращений.

неполный перевод – перевод, передающий смысловое содержание оригинала с пропусками и сокращениями:

- **сокращенный перевод** (перевод, передающий смысловое содержание текста в свернутом виде, т.е. с сокращением);

- **фрагментарный перевод** (перевод не целого текста, а лишь отдельного отрывка или отрывков);

- **аспектный перевод** (перевод лишь части текста в соответствии с каким-либо заданным признаком отбора (аспектом));

- **аннотационный перевод** (перевод, в котором отражаются лишь главная тема, предмет и назначение переводимого текста);

- **реферативный перевод** (перевод, в котором содержатся относительно подробные сведения о реферируемом документе – его назначении, тематике, методах исследования, полученных результатах).

8) Переводы, выполняемые по признаку основной прагматической функции:

практический перевод – перевод, предназначенный для практического использования в качестве источника информации:

- **рабочий (информационный) перевод** (неотредактированный перевод, в основном пригодный для практического использования, но не оформленный для опубликования):

- **консультативный перевод** (вид информационного перевода, осуществляется обычно в устной форме, включает элементы аннотирования, реферирования и выборочного перевода с листа, выполняется, как правило, в присутствии заказчика, уточняющего по ходу перевода интересующие его аспекты содержания текста оригинала);

- **издательский (печатный) перевод** (письменный перевод, тиражированный при помощи средств массового размножения и предназначенный для широкого распространения);

- **опубликованный перевод** (практический или учебный перевод, тиражированный при помощи средств массового размножения).

учебный перевод – перевод, используемый в учебном процессе для подготовки переводчиков или как один из приемов обучения иностранному языку;

экспериментальный перевод – перевод, выполненный с исследовательской целью;

эталонный перевод – образцовый перевод, используемый для сравнения с квалифицируемым переводом.

9) Переводы, выделяемые по признаку первичности/непервичности текста оригинала:

прямой (первичный, непосредственный) перевод – перевод, выполненный непосредственно с оригинала;

косвенный (вторичный, не прямой) перевод – перевод, осуществленный не непосредственно с текста оригинала, а с его перевода на какой-либо другой язык;

обратный перевод – экспериментальный или учебный перевод уже переведенного текста на исходный язык.

10) Переводы, выделяемые по типу адекватности:

семантико-стилистически адекватный перевод – семантически полный и точный и стилистически эквивалентный перевод, соответствующий функционально-стилистическим нормам языка перевода;

прагматически (функционально) адекватный перевод – перевод, правильно передающий основную (доминирующую) коммуникативную функцию оригинала;

дезиративно адекватный перевод – перевод, полно и правильно отвечающий на информационный запрос потребителя и не обязательно передающий полное смысловое содержание и ведущую коммуникативную функцию оригинала.

ГЛАВА 4

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА

Одна из главных задач переводчика заключается в максимально полной передаче содержания оригинала, и, как правило, фактическая общность содержания оригинала и перевода весьма значительна.

Следует различать потенциально достижимую эквивалентность, под которой понимается максимальная общность содержания двух разноязычных текстов, допускаемая различиями языков, на которых созданы эти тексты, и переводческую эквивалентность – реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала при переводе, но в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной.

Различия в системах ИЯ и ПЯ и особенностях создания текстов на каждом из этих языков в разной степени могут ограничивать возможность полного сохранения в переводе содержания оригинала. Поэтому переводческая эквивалентность может основываться на сохранении (и соответственно утрате) разных элементов смысла, содержащихся в оригинале. В зависимости от того, какая часть содержания передается в переводе для

обеспечения его эквивалентности, различаются разные уровни (типы) эквивалентности. На любом уровне эквивалентности перевод может обеспечивать межъязыковую коммуникацию.

Любой текст выполняет какую-то коммуникативную функцию: сообщает какие-то факты, выражает эмоции, устанавливает контакт между коммуникантами, требует от Рецептора какой-то реакции или действий и т.п. Наличие в процессе коммуникации подобной цели определяет общий характер передаваемых сообщений и их языкового оформления. Сравним такие отрезки речи, как: *На столе лежит яблоко; Как я люблю яблоки!; Дай мне, пожалуйста, яблоко; Ты слышишь, что я сказал?*. В каждом из этих высказываний, помимо значений отдельных слов и структур и конкретного содержания всего сообщения, можно обнаружить и обобщенное функциональное содержание: констатацию факта, экспрессию, побуждение, поиск контакта. Текст может последовательно или одновременно выполнять несколько коммуникативных функций – приведенные выше высказывания могут составить единый связный текст – но он не может не иметь в своем содержании функциональной задачи (цели коммуникации), не утратив своей коммуникативности, т.е. не перестав быть результатом акта речевой коммуникации.

Часть содержания текста (высказывания), указывающая на общую речевую функцию текста в акте коммуникации, составляет его цель коммуникации. Она представляет собой "производный" ("подразумеваемый" или "переносный") смысл, присутствующий в нем как бы в скрытом виде, выводимый из всего высказывания как смыслового целого. Отдельные языковые единицы участвуют в создании такого смысла уже не непосредственно через свое собственное значение, а опосредственно, составляя с другими единицами смысловое целое, которое служит основой для выражения с его помощью дополнительного смысла. Воспринимая высказывание, Рецептор должен не только понять значение языковых единиц и их связь друг с другом, но и сделать определенные выводы из всего содержания, извлечь из него дополнительную информацию, которая сообщает не только что говорит Источник, но и для чего он это говорит, "что он хочет этим сказать".

Эквивалентность переводов первого типа заключается в сохранении только той части содержания оригинала, которая составляет цель коммуникации:

1. *Maybe there is some chemistry between us that doesn't mix. – Бывает, что люди не сходятся характерами.*
2. *That's a pretty thing to say. – Постыдился бы!*

3. *Those evening bells, those evening bells, how many a tale their music tells.* – *Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит он.*

В примере (1) цель коммуникации заключалась в передаче переносного значения, которое и составляет главную часть содержания высказывания. Здесь коммуникативный эффект достигается за счет своеобразного художественного изображения человеческих отношений, уподобляемых взаимодействию химических элементов. Подобное косвенное описание данной информации признано переводчиком неприемлемым для ПЯ и заменено в переводе другим, несколько менее образным высказыванием, обеспечивающим, однако, необходимый коммуникативный эффект.

В примере (2) цель коммуникации заключается в выражении эмоций говорящего, который возмущен предыдущим высказыванием собеседника. Для воспроизведения в переводе этой цели переводчик использовал одну из стереотипных фраз, выражающих возмущение в русском языке, хотя составляющие ее языковые средства не соответствуют единицам оригинала.

И, наконец, в примере (3) общей функцией оригинала, которую переводчик стремится всеми средствами сохранить, является поэтическое воздействие, основанное на звукописи, рифме и размере. Ради воспроизведения этой информации исходное сообщение заменяется другим, обладающим необходимыми поэтическими качествами.

Как видно из указанных примеров, цель коммуникации представляет собой наиболее общую часть содержания высказывания, свойственную высказыванию в целом и определяющую его роль в коммуникативном акте.

Для отношений между оригиналами и переводами этого типа характерно:

1. несопоставимость лексического состава и синтаксической организации;
2. невозможность связать лексику и структуру оригинала и перевода отношениями семантического перефразирования или синтаксической трансформации;
3. отсутствие реальных или прямых логических связей между сообщениями в оригинале и переводе, которые позволили бы утверждать, что в обоих случаях "сообщается об одном и том же";

4. наименьшая общность содержания оригинала и перевода по сравнению со всеми иными переводами, признаваемыми эквивалентными.

Таким образом, в данном типе эквивалентности в переводе как будто говорится "совсем не то" и "совсем не о том", что в оригинале. Этот вывод справедлив в отношении всего сообщения в целом, даже если одно или два слова в оригинале имеют прямые или косвенные соответствия в переводе. Например, к этому типу можно отнести перевод *She lifted her nose up in the air* – Она смерила его презрительным взглядом, хотя субъекты этих предложений непосредственно соотнесены.

Переводы на таком уровне эквивалентности выполняются как в тех случаях, когда более детальное воспроизведение содержания невозможно, так и тогда, когда такое воспроизведение приведет Рецептора перевода к неправильным выводам, вызовет у него совсем другие ассоциации, чем у Рецептора оригинала, и тем самым помешает правильной передаче цели коммуникации.

Английская пословица *A rolling stone gathers no moss* описывает ситуацию, легко передаваемую в русском переводе, например: *Катящийся камень мха не собирает* (или: *мхом не обрастает*). Однако из этой ситуации Рецептор перевода не сможет извлечь ту цель коммуникации, которая содержится в оригинале. Для него сама ситуация не указывает достаточно четко, как следует к ней относиться, "хорошо" это или "плохо", что нет мха. В то же время для английского Рецептора ясно, что в этой ситуации мох олицетворяет богатство, добро и что его отсутствие – явление отрицательное. Таким образом, ситуация, описываемая английской пословицей, подразумевает вывод, что следует не бродить по свету, а сидеть дома и копить добро. Эквивалентным переводом будет русская фраза, имеющая ту же эмотивную установку и максимально воспроизводящая стилистическую (поэтическую) функцию оригинала (форму пословицы). Поскольку описание той же ситуации не обеспечивает необходимого результата, приходится использовать сообщение, описывающее иную ситуацию. Попытка удовлетворить указанным требованиям дает примерный перевод: Кому на месте не сидится, тот добра не наживет.

Во втором типе эквивалентности общая часть содержания оригинала и перевода не только передает одинаковую цель коммуникации, но и отражает одну и ту же внеязыковую ситуацию. **Ситуацией** называется совокупность объектов и связей между объектами, описываемая в высказывании. Любой текст содержит информацию о чем-то,

соотнесен с какой-то реальной или воображаемой ситуацией. Коммуникативная функция текста не может осуществляться иначе, как через посредство ситуативно-ориентированного сообщения. Нельзя себе представить связного текста, который был бы "ни о чем", как не может существовать мысль без предмета мысли.

Второй тип эквивалентности представлен переводами, смысловая близость которых к оригиналу также не основывается на общности значений использованных языковых средств. Вот несколько примеров переводов такого типа:

He answered the telephone. – Он снял трубку.

You are not fit to be in a boat. – Тебя нельзя пускать в лодку.

You see one bear, you have seen them all. – Все медведи похожи друг на друга.

В приравниваемых в этих примерах разноязычных высказываниях большинство слов и синтаксических структур оригинала не находит непосредственного соответствия в тексте перевода. Вместе с тем можно утверждать, что между оригиналами и переводами этой группы существует большая общность содержания, чем при эквивалентности первого типа. Сопоставим, например, переводы:

1) *That's a pretty thing to say. – Постыдился бы!*

2) *He answered the telephone. – Он снял трубку.*

В (1) речь идет о совершенно разных явлениях, между которыми нельзя усмотреть какой-либо реальной связи. Общность оригинала и перевода заключается лишь в том, что в обоих случаях можно сделать одинаковые выводы об эмоциональном отношении говорящего к предыдущему замечанию его собеседника. Во (2) несопоставимые языковые средства оригинала и перевода фактически описывают один и тот же поступок, указывают на одинаковую реальность, поскольку говорить по телефону можно, только сняв трубку. В обоих текстах речь идет о разном, но "об одном и том же". О таких высказываниях в обиходе часто говорят, что они "выражают другими словами одну и ту же мысль".

Для отношений между оригиналами и переводами этого типа характерно:

1) несопоставимость лексического состава и синтаксической организации;

2) невозможность связать лексику и структуру оригинала и перевода отношениями семантического перефразирования или синтаксической трансформации;

3) сохранение в переводе цели коммуникации, поскольку, как мы уже установили, сохранение доминантной функции высказывания является обязательным условием эквивалентности;

4) сохранение в переводе указания на ту же самую ситуацию, что доказывается существованием между разноязычными сообщениями прямой реальной или логической связи, позволяющей утверждать, что в обоих случаях "сообщается об одном и том же".

Широкое распространение в переводах эквивалентности второго типа объясняется тем, что в каждом языке существуют предпочтительные способы описания определенных ситуаций, которые оказываются совершенно неприемлемыми для других языков. По-английски говорят: *We locked the door to keep thieves out*, а по-русски кажется нелепым описывать данную ситуацию подобным образом (*запирать дверь, чтобы держать воров снаружи*), но вполне возможно сказать: *чтобы воры не проникли в дом*. Подчеркивая невозможность для себя каких-либо поступков, англичанин скажет: *I am the last man to do it*. По-русски невозможно воспроизвести подобное сообщение, назвав кого-либо последним человеком, способным сделать что-либо.

Придется описать в переводе эту ситуацию другим путем, например: *Уж я, во всяком случае, этого не сделаю*. Необходимость устанавливать при переводе эквивалентность на уровне ситуации может быть связана и с тем, что во многих случаях члены языкового коллектива постоянно применяют лишь один способ описания определенной ситуации. Особенно часто это имеет место в стандартных речевых формулах, предупредительных надписях, общепринятых пожеланиях, выражениях соболезнования и т.д. Услышав просьбу позвать кого-либо к телефону, по-русски спросят: *Кто его спрашивает?*, а по-английски: *Who shall I say is calling?* Указать, в какую сторону открывается дверь, нужно по-английски надписью *Pull* или *Push*, а по-русски – *К себе* или *От себя*. Теоретически можно по-разному предупредить о свежеекрашенном предмете, но по-русски обязательно напишут: *Осторожно, окрашено*, а по-английски – *Wet paint*.

Если ситуация, описанная в оригинале, должна быть передана в ПЯ лишь одним строго определенным способом, выбор варианта перевода происходит как бы независимо от способа описания данной ситуации в тексте оригинала, и структура сообщения в переводе оказывается заранее заданной. Естественно, что при этом соответствующие

сообщения в оригинале и переводе могут иметь одинаковую структуру лишь в исключительных случаях, когда обязательные способы описания данной ситуации в обоих языках совпадают. В большинстве же случаев обязательность или предпочтительность определенного способа описания ситуации в ПЯ связана с заменой способа ее описания в оригинале, с установлением в переводе эквивалентности второго типа. Вот несколько примеров таких замен из переводов книг английских и американских авторов:

Stop, I have a gun! (R. Bradbury). – Стой, я буду стрелять.

Reduction on taking a quantity. (J. Galsworthy). – Оттовым покупателям скидка.

Peter's face muscles tightened. (A. Honey). – Питер стиснул зубы.

He left the ship on Tuesday. (J.K. Jerome). – Он сошел на берег во вторник.

Отказ от воспроизведения в переводе ситуации, описанной в оригинале, т.е. использование эквивалентности не второго, а первого типа, обуславливается лишь необходимостью сохранения при переводе цели коммуникации в тех случаях, когда описанная ситуация не связана у Рецепторов перевода с необходимыми ассоциациями. В романе Дж. Брэйна "Место наверху" герой, с презрением описывая внешность молодого человека "из низов", говорит, в частности, что у него *the face behind the requests on Forces Favourites*, т.е. лицо человека, который посылает заявки для исполнения по радио в концерте для военнослужащих. Подобная ситуация вряд ли будет воспринята читателем русского перевода как уничижительная характеристика. Поэтому переводчики (Т. Кудрявцева и Т. Озерская) предпочли установить эквивалентность с совершенно иной ситуацией: *такие лица видишь на плакатах.*

Особенно важной является способность определенной ситуации вызывать у Рецепторов одного языкового коллектива какие-то дополнительные ассоциации, на основании которых они приходят к строго определенным выводам и заключениям. Иначе говоря, различные ситуации могут получать в рамках культуры данного коллектива особое значение, отличающееся от того значения, которое имеют эти ситуации для членов иных языковых сообществ. Известно, что у одних народов кивок головой означает утверждение, а у других – отрицание. Отсюда следует, что описание этого жеста может по-разному пониматься представителями разных народов. Сообщение, что кто-то поехал по правой стороне улицы, свидетельствует для английского Рецептора о нарушении

правил и кажется тривиальным для жителя страны, где принято правостороннее движение.

Третий тип эквивалентности может быть охарактеризован следующими примерами:

Scrubbing makes me bad-tempered. – *От мытья полов у меня настроение портится.*

London saw a cold winter last year. – *В прошлом году зима в Лондоне была холодной.*

That will not be good for you. – *Это может для вас плохо кончиться.*

Сопоставление оригиналов и переводов этого типа обнаруживает следующие особенности:

1. отсутствие параллелизма лексического состава и синтаксической структуры;
2. невозможность связать структуры оригинала и перевода отношениями синтаксической трансформации;
3. сохранение в переводе цели коммуникации и идентификации той же ситуации, что и в оригинале;
4. сохранение в переводе общих понятий, с помощью которых осуществляется описание ситуации в оригинале, т.е. сохранение той части содержания исходного текста, которую мы назвали "способом описания ситуации".

Сопоставительный анализ переводов показывает, что наиболее часто отмечаются следующие виды указанного варьирования:

1. степень детализации описания;
2. способ объединения описываемых признаков в сообщении;
3. направление отношений между признаками;
4. распределение отдельных признаков в сообщении.

Степень детализации описания. Описание ситуации избранным способом может осуществляться с большими или меньшими подробностями. Она может включать прямое указание на разное число деталей, характерных для данной ситуации. В результате синонимичные сообщения будут различаться по степени эксплицитности. Некоторые признаки в одних сообщениях будут названы, а в других останутся лишь

подразумеваемыми, легко выводимыми из сообщения, но не включенными непосредственно в его состав. Подобные признаки могут быть признаны избыточными.

Он постучал и вошел. – Он постучал и вошел в комнату.

Я не могу его сдвинуть. – Я не могу его сдвинуть с места.

Она сидела, откинувшись в кресле. – Она сидела, откинувшись на спинку кресла.

В приведенных примерах выбор большей или меньшей эксплицитности сообщения всецело зависел от Источника. Однако нередко соотношение эксплицитного и имплицитного в сообщении определяется особенностями функционирования данной языковой системы. В качестве иллюстрации можно отметить большую имплицитность английского языка по сравнению с русским. В связи с этим в англо-русских переводах наиболее часто наблюдается большая эксплицитность перевода по сравнению с оригиналом. Вот несколько примеров из перевода романа Дж. Голсуорси "Конец главы" (Пер. К. Корнеева и П. Мелковой):

I saw there was a question asked. – Я видел в газетах, что был запрос.

They lay watching. – Они лежали и следили за Ферзем.

*"Will you come here, my – Miss?" Jean went. – "Прошу вас, пройдите сюда, ми... мисс".
Джин вошла вслед за ним.*

People went into rooms as if they meant to stay there. – Каждый устраивался у себя в комнате так, словно собираясь обосноваться в ней навсегда.

Большая эксплицитность английского оригинала наблюдается относительно реже. Как правило, опущение каких-то деталей в переводе не является обязательным и может быть объяснено стремлением переводчика добиться большей лаконичности изложения:

He opened a desk drawer, took out cigarettes and offered them to Christine. – ...и достав из стола сигареты, предложил Кристине.

Переводчики сочли возможным не переводить часть оригинала, выражающую очевидную мысль (чтобы достать что-то из ящика, нужно его открыть).

Способ объединения описываемых признаков в сообщении. Понятия, обобщающие избранные признаки ситуации, сочетаются в сообщении по определенным правилам его построения. Наряду с явлениями, общими для всех языков, каждый язык налагает свои ограничения на возможности сочетания отдельных понятий в составе сообщения.

Различие закономерностей построения сообщений часто делает структуру сообщения в одном языке как бы "алогичной" с точки зрения носителей другого языка, вызывая необходимость семантического перефразирования при переводе. Так, в английском предложении *He was thin and tentative as he slid his birth certificate from Puerto Rico across the desk* соединение постоянного (thin) и временного признака (tentative) сочинительным союзом необычно для русского языка, особенно в связи с придаточным времени – *Он был худым и неуверенным, когда протягивал...* Английские пословицы типа *It is a good horse that never stumbles; It is an ill wind that blows nobody good*, значение которых можно представить как *Лошадь, которая не спотыкается, настолько хороша, что таких лошадей не бывает* и *Ветер, который никому не надует добра, настолько плох, что такого ветра не бывает*, весьма вычурно, и, с точки зрения русского Рецептора, выражают содержание, аналогичное русским сообщениям *Конь о четырех ногах и то спотыкается* и *Нет худа без добра*.

Направление отношений между признаками. При описании ситуации с различных точек зрения синонимичные сообщения могут быть связаны отношениями конверсивности: *Профессор принимает экзамен у студентов – Студенты сдают экзамен профессору*. Крайним случаем такого различия являются отношения противоположности, когда синонимичность двух сообщений основывается на утверждении признака в одном из них и отрицании противоположного признака в другом: *Он всегда об этом помнит – Он никогда об этом не забывает; Мы все время сидим дома – Мы никуда не выходим; Эта задача трудная – Эта задача нелегкая* и т.п.

Аналогичные отношения часто обнаруживаются и между оригиналами и переводами рассматриваемого типа. Нередко конверсивное перефразирование не носит обязательного характера, а избирается переводчиком по стилистическим соображениям:

He drove on. They had their backs to the sunlight now. – Он повел машину дальше. Теперь солнце светило им в спину.

Do I look all right? – У меня приличный вид?

Will you marry me, Lady Aline? – Хотите ли вы, чтобы я стал вашим мужем, леди Элин?

Особенно часто подобный тип отношений отмечается при переводе сообщений, в которых неодушевленные объекты выступают в качестве субъектов глаголов, значение которых относится обычно к одушевленному лицу, например: *The lounge had been redecorated since his last visit, and had acquired several facilities.*

Подобный способ описания ситуации гораздо чаще используется в английском языке, чем в русском. В результате сообщение в переводе имеет иную векториальность:

Last year witnessed a sharp increase of production in this country. – В прошлом году в нашей стране отмечался резкий рост производства.

Как и в пределах одного языка, эквивалентные сообщения могут содержать противоположные признаки, например:

The American Railroad Union excluded Negroes from its membership. – Профсоюз железнодорожников не принимал в свои ряды негров.

"You'll make yourself ill" said Betsey, "and you know that will not be good either for you or for my god-daughter." (Ch. Dickens). – Вы доведете себя до болезни, – заметила Бетси, – и это может плохо кончиться и для вас и для моей крестницы. (Пер. А. Кривцовой и Е. Ланна).

Распределение отдельных признаков в сообщении. Эквивалентные сообщения, относящиеся к одному и тому же способу описания ситуации, могут отличаться друг от друга и распределением признаков по отдельным частям сообщения. Возможность объединения и последовательность описания признаков оказывается порой неодинаковой в разных языках. В таких случаях порядок следования признаков в тексте перевода может быть иным, чем в оригинале, например:

Remarkable constitution, too, and lets you see it: great yachtsman. (J. Galsworthy). – Он отличный яхтсмен, великолепно сложен и умеет это показать. (Пер. Ю. Корнеева и П. Мелковой).

Особо следует отметить **возможность перераспределения признаков между соседними сообщениями**. Описание многих отдельных признаков обладает

потенциальной нелокальностью. В связном тексте ряд высказываний, как правило, описывает ситуации, вместе составляющие более крупные отрезки действительности. Поэтому помимо выбора признаков, которые будут упоминаться в сообщении, Источник нередко имеет возможность выбрать сообщение в тексте, где будет указан тот или иной признак. Хотя связь между отдельными признаками сохраняется, возможно перемещение некоторых признаков из одного высказывания в другое в рамках описания более сложной ситуации.

Марина долго не приходила. Светлана ждала ее в лаборатории. Наконец, та вернулась. = Марина не приходила. Светлана долго ждала ее. Наконец, она вернулась в лабораторию.

Возможность перемещения признаков в смежных сообщениях нередко используется в переводе в стилистических целях, например, ради достижения простоты и естественности разговорной речи:

I haven't had a joint with you, old man, since we went up to Carmarthen Van in that fog before the war. Remember? (J. Galsworthy). – Помнишь, как мы взбирались в тумане на Кармартен Вэн сразу после войны? Это была наша последняя прогулка с тобой, старина. (Пер. К. Корнеева и П. Мелковой).

Как видно из приведенных примеров, семантическое перефразирование часто имеет комплексный характер, одновременно меняя способ объединения признаков, исходную точку описания, порядок следования и распределение признаков и т.п.

В описанных выше трех типах эквивалентности общность содержания оригинала и перевода заключалась в сохранении основных элементов содержания текста. Как единица речевой коммуникации, текст всегда характеризуется коммуникативной функциональностью, ситуативной ориентированностью и избирательностью способа описания ситуации. Эти признаки сохраняются и у минимальной единицы текста – высказывания. Иными словами, в содержании любого высказывания выражается какая-то цель коммуникации через описание какой-то ситуации, осуществляемое определенным способом (путем отбора некоторых признаков данной ситуации). В первом типе эквивалентности в переводе сохраняется только первая из указанных частей содержания оригинала (цель коммуникации), во втором типе – первая и вторая (цель коммуникации и описание ситуации), в третьем – все три части (цель коммуникации, описание ситуации и способ ее описания).

Выражение "часть содержания" не означает "часть высказывания" или "содержание части высказывания". Указанные части содержания не расположены в высказывании линейно, друг за другом, так чтобы в одной части высказывания содержалась бы цель коммуникации, а в другой – описание ситуации. Они выражаются всем составом высказывания, одна через другую, образуя как бы семантическую пирамиду: информация об отличительных признаках некоторой совокупности связанных между собою объектов дает описание ситуации, а описание ситуации выполняет определенную функцию.

Наличие в содержании высказывания (текста) информации о цели коммуникации, ситуации и способе ее описания отражает специфику речевой коммуникации, ее неразрывную связь с целенаправленной деятельностью людей, окружающей действительностью и формой отражения этой действительности в человеческом мышлении. Эта связь универсальна для речевого общения на всех языках, и ее универсальность во многом определяет возможность коммуникативного приравнения разноязычных текстов. Хотя, как было показано выше, языковая избирательность препятствует порой сохранению в переводе способа описания ситуации или даже требует замены ситуации для передачи цели коммуникации оригинала, существует принципиальная возможность в любом переводе обеспечить тождественность одной, двух или всех трех важнейших частей содержания оригинала.

Эквивалентность перевода при передаче семантики языковых единиц

Функционально-ситуативные аспекты содержания высказывания не составляют всей содержащейся в нем информации. Содержание двух высказываний может быть различным, даже если они передают одну и ту же цель коммуникации, описывают одинаковую ситуацию с помощью одних и тех же общих понятий. Для полного тождества их содержания необходимо еще, чтобы полностью совпали составляющие их лексические единицы (слова) и синтаксические отношения между этими единицами. Любое сообщение строится из языковых единиц, каждая из которых репрезентирует определенную информацию, имеет собственное значение. Содержание высказывания не существует помимо значений языковых единиц, из которых оно состоит, хотя оно часто полностью не сводится к простой сумме таких значений. Кроме того что языковые единицы в высказывании совместно выражают функционально-ситуативные аспекты его содержания, они вносят в это содержание и дополнительный смысл, который также входит в передаваемое сообщение. В различных условиях коммуникации на первый план могут выступать отдельные смысловые элементы высказываний, и тогда выбор того или

инога слова или синтаксической структуры приобретает важную роль в содержании всего сообщения.

Если в первых трех типах эквивалентности речь шла о передаче элементов смысла, сохранение которых возможно при значительном несовпадении языковых средств, через которые этот смысл выражается в оригинале и переводе, то теперь требуется найти эквивалентные соответствия значениям языковых единиц ИЯ. Поскольку значения единиц разных языков полностью не совпадают, замещающие друг друга элементы оригинала и перевода, как правило, не тождественны по смыслу. Тем не менее, во многих случаях в переводе удается воспроизвести значительную часть информации, содержащуюся в языковых средствах оригинала. В следующих двух типах эквивалентности смысловая общность оригинала и перевода включает не только сохранение цели коммуникации, указания на ситуацию и способа ее описания, но и максимально возможную близость значений соотнесенных синтаксических и лексических единиц. Здесь уже сохраняются сведения не только "для чего", "о чем" и "что" говорится в тексте оригинала, но отчасти и "как это говорится".

В четвертом типе эквивалентности, наряду с тремя компонентами содержания, которые сохраняются в третьем типе, в переводе воспроизводится и значительная часть значений синтаксических структур оригинала. Структурная организация оригинала репрезентирует определенную информацию, входящую в общее содержание переводимого текста. Синтаксическая структура высказывания обуславливает возможность использования в нем слов определенного типа в определенной последовательности и с определенными связями между отдельными словами, а также во многом определяет ту часть содержания, которая выступает на первый план в акте коммуникации. Поэтому максимально возможное сохранение синтаксической организации оригинала при переводе способствует более полному воспроизведению содержания оригинала. Кроме того, синтаксический параллелизм оригинала и перевода дает основу для соотнесения отдельных элементов этих текстов, оправдывая их структурное отождествление коммуникантами.

Сопоставительный анализ обнаруживает значительное число переводов, у которых существует параллелизм синтаксической организации по отношению к оригиналу. Использование в переводе аналогичных синтаксических структур обеспечивает инвариантность синтаксических значений оригинала и перевода. Особенно важным оказывается обеспечение подобного параллелизма при переводе текстов государственных

или международных актов, где перевод часто получает правовой статус оригинала, т.е. оба текста имеют одинаковую силу, являются аутентичными. Стремление к сохранению синтаксической организации текста без труда обнаруживается и при сопоставлении с оригиналом переводов произведений иного типа, в том числе и художественных. Вот, например, небольшой отрывок из романа Марка Твена "Янки из Коннектикута при дворе короля Артура" и его перевод (Пер. Н. Чуковского):

One thing troubled me along at first – the immense interest which people took in me. Apparently the whole nation wanted a look at me. It soon transpired that the eclipse had scared the British world almost to death; that while it lasted the whole country, from one end to the other, was in a pitiable state of panic, and the churches, hermitages and monkeries overflowed with praying and weeping poor creatures who thought the end of the world has come. Then had followed the news that the producer of this awful event was a stranger, a mighty magician at Arthur's court; that he could have blown the sun like a candle, and was just going to do it when his mercy was purchased, and he then dissolved his enchantments, and was now recognized and honored as the man who had by his unaided might saved the globe from destruction and its people from extinction.

Одно тревожило меня вначале – то необыкновенное любопытство, с которым относились ко мне все. Казалось, весь народ хотел на меня поглядеть. Вскоре стало известно, что затмение перепугало всю Британию до смерти, что пока оно длилось, вся страна от края и до края была охвачена безграничным ужасом и все церкви, обители и монастыри были переполнены молящимися и плачущими людьми, уверенными, что настал конец света. Затем все узнали, что эту страшную беду наслал иностранец, могущественный волшебник, живущий при дворе короля Артура, что он мог потушить солнце, как свечку, и собирался это сделать, но его упростили рассеять чары, и что теперь его следует почитать как человека, который своим могуществом спас вселенную от разрушения, а народы – от гибели.

Перевод этого отрезка выполнен высококвалифицированным переводчиком, умело пользующимся богатством средств выражения в русском языке. Повествование разворачивается легко и свободно, в нем трудно усмотреть какую-то скованность, подчиненность иноязычной форме и пр. И, несмотря на это, можно заметить значительную общность синтаксической организации оригинала и перевода. Общее количество предложений совпадает. Соотнесенные предложения принадлежат к одному типу, расположение, порядок следования главных и придаточных предложений одинаков.

Если в оригинале в предложении имеются однородные члены, то и в переводе повторяется тот же член предложения. В подавляющем большинстве случаев каждому члену предложения в оригинале соответствует одноподобный член предложения в переводе, расположенный одинаково по отношению к другим членам и т.п.

Таким образом, отношения между оригиналами и переводами четвертого типа эквивалентности характеризуются следующими особенностями:

1) значительным, хотя и неполным параллелизмом лексического состава – для большинства слов оригинала можно отыскать соответствующие слова в переводе с близким содержанием;

2) использованием в переводе синтаксических структур, аналогичных структурам оригинала или связанных с ними отношениями синтаксического варьирования, что обеспечивает максимально возможную передачу в переводе значения синтаксических структур оригинала;

3) сохранением в переводе всех трех частей содержания оригинала, характеризующих предыдущий тип эквивалентности: цели коммуникации, указания на ситуацию и способа ее описания.

При невозможности полностью сохранить синтаксический параллелизм несколько меньшая степень инвариантности синтаксических значений достигается путем использования в переводе структур, связанных с аналогичной структурой отношениями синтаксического варьирования. В четвертом типе эквивалентности отмечаются три основных вида такого варьирования:

1) использование синонимичных структур, связанных отношениями прямой или обратной трансформации;

2) использование аналогичных структур с изменением порядка слов;

3) использование аналогичных структур с изменением типа связи между ними.

В каждом языке имеются синонимические структуры, которые можно вывести из исходной ("ядерной") структуры или, напротив, свести к ней при помощи определенных преобразований (синтаксических трансформаций). Такие структуры обладают общностью основных логико-синтаксических связей, и в то же время каждая из них имеет и

собственное синтаксическое значение, отличающее ее от значений других структур такого трансформационного (синонимического) ряда. Так, из исходной структуры с основным значением "деятель – действие" может быть выведен ряд структур, сохраняющих это основное значение и различающихся лишь дополнительными синтаксическими значениями: *мальчик читает – чтение мальчика – читающий мальчик – прочитанное мальчиком* и т.д.

Различия между синонимичными структурами неоднородны. Это могут быть различия между значениями противопоставленных друг другу форм в пределах одной синтаксической категории или одного типа предложения: *Мальчик бросил камень. – Камень был брошен мальчиком. That he went there was a mistake. – It was a mistake that he went there.* Это могут быть и разнотипные структуры, объединенные общим смыслом, например, предложный оборот (*При описании данной теории...*), деепричастный оборот (*Описывая данную теорию...*), придаточное предложение (*Когда описывается данная теория...*) и пр.

Во всех подобных случаях содержание высказывания имеет значительную общность, отличаясь лишь дополнительной информацией, содержащейся в каждой отдельной структуре. Иногда эта информация может оказаться немаловажной для содержания высказывания, особенно когда она указывает на преимущественное использование данной структуры в определенной сфере общения, т.е. определяет ее стилистическую маркированность. Так, в русском языке использование страдательной конструкции с кратким причастием обычно характерно для книжной и деловой речи: *Он был рожден под знойным солнцем юга; Она была представлена к награде* и пр. Аналогичным образом, в английском языке к официально-деловому стилю относится бессоюзное придаточное предложение условия, например: *Had a positive decision been taken at the General Assembly.* Напротив, аналогичное бессоюзное предложение в русском языке употребляется, в основном, в разговорной речи: *Приди ты на часок раньше, все было бы в порядке.*

В большинстве случаев замена одного члена синонимического ряда структур другим не влечет за собой существенного изменения общего содержания высказывания. Поэтому применение в переводе синонимичной структуры в рамках четвертого типа эквивалентности с достаточной полнотой сохраняет значение синтаксической структуры оригинала:

I told him what I thought of her. – Я сказал ему свое мнение о ней.

He was never tired of old songs. – Старые песни ему никогда не надоедали.

It is very strange this domination of our intellect by our digestive organs. – Странно, до какой степени пищеварительные органы властвуют над нашим рассудком.

Использование в переводе аналогичной структуры часто оказывается возможным лишь при условии изменения порядка следования слов в данной структуре. Понятно, что речь идет не о таких случаях, когда изменение порядка слов связано с коренным преобразованием субъектно-объектных отношений типа *Танки закрыли кусты* и *Кусты закрыли танки*, а о структурно идентичных предложениях с одинаковым способом описания ситуации.

Порядок слов в высказывании может выполнять одну из трех основных функций: служить средством оформления определенной грамматической категории, обеспечивать смысловую связь между частями высказывания и между соседними высказываниями (служить средством коммуникативного членения высказывания и текста) и указывать на эмоциональный характер высказывания. Несовпадение способов выражения любой из этих функций в ИЯ и ПЯ может приводить к несовпадению порядка слов в эквивалентных высказываниях с аналогичной синтаксической структурой. Сравним переводы двух английских предложений:

A meeting in defence of peace was held in Trafalgar Square yesterday.

The meeting in defence of peace in Trafalgar Square condemned the apartheid policy in South Africa.

В обоих предложениях порядок слов фиксирован правилами построения английских предложений подобного типа. Для указания на характер коммуникативного членения высказывания английский язык использует различие в значении определенного и неопределенного артиклей. В первом предложении подлежащее оформлено неопределенным артиклем, указывающим на то, что оно является ремой, центром той части сообщения, которая содержит "новые" сведения. В русском языке при неэмфатическом повествовании такой коммуникативный центр сообщения тяготеет к концу предложения. Поэтому в переводе эквивалентное высказывание будет иметь иной порядок слов:

Вчера на Трафальгар-сквер состоялся митинг в защиту мира.

Во втором предложении определенный артикль при подлежащем указывает, что коммуникативным центром сообщения является не подлежащее, а группа сказуемого, составляющая конечную часть высказывания. Поэтому порядок слов в переводе может быть сохранен:

Митинг в защиту мира на Трафальгар-сквер осудил политику апартеида в Южной Африке.

Относительно свободный порядок слов в русском языке позволяет широко использовать изменения в последовательности отдельных частей высказывания в соответствии с его коммуникативным членением для передачи логического развития передаваемой мысли от известного к новому.

Аналогичное изменение порядка слов обеспечивает и логическую связь между соседними высказываниями:

Experience changed the ideas of this British officer. American airmen started the process of "brain-washing". He saw them machine-gun a road full of refugees.

Если при переводе этих предложений на русский язык будет сохранен порядок слов, то результатом будет перечисление ряда изолированных сообщений, не составляющих единого повествования:

Опыт изменил образ мыслей этого английского офицера. Американские летчики положили начало процессу "прозрения". Он видел, как они обстреливали из пулеметов дорогу, забитую беженцами.

Эквивалентный перевод может быть достигнут лишь при изменении порядка слов во втором предложении:

Опыт изменил образ мыслей этого английского офицера. Начало процессу "прозрения" положили американские летчики. Он видел, как они обстреливали из пулеметов дорогу, забитую беженцами.

В связи с фиксированным порядком слов в английском языке относительно редкие случаи инверсии, т.е. отклонения от обычного ("прямого") порядка расположения членов предложения, используются как эффективный способ выражения эмоциональной характеристики высказывания. Частое применение инверсии в русском языке для

указания коммуникативного центра сообщения делает ее недостаточно действенным средством выражения эмоциональности. Поэтому в таких случаях "обратный" порядок слов оригинала может не воспроизводиться в переводе, а для передачи эмоциональной характеристики могут использоваться иные средства, в том числе и лексико-фразеологические:

Mine is a long and a sad tale. – Повесть моя длинна и печальна.

Open flew the gate and in came the coach. – Ворота распахнули настежь, и карета уже была во дворе.

Him I have never seen. – Я его никогда и в глаза не видел.

Изменение порядка слов в таких случаях может сопровождаться и некоторыми структурными перестройками:

Ernest Pontifex, yours is one of the most painful cases I have ever had to deal with. – Эрнест Понтифекс, вряд ли я когда-либо сталкивался с делом, более прискорбным, чем ваше.

Использование в переводе структур, аналогичных структурам оригинала, может сопровождаться изменением типа связи между структурами в пределах более крупного синтаксического целого. Здесь возможно варьирование между простыми, сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями. Различие между типами предложений имеет определенную коммуникативную значимость. Например, различие в значениях таких предложений, как *Начался дождь. Мы пошли домой; Начался дождь, и мы пошли домой; Мы пошли домой, потому что начался дождь*, заключается в неодинаковом характере причинной связи между двумя событиями, в степени их самостоятельности, в степени экспрессивности изложения и т.п. Смысловые и стилистические функции одинаковых типов предложений в разных языках могут не совпадать, в результате чего эквивалентность при переводе будет устанавливаться между предложениями разных типов, но с идентичной внутренней структурой. Иначе говоря, в переводе будут отмечаться изменения типа и числа самостоятельных предложений:

There might be some small pickings left, from those who would be willing to continue, and later it would be necessary to decide if they were worth while. – Кое-что ему еще, наверно,

останется – от тех, кто захочет продолжать дело. А дальше уже придется решать, стоит ли этим заниматься.

Для стиля английских газет и публицистических материалов характерно объединение в одном предложении разнородных, относительно независимых мыслей. Такое "нанизывание" в одном высказывании мыслей, слабо связанных логически, несвойственно русскому языку. Сохранение типа предложения при переводе в подобных случаях приводит либо к утрате истинного смысла высказывания, либо к созданию громоздких фраз, неприемлемых для русского языка. В переводе такому высказыванию часто соответствуют несколько самостоятельных предложений, например:

A police Advisory Board composed of twelve representatives from police authorities, nine from the Federation, three representing superintendents, and eight representing Chief Officers with the Home Secretary or Home Office representative in the chair, has a general consultative and advisory function on police matters but the Home Secretary need not accept its advice.

Это предложение включает, по крайней мере, три самостоятельные мысли: (1) состав консультативного бюро, (2) роль министра внутренних дел в работе бюро, (3) функции и права бюро. Последняя мысль разбивается далее на две, относительно независимые идеи. В русском переводе данному высказыванию будут соответствовать не менее трех самостоятельных предложений:

Существует также Полицейское консультативное бюро, состоящее из двенадцати представителей полицейских властей, девяти представителей Федерации, трех делегатов от старших полицейских офицеров и восьми представителей от главных констеблей. Председателем бюро является министр внутренних дел или представитель министерства. Бюро имеет общие консультативные функции по делам, касающимся полиции, но министр внутренних дел не обязан принимать его рекомендаций.

В четвертом типе эквивалентности изменение числа и типа предложений в переводе может осуществляться и в противоположном направлении, т.е. в сторону уменьшения числа самостоятельных предложений:

Despite all opposition these sections have organized a powerful trade-union movement. The mass of the Civil Servants have successfully established important political rights for themselves. – Несмотря на все противодействие, эти слои государственных служащих

организовали мощное профсоюзное движение, и большая часть государственных служащих добилась для себя значительных политических прав.

Иногда изменение типа связи между структурами происходит в обоих направлениях и приводит к грамматическому и смысловому перераспределению элементов высказывания:

For five years Sandino conducted a heroic struggle in the jungles against the very much better equipped United States marines. Finally, unconquered, he agreed to a peace conference. – На протяжении пяти лет Сандино вел в лесных зарослях героическую борьбу против значительно лучше вооруженной морской пехоты США и не был побежден. Наконец, он согласился на мирные переговоры.

Синтаксическое варьирование в рамках эквивалентности четвертого типа может носить комплексный характер, когда при переводе одновременно изменяются синтаксические структуры, порядок слов и тип синтаксического целого:

And so, with sentinel in each dark street, and twinkling watch-fires on each height around, the night has worn away, and over this fair valley of old Thames has broken the morning of the great day that is to dose so big with the fate of ages yet unborn. (J.K. Jerome). – Всю ночь на каждой темной улице стояли часовые, и на каждом холме вокруг города мерцали огни сторожевых костров. Но вот ночь прошла и над прекрасной долиной старой Темзы наступило утро великого дня, чреватого столь большими переменами для еще не рожденных поколений. (Пер. М. Салье).

В последнем, пятом типе эквивалентности достигается максимальная степень близости содержания оригинала и перевода, которая может существовать между текстами на разных языках. Этот тип эквивалентности обнаруживается в следующих примерах:

I saw him at the theatre. – Я видел его в театре.

The house was sold for 10 thousand dollars. – Дом был продан за 10 тысяч долларов.

He was sure we should both fall ill. – Он был уверен, что мы оба заболеем.

Для отношений между оригиналами и переводами этого типа характерно:

1) высокая степень параллелизма в структурной организации текста;

2) максимальная соотнесенность лексического состава: в переводе можно указать соответствия всем знаменательным словам оригинала;

3) сохранение в переводе всех основных частей содержания оригинала.

К четырем частям содержания оригинала, сохраняемым в предыдущем типе эквивалентности, добавляется максимально возможная общность отдельных сем, входящих в значения соотнесенных слов в оригинале и переводе. Степень такой общности определяется возможностью воспроизведения в переводе отдельных компонентов значения слов оригинала, что, в свою очередь, зависит от того, как выражается тот или иной компонент в словах ИЯ и ПЯ и как в каждом случае на выбор слова в переводе влияет необходимость передать другие части содержания оригинала.

Семантика слов, входящих в высказывание, составляет важнейшую часть его содержания. Слово в качестве основной единицы языка фиксирует в своем значении сложный информативный комплекс, отражающий различные признаки обозначаемых объектов (предметно-логическое значение слова), отношение к ним членов говорящего коллектива (коннотативное значение слова) и семантические связи слова с другими единицами словарного состава языка (внутрилингвистическое значение слова). Информация, составляющая семантику слова, неоднородна, и в ней могут выделяться качественно различные компоненты. Взятый сам по себе, любой из таких компонентов может быть воспроизведен средствами иного языка, но нередко одновременная передача в переводе всей информации, содержащейся в слове, оказывается невозможной, так как сохранение в переводе некоторых частей семантики слова может быть достигнуто лишь за счет утраты других ее частей. В этом случае эквивалентность перевода обеспечивается воспроизведением коммуникативно наиболее важных (доминантных) элементов смысла, передача которых необходима и достаточна в условиях данного акта межъязыковой коммуникации.

Некоторые потери информации, не препятствующие отношениям эквивалентности пятого типа, отмечаются в каждом из трех основных аспектов семантики слова: предметно-логическом (денотативном), коннотативном и внутрилингвистическом. Нередко оказывается, что в значениях эквивалентных слов в оригинале и переводе содержится разное число элементарных смыслов (сем), поскольку в них отражены неодинаковые признаки обозначаемого класса объектов.

Прямые значения русского *ошибка* и английского *error* часто выступают в качестве эквивалентных при переводе, но *error* подразумевает отклонение от какого-либо правила, принципа или закона и этим дополнительным признаком отличается как от ошибки, где такое ограничение отсутствует, так и от *mistake*, которое тоже значит *ошибка*, но связано обычно со случайным непониманием, недоразумением или промахом.

Английские *kill, assassinate, murder, slay* эквивалентны русскому *убить*, но *kill* означает прекратить существование как одушевленных, так и неодушевленных объектов (ср.: *to kill an article, a plan, injustice, war, etc.*), *assassinate* предполагает предательское убийство официального лица, *murder* – убийство намеренное и с преступным мотивом, *slay* – намеренное и насильственное, но необязательно преступное и т.п.

При назывании процесса плавание в английском языке при помощи глаголов *to swim* или *to sail* обязательно предполагается, что плавающий предмет самостоятельно передвигается по воде, а не просто плывет по течению, что идентично значению глагола *to float*. В русском переводе Лодка плывет по озеру английского *The boat is sailing in the lake* эта особенность значения английского слова утрачивается, и перевод может быть истолкован как воспроизведение английского *The boat is drifting (floating) in the lake*. При переводе с русского на английский глагола плыть неизбежно придется указать в переводе признак самостоятельности или несамостоятельности движения, отсутствующий в семантике русского слова. При переводе на русский язык недостающий признак обычно привносится в сообщение значением других слов. Так, в русских переводах *Он плавает стилем брасс* и *Бревно плавает, наполовину погружаясь в воду* ясно видно, что в первом случае *плавает* эквивалентно английскому *swims*, а во втором – *floats*. Дополнительные признаки, различающие описание данного явления в оригинале, с необходимостью вытекают из значений слов *стилем* и *бревно*, хотя эти признаки отсутствуют в самом слове *плавает*.

Закрепляя в значениях слов разные признаки обозначаемых предметов, каждый язык как бы создает свою "картину мира". Если по-английски муха *"stoum"* на потолке (*A fly stands on the ceiling*), то по-русски неподвижное положение мухи будет описываться уже иным образом: *Муха сидит на потолке*. В результате в целом совпадающие семы в значениях слов разных языков могут различаться по характеру и числу объектов, которые обозначаются путем указания на данный признак. Русское *носить* может относиться к предметам одежды, бороде, усам, прическе и пр., но не применимо к косметическим средствам, в отличие от его английского эквивалента *to wear* (например, *She was wearing a*

new kind of perfume). Кипяченными (*boiled*) вода и молоко могут быть и по-русски, и по-английски, а яйца только по-английски (*boiled eggs*), по-русски же они должны именоваться вареными.

Значение любого слова является частью семантической системы языка, и оно зависит не только от того, какие признаки обозначаемых объектов в нем непосредственно отражены, но и от наличия других слов, обозначающих те же объекты. Русское *лошадь* не идентично английскому *horse* уже потому, что оно делит информацию об этом объекте со словом *конь*. Английское *dog* не тождественно русскому *собака*, поскольку оно охватывает и содержание русского *пес* и т.д.

Английское *head* и русское *голова* обозначают в своих прямых значениях одну и ту же часть тела, но для англичанина в семантике этого слова содержится отсутствующее в русском языке указание на то, что в голове помещаются зубы, глаза и язык. Это делает возможным употребление в английском языке таких высказываний, как: *You are not expected to say anything here and you can't keep too quiet a tongue in your head. I could hear his teeth rattle in his head. I've got an eye in my head! I could bring down a running rabbit at fifty paces without a blink.* При переводе таких высказываний придется отказаться от использования ближайшего эквивалента слову *head*, и в русском переводе язык и зубы будут находиться не в голове, а во рту, а глаза – на лице.

Вследствие различий в норме и узусе ИЯ и ПЯ отказ от использования в переводе самого близкого по смыслу соответствия слову оригинала отмечается регулярно, препятствуя полной реализации эквивалентности пятого типа. Вот несколько примеров: *She knew that he had risked his neck to help her.* *Neck* – это, конечно, шея, но по-русски рискуют не шеей, а головой. *The children clapped hands with joy.* По-русски дети должны хлопать в ладоши. *They sat in the dock, their faces held high.* По-русски сидят с высоко поднятой головой или высоко держа голову. *She slammed the door into his face.* По-русски можно лишь захлопнуть дверь у кого-нибудь перед носом.

Нередко использование ближайшего соответствия вполне возможно, но более узуальным оказывается иной вариант. В английских оригиналах обычно моют тарелки после еды (*wash dishes*), скребут полы (*scrub floors*), моют зубы (*wash teeth*). Все эти сочетания возможны и в русском языке, но в русских переводах им, как правило, соответствуют более употребительные *мыть посуду*, *мыть полы* и *чистить зубы*.

Эквивалентность отдельных слов в оригинале и в переводе предполагает максимально возможную близость не только предметно-логического, но и коннотативного значения соотнесенных слов, отражающего характер восприятия говорящими содержащейся в слове информации. Наибольшую роль в передаче коннотативного аспекта семантики слова оригинала играют его эмоциональный, стилистический и образный компоненты.

Эмоциональная характеристика значения слова может быть положительной или отрицательной. В любом языке существуют слова, совпадающие по предметно-логическому значению, но различающиеся по наличию или характеру эмоционального компонента в семантике слова. В следующих парах английских и русских слов первое слово нейтрально, а второе – эмоционально маркировано: *dog – doggie; cat – pussy; womanly – womanish; to attack – to accost; smell – fragrance; кошка – кошечка; буржуа – буржуй; ребячий – ребяческий; сидеть – рассесться*. Общий характер эмоциональности, как правило, может быть полностью сохранен при переводе. Обычно бывает возможным подобрать в ПЯ слово, выражающее такое же одобрительное или неодобрительное отношение к описываемому, какое выражено в слове ИЯ:

Sometimes I feel I'm here all by myself, no one else on the whole damn planet. – Иной раз мне сдается, что я один-одинешенек, на всей этой проклятой планете больше ни души.

Передача эмоциональной характеристики, как и других компонентов коннотативного значения слова, облегчается благодаря тому, что реализация этого значения в высказывании распространяет соответствующую характеристику на все высказывание: делает высказывание эмоциональным, стилистически окрашенным или образным. Поэтому в переводе этот элемент содержания может быть воспроизведен нелокально, т.е. в другом месте высказывания, в семантике совсем другого слова:

Sometimes I feel about eight years old, my body squeezed up and everything else tall. – А иногда покажется, что я – восьмилетний мальчишка, сам махонький, а все кругом здоровенное.

Сохранение в переводе эмоциональной характеристики высказывания путем использования слов с соответствующим коннотативным значением представляет исключительную важность для достижения эквивалентности. Несоблюдение этого требования может сделать перевод полностью неэквивалентным:

Tom was in agony. At last he was satisfied that time had ceased and the eternity began. (M. Twain). – Том переживал мучительные минуты. В конце концов он с удовольствием почувствовал, что время исчезло... (Пер. К. Чуковского).

Неправильно переданная эмоциональная характеристика глагола *to satisfy*, употребленного в оригинале в нейтральном значении *не сомневаться, вполне увериться*, исказила весь смысл высказывания. Разумеется, перепуганный до смерти Том Сойер не мог получить удовольствие при мысли о том, что его мучения никогда не кончатся.

Эквивалентность пятого типа предполагает сохранение в переводе и стилистической характеристики оригинала. Воспринимая слово, пользующиеся языком оценивают его как носителя дополнительной информации об уместности использования слова в определенном типе речи: разговорной, книжной или поэтической. Значительное число слов в любом языке стилистически нейтрально, т.е. употребляется в самых различных типах речи. Нейтральная стилистическая характеристика также расценивается говорящими как компонент коннотативного значения, на основании которого слово оказывается уместным или неуместным в соответствующих высказываниях. И здесь можно найти пары слов, у которых совпадает предметно-логическое значение, но отличается стилистическая характеристика: *to end – to terminate; to begin – to commence; to go (to a place) – to repair (to a place); bloody – sanguinary; final – ultimate; wife – spouse; husband – consort; спать – поживать; идти – шествовать; сидеть – восседать; слушать – внимать; голос – глас; хозяин – владелец; приказ – повеле-ние; маленький – миниатюрный; уважаемый – высокочтимый* и т.п.

Наибольшая степень эквивалентности отмечается в тех случаях, когда слово в переводе, соответствующее переводимому слову по другим компонентам содержания, имеет и одинаковую стилистическую характеристику. Часто это достигается при переводе терминов, имеющих терминологические соответствия в ПЯ: *radiation – радиация; cathode-ray tube – электроннолучевая трубка; ionizing event – акт ионизации; precipitations – атмосферные осадки; feed-back – обратная связь* и т.д. Однако равнозначные слова, принадлежащие к одному стилю речи, можно найти и среди общенародной лексики: *aforesaid – вышеозначенный; bearer – предъявитель; bark – челн; to slay – сразить; to repose – покоиться; steed – скакун; to bolt – уленетьывать; to show off – рисоваться; to funk – трусить; gluttony – обжорство* и т.п.

Однако нередко соответствующие друг другу по основному содержанию слова двух языков принадлежат к разным типам речи, и стилистический компонент значения слова оригинала оказывается утраченным в переводе. В качестве примера можно указать на ряд англо-русских соответствий, в которых первое слово стилистически маркировано, а второе – стилистически нейтрально: *slumber* – сон; *morn* – утро; *serge* – сержант; *to swap* – менять; *окрутить* – *to marry*; *умеючи* – *skilfully* и т.п. При использовании подобных соответствий нарушается эквивалентность стилистической характеристики слов в оригинале и переводе. Такое нарушение может быть легко компенсировано, поскольку, подобно эмоциональной характеристике, стилистический компонент значения слова стилистически окрашивает не только само слово, но и высказывание в целом как принадлежащее к определенному типу речи. Поэтому этот компонент может быть воспроизведен в переводе иного слова в пределах высказывания или даже в одном из соседних высказываний, обеспечивая необходимую степень стилистической эквивалентности. К такого рода компенсации нередко прибегают переводчики художественной литературы, где особенно важно сохранить стилистические особенности оригинала. Приведем несколько примеров подобной стилистической компенсации при переводе.

Вот перевод начальной фразы из письма в "Таймс", которое, по традиции, написано изысканным стилем официальных английских документов:

You will pardon me, I trust, this intrusion upon your space. (J. Galsworthy). – Лъцу себя надеждой, что вы простите мою назойливость. (Пер. К. Корнеева и П. Мелковой).

В этом переводе есть ряд стилистических отклонений в передаче значений отдельных слов. Не передана стилистическая характеристика глагола *to pardon* (ср. *to excuse*), русское *назойливость* не воспроизводит указание на строго официальный характер словосочетания *intrusion upon your space*. Однако эти отклонения коммуникативно не релевантны, поскольку принадлежность высказывания к официальному стилю достаточно четко передана в переводе глагола *to trust* напыщенным сочетанием *лъцу себя надеждой*.

В романе М. Твена "Янки из Коннектикута при дворе короля Артура" герой, стремясь произвести сильное впечатление на окружающих, произносит грозную и торжественную тираду:

Go back and tell the king that at that hour I will smother the whole world in the dead blackness of the midnight; I will blot out the sun and he shall never shine again; the fruits of the earth shall rot for lack of light and warmth, and the peoples of the earth shall famish and die to the last man!

Эта фраза изобилует словами, в семантике которых имеется указание на их употребление в торжественной, поэтически приподнятой речи. Таковы слова *smother*, *blackness*, *famish*, сочетания *he (the sun) shall*, *the fruits of the earth*, *lack of light* и др. В переводе Н. Чуковского стилистическая характеристика воспроизведена при переводе лишь некоторых из элементов оригинала, обладающих подобной характеристикой. Однако этого оказывается достаточно для обеспечения стилистической эквивалентности перевода:

Ступай к королю и скажи ему, что завтра в полдень я покрою весь мир мертвой тьмой полуночи; я потушу солнце, и оно никогда уже больше не будет сиять; земные плоды погибнут от недостатка света и тепла, а люди на земле, все, до последнего человека, умрут с голода!

Благодаря относительной самостоятельности стилистического компонента семантики слова, стилистическая эквивалентность в переводе может достигаться совсем иными способами выражения, чем в оригинале. Это может быть иная часть речи, стилистическая характеристика может быть выражена специальной морфемой или в корне слова совместно с другими компонентами значения слова.

Когда стилистическая характеристика передается в переводе частично и нелокально, отдельным словам оригинала, в семантике которых имеется стилистический компонент, будут соответствовать слова ПЯ, лишённые аналогичной стилистической окраски. Такие соответствия должны быть стилистически нейтральны, т.е. не содержать стилистической характеристики, отличной от характеристики переводимого слова. В противном случае оригинал и перевод будут стилистически неэквивалентны.

Эквивалентность коннотативного значения у соотнесенных слов в оригинале и переводе предполагает также воспроизведение в переводе ассоциативно-образного компонента этого значения. Семантика некоторых слов включает дополнительную информацию, связанную с определенными ассоциациями в сознании говорящих. Для жителей многих стран снег – это не просто вид атмосферных осадков, но и эталон белизны, с которым принято сравнивать другие белые (белоснежные) предметы (волосы,

сахар, белье и т.п.). Мел – тоже белый, но с ним можно сравнить лишь цвет побледневшего лица. Русское *щепка* применяется для образного описания худобы человека, а в семантике слова *иголка*, обозначающего вещь гораздо более тонкую, нет компонента, вызывающего подобные ассоциации.

В семантике слов с подобным компонентом значения подчеркивается какой-либо признак, который по каким-то причинам выделяется в объекте мысли. По-русски *баня* – это не только специальное помещение, где моются, но и очень жаркое место, в то время как английское *bath* лишено подобной характеристики. Английское *rake* – грабли – это что-то очень тонкое (*thin*), а отличительной чертой павлина (*peacock*) оказывается гордость. Лиса ассоциируется с хитростью, а лев – с храбростью. Подобная особенность значения слова свидетельствует о наличии у слова образности, закрепленной в его семантике речевой практикой.

Различные ассоциации закрепляются в значениях некоторых слов в связи с особенностями их употребления в устном фольклоре и литературных произведениях, широко известных в данном языковом коллективе. Подобные ассоциации связаны с русскими именами *Плюшкин*, *Митрофанушка*, *Держиморда*, английскими *Humpty Dumpty*, *Mr. Hide*, *Sir Galahad* и т.д.

Благодаря образному компоненту значения, слово производит особое воздействие на Рецептора, его семантика воспринимается с большей готовностью, привлекает внимание, вызывает эмоциональное отношение. Сохранение образности оригинала может быть обязательным условием достижения эквивалентности перевода. Здесь можно отметить три разных степени близости образных слов двух языков:

1) Соответствующие слова в ИЯ и ПЯ могут обладать одинаковыми ассоциативно-образными характеристиками. Так, в английском и русском языках в значениях слов *snow* и *снег* выделяется признак белизны, *stone* и *камень* отличаются холодностью, а *day* и *день* – это что-то ясное. И по-английски, и по-русски человек бледнеет *как полотно (as a sheet)*, сражается *как лев (like a lion)*, называет что-то недостижимое *зеленым виноградом (sour grapes)*. В подобных случаях при переводе достигается высшая степень эквивалентности в передаче этого компонента семантики слова:

She was dressed in white, with bare shoulders as white as snow. – Она была вся в белом с обнаженными плечами, белыми как снег.

And pride so moved within her that even her heart felt cold as stone. – И гордость так в ней всколыхнулась, что даже сердце у нее стало холодным, как камень.

Oh, it's all getting just bright as day, now. – Ну, теперь все становится ясно, как день.

2) Соответствующей ассоциативно-образной характеристикой обладают разные слова, в оригинале и переводе не являющиеся эквивалентами друг другу. Так, в английском и русском языках имеются слова, используемые для выражения крайней худобы, большой силы или большой глупости, но эти слова имеют разные предметно-логические значения. Ср. *thin as a rake* – худой, как щетка; *strong as a horse* – сильный, как бык; *stupid as a goose* – глуп, как пробка и т.п. В подобных случаях воспроизведение образного компонента значения достигается, как правило, путем замены образа:

I have never seen such an avid ostrich for wanting to gobble everything. – Я никогда еще не видал такой жадной акулы – все готов проглотить.

3) Признак, выделяемый в образном компоненте слова в оригинале, не выделяется в словах ПЯ. Нередко бывает, что в ПЯ вообще нет образа на такой основе, на которой он создан в ИЯ. В таких случаях воспроизведение этой части значения слова возможно лишь частично, на более низком уровне эквивалентности:

Want, colder than charity, shivering at the street corners. – Нужда, промерзшая до мозга костей, дрожала на перекрестках улиц.

Иногда воспроизведение данного компонента значения оказывается невозможным, и в переводе образ утрачивается:

"Cat". With that simple word Jean closed the scene.

По-английски *cat* употребляется для характеристики злой или сварливой женщины. Русское слово кошка не имеет подобного компонента значения, и в переводе придется отказаться от образа:

- Злючка, – отпарировала Джин, и это простое слово положило конец сцене.

Особое место в отношениях между единицами оригинала и перевода в пятом типе эквивалентности занимает внутрилингвистическое значение слова, обусловленное его положением в языковой системе. Любое слово находится в сложных и многообразных

семантических отношениях с другими словами данного языка, и эти связи отражаются в его семантике. Так, русское слово *стол* семантически связано с другими общими и конкретными наименованиями предметов мебели: *мебель, обстановка, стул, кресло* и пр. Другой тип связи обнаруживается между этим словом и другими словами, которые могут сочетаться с этим словом в речи: *деревянный, круглый, стоять, накрывать* и пр. Третий тип семантической связи выявляет общие элементы смысла у слова *стол* с такими словами, как *столовая, столоваться, застольный* и пр., которые объединяет общность корневой морфемы. Лингвистически обусловлена и связь между отдельными значениями многозначного слова. По-русски между значениями слов *совет* и *доска* вряд ли можно обнаружить какую-либо общность, а в английском языке они соотносятся как значения одного и того же слова *board*.

Характер воспроизведения внутрилингвистического значения в переводе отличается от передачи денотативных и коннотативных значений, описанных выше. Прежде всего в большинстве случаев эквивалентность слов оригинала и перевода не зависит от того, сохранено ли внутрилингвистическое значение переводимых слов. Это значение, "навязываемое" слову системой языка, содержит информацию, передача которой обычно не входит в намерения Источника и на которую коммуниканты не обращают внимания, считая ее элементом оформления мысли, а не самой мыслью. Необходимость воспроизвести компоненты внутрилингвистического значения слова в переводе возникает лишь тогда, когда это значение выступает в оригинале на первый план, когда к нему привлекается особое внимание и тем самым его компоненты становятся коммуникативно важными, доминантными элементами содержания. В этом случае передача таких значений становится обязательным условием достижения эквивалентности.

Одним из компонентов внутрилингвистического значения слова является отражение в семантике слова значений отдельных морфем, составляющих это слово. Слово может представлять собой сложное образование, составленное путем слияния нескольких значимых частей (морфем). Значение слова в целом редко сводится к значениям его морфем. Как правило, определенное сочетание морфем приобретает особое значение, выступая в качестве единого целого. Значение слов типа *пароход, самолет, писатель, woodman, machine-gun, aircraft, beatnik* и т.д. не сводится к сумме значений составляющих их частей. Однако эти значения всегда присутствуют в семантике слова в целом и при желании могут быть выдвинуты на первый план.

Поскольку морфемный (словообразовательный) компонент семантики слова оказывается в большинстве случаев коммуникативно нерелевантным, эквивалентность между словами оригинала и перевода может быть установлена независимо от их морфемного состава:

In it would be a priceless old chestnut-wood wardrobe and a four-poster bed of an excellent period. – В ней находились бесценный старинный ореховый гардероб и кровать с балдахином весьма почтенного возраста.

Отношения эквивалентности в одинаковой степени устанавливаются здесь как между словами одного морфемного строения (bed – кровать; priceless – бесценный), так и между структурно различными единицами (old – старинный; wardrobe – гардероб; four-poster – с балдахином; chestnut-wood – ореховый).

Однако морфемная структура слова может играть смысловую роль в оригинале и составлять часть содержания, которое необходимо воспроизвести в переводе. Эквивалентное воспроизведение этого элемента значения будет возможно лишь при совпадении строения соответствующих слов в ИЯ и ПЯ:

He looked surprisingly young to Eric, who had always assumed that the nation's elders were really old. – Он выглядел очень молодо к большому удивлению Эрика, который всегда считал, что старейшины страны и на самом деле были стариками.

Достижение эквивалентности обеспечивается здесь благодаря тому, что английское *elder* и русское *старейшина* имеют в своей структуре равнозначные корневые морфемы: *old (eld) – стар*.

Когда игра слов, основанная на значении входящих в слово морфем, составляет главное содержание высказывания, для достижения эквивалентности при переводе она воспроизводится путем обыгрывания морфемного состава иных единиц в ПЯ. Это связано с потерями в воспроизведении других элементов смысла, так что эквивалентность обеспечивается лишь в отношении наиболее важной части содержания оригинала:

By-and-by, he said: "No sweethearts I b'lieve?" "Sweetmeats did you say, Mr. Barkis?" (Ch. Dickens).

В этом отрывке возчик Баркис осведомляется у маленького Дэви, нет ли возлюбленного у служанки Пеготти, но мальчик слово *sweetheart* воспринимает как

sweetmeat – конфета. Весь ответ мальчика имеет смысл лишь благодаря совпадению морфем в английских словах *sweetheart* и *sweetmeat*. Эту общность можно передать в переводе, лишь отказавшись от использования прямых соответствий, так как в структуре русских слов *возлюбленный* и *конфета* нет ничего общего. При этом в переводе могут совпадать не корневые, а аффиксальные морфемы, например:

- *А нет ли у нее дружочка? – Пирожочка, мистер Баркис?*

Другой способ передачи словообразовательного значения слова оригинала заключается в воспроизведении значений составляющих морфем в виде отдельных слов в переводе. Это дает возможность передать необходимую информацию, которая отсутствует в прямом соответствии английскому слову. В романе Дж. Голсуорси "Белая обезьяна" Майкл Монт разговаривает с человеком, которого он хочет устроить на работу к себе в издательство:

"Do you know anything about books?" "Yes, sir, I'm a good bookkeeper." "Holy Moses! Our job is getting rid of them. My firm are publishers." (J. Galsworthy).

Обычное соответствие слову *bookkeeper* – счетовод не содержит в себе морфемы со значением *книга*, и поэтому использование такого соответствия в переводе сделает бессмысленным ответ Майкла. Наибольшая степень эквивалентности может быть достигнута переводом каждой части английского слова в отдельности:

- *Вы что-нибудь смыслите в книгах? – Да, сэръ, я умею вести конторские книги. – Ах ты, боже мой! Да у нас надо не вести книги, а избавляться от них. Ведь у нас издательство. (Пер. Р. Райт-Ковалевой).*

Как видно из приведенных примеров, передача этого компонента значения слова часто связана с определенными потерями.

Аналогичные ограничения существуют и при передаче в переводе связи между отдельными значениями многозначного слова. Обычно слово употребляется в оригинале лишь в одном из своих значений. После того как Рецептор выбрал из значений, которыми обладает слово, то, которое воспроизведено Источником в данном случае, наличие у слова иных значений становится нерелевантным. В переводе предложения *The Board decided to expel him* – *Совет решил его исключить* на степень эквивалентности слов *Board* и *Совет* не влияет существование у этих слов иных значений, не эквивалентных друг другу.

Задача воспроизведения многозначности слова оригинала возникает лишь тогда, когда эта многозначность используется Источником для передачи какой-то дополнительной информации:

He says he'll teach you to take the boards and make a raft of them; but seeing that you know how to do this pretty well already, the offer-seems a superfluous one on his part. (J.K. Jerome). – Он кричит, что покажет вам, как брать без спроса доски и делать из них плот, но поскольку вы и так прекрасно знаете, как это делать, это предложение кажется вам излишним.

Слова в оригинале принадлежат владельцу досок, грозящему проучить человека, взявшего эти доски без спроса. Глаголы *to teach* и *показывать* использованы одновременно в прямом и переносном смысле. Эквивалентность в переводе обеспечивается благодаря существованию подобных значений как у английского, так и у русского слова. При этом условии указание на многозначность слова воспроизводится с достаточной полнотой.

If our cannon balls were all as hot as your head, and we had enough of them, we should conquer the earth, no doubt. (B. Shaw). – Кабы наши пушечные ядра все были такие же горячие, как твоя голова, да кабы у нас их было вдоволь, мы, без сомнения, завоевали бы весь мир. (Пер. О. Холмской).

Существование у русского слова горячий переносного значения позволяет передать оба значения английского *hot*, реализуемые в сочетаниях *hot balls* и *hot head*.

Значительно меньшая степень эквивалентности достигается в тех случаях, когда соответствующее слово в ПЯ не обладает необходимой многозначностью. При этом приходится либо отказаться от воспроизведения этого компонента, либо воспроизводить его в семантике иного слова, т.е. за счет менее точной передачи других компонентов содержания оригинала. Для переводов художественных произведений характерно стремление добиваться возможно большей эквивалентности последним из упомянутых способов:

He said he had come for me, and informed me that he was a page. "Go 'long," I said, "you ain't more than a paragraph." (M. Twain).

Русское слово *паж* не имеет значений (или омонима), связанных с названием какой-либо части книги. Поэтому единственный способ передать игру слов оригинала заключается в использовании в переводе иного слова, которое можно было бы отнести и к мальчику-пажу, и к части книги. Вот как разрешил эту задачу переводчик Н. Чуковский:

Он сказал, что послан за мною и что он глава пажей. – Какая ты глава, ты одна строчка! – сказал я ему.

ГЛАВА

НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

5

Общая теория перевода раскрывает понятие переводческой нормы, на основе которой производится оценка качества перевода. Лингвистика перевода включает как теоретические (дескриптивные), так и нормативные (прескриптивные) разделы. Теоретические разделы лингвистики перевода (т.е. лингвистическая теория перевода) исследуют перевод как средство межъязыковой коммуникации, как объективно наблюдаемое явление, которое можно описывать и объяснять. В нормативных разделах лингвистики перевода на основе теоретического изучения перевода формулируются практические рекомендации, направленные на оптимизацию переводческого процесса, облегчение и повышение качества труда переводчика, разработку методов оценки переводов и методики обучения будущих переводчиков.

Для сознательного и правильного выполнения своих функций переводчик должен ясно представлять себе цель своей деятельности и пути достижения этой цели. Такое понимание основывается на глубоком знакомстве с основами теории перевода, как общей, так и специальной и частной, применительно к той области и комбинации языков, с которыми имеет дело переводчик. Оно предполагает знание системы соответствий между этими языками, приемов и методов перевода, умение выбрать необходимое соответствие и применить наиболее эффективный прием перевода в соответствии с условиями конкретного контекста, учет прагматических факторов, влияющих на ход и результат переводческого процесса.

Для обеспечения высокого качества перевода переводчик должен уметь сопоставлять текст перевода с оригиналом, оценивать и классифицировать возможные ошибки, вносить необходимые коррективы. Оценкой качества перевода, выявлением и классификацией ошибок занимается и большое число лиц, анализирующих результаты переводческого

труда: редакторы, критики, заказчики, преподаватели перевода и т.п. Практические рекомендации переводчику и оценка перевода взаимосвязаны и взаимообусловлены. Если переводчик должен выполнять какие-то требования, то оценка результатов его работы определяется тем, насколько полно и успешно он выполнил эти требования. Как сам переводчик, так и другие лица, оценивающие качество перевода, прямо или косвенно исходят из посылки, что правильный перевод должен отвечать определенным требованиям. Совокупность требований, предъявляемых к качеству перевода, называется нормой перевода. Качество перевода определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы.

Нормативные требования формулируются в виде принципов или правил перевода. Нормативные положения могут быть общими или частными, охватывать отдельные, частные случаи или относиться к определенному типу переводов или к переводу вообще. Они могут формулироваться в виде единого правила или сопровождаться указаниями на условия, в которых это правило применимо, или на большее или меньшее число случаев его неприменимости (исключений из правил). Сравним, например, разную степень обобщенности таких нормативных рекомендаций, как правила передачи безэквивалентной лексики, правила передачи имен собственных, правила передачи индейских имен типа *Хитрая лисица*, *Великий змей* и правило о сохранении в переводе традиционных имен королей: *Людвиг*, *Генрих*, *Карл* и пр. В каждом случае нормативные рекомендации распространяются на определенный круг явлений.

Результаты процесса перевода (качество перевода) обуславливаются степенью смысловой близости перевода оригиналу, жанрово-стилистической принадлежностью текстов оригинала и перевода, прагматическими факторами, влияющими на выбор варианта перевода. Все эти аспекты перевода носят непосредственно нормативный характер, определяют стратегию переводчика и критерии оценки его труда. Понятие нормы перевода включает требование нормативного использования переводчиком языка перевода, а также необходимость соответствия результатов переводческого процесса общепринятым взглядам на цели и задачи переводческой деятельности, которыми руководствуются переводчики в определенный исторический период. Таким образом, норма перевода складывается в результате взаимодействия пяти различных видов нормативных требований:

1. нормы эквивалентности перевода;

2. жанрово-стилистической нормы перевода;
3. нормы переводческой речи;
4. прагматической нормы перевода;
5. конвенциональной нормы перевода.

Эквивалентность содержания оригинала и перевода выступает в качестве основы их коммуникативной равноценности, предполагаемое наличие которой делает данный текст переводом. Норма эквивалентности перевода не является неизменным параметром. Она означает необходимость возможно большей общности содержания оригинала и перевода, но лишь в пределах, совместимых с другими нормативными требованиями, обеспечивающими адекватность перевода. В каждом конкретном случае тип эквивалентности определяется как соотношением единиц ИЯ и ПЯ, так и учетом прагматических факторов, воздействующих на акт перевода. Нарушение нормы эквивалентности может быть абсолютным, когда перевод признается неэквивалентным, не передающим содержание оригинала хотя бы на самом низком уровне, или относительным, если установлено, что остальные нормативные требования могли быть выполнены и на более высоком уровне эквивалентности, чем тот, который был реально достигнут в переводе. В первом случае перевод должен быть признан неудовлетворительным, а во втором – может считаться вполне приемлемым в том случае, если максимально возможная смысловая близость не обязательна для успешной межъязыковой коммуникации.

Жанрово-стилистическую норму перевода можно определить как требование соответствия перевода доминантной функции и стилистическим особенностям типа текста, к которому принадлежит перевод. Выбор такого типа определяется характером оригинала, а стилистические требования, которым должен отвечать перевод – это нормативные правила, характеризующие тексты аналогичного типа в языке перевода. Жанрово-стилистическая норма во многом определяет как необходимый уровень эквивалентности, так и доминантную функцию, обеспечение которой составляет основную задачу переводчика и главный критерий оценки качества его работы. Следует подчеркнуть, что подобно тому, как нормы правильной речи могут устанавливаться лишь с учетом стилистической и социолингвистической дифференциации языка, так и нормативные требования к качеству перевода имеют смысл лишь по отношению к определенному типу текстов и определенным условиям переводческой деятельности. Было бы принципиально неверным пользоваться одинаковыми критериями для оценки перевода бульварного романа и высокохудожественного литературного произведения, перевода оперного либретто и патентного свидетельства. Практически критика переводов,

главным образом, основывается на интуитивном представлении о жанрово-стилистической норме. Перевод художественного произведения оценивается по его литературным достоинствам, технический перевод – по терминологической правильности, обеспечивающей понимание сути дела и возможность использования текста перевода в технической практике, перевод рекламы – по ее действенности и т.п.

Текст перевода – это речевое произведение на ПЯ, и для него обязательны правила нормы и узуса этого языка. Однако эти правила неодинаковы для всех случаев функционирования языка. Они варьируются как в различных функциональных стилях, так и в зависимости от разновидности общелитературного языка. Среди последних обычно различают язык разговорной речи (неформального общения) и язык художественной литературы. В лингвистической литературе высказывалось мнение, что особую разновидность языка составляет и язык науки. "Вторичность" переводных текстов, их ориентированность на иноязычный оригинал выделяет такие тексты среди прочих речевых произведений на том же языке. Совокупность переводных текстов какого-либо языка составляет особую разновидность этого языка, пересекающую его функциональные стили и иные разновидности. Ориентированность на оригинал неизбежно модифицирует характер использования языковых средств, приводит к "расшатыванию" (другими словами, к развитию) языковой нормы и особенно узуса. Контакт двух языков в процессе перевода неизбежно ведет к более широкому использованию аналогичных форм, к относительному уподоблению языковых средств. Многие слова, словосочетания, способы описания ситуации оказываются сначала характерными для языка переводов, и лишь потом частично проникают и в язык оригинальных произведений или становятся в нем столь же узусальными. Таким образом, норму переводческой речи можно определить как требование соблюдать правила нормы и узуса ИЯ с учетом узусальных особенностей переводных текстов на этом языке. Эти особенности реализуются переводчиками интуитивно в их практической деятельности.

Прагматическую норму перевода можно определить как требование обеспечения прагматической ценности перевода. Она не является "нормой" в полном смысле этого слова, так как прагматическая сверхзадача переводческого акта может быть индивидуальной и не свойственной переводу вообще. Однако модификация результатов процесса перевода в прагматических целях – достаточно распространенное явление, без учета которого невозможна нормативная оценка переводов. Стремление выполнить конкретную прагматическую задачу – это своего рода суперфункция, подчиняющая все остальные аспекты переводческой нормы. Решая такую задачу, переводчик может

отказаться от максимально возможной эквивалентности, перевести оригинал лишь частично, изменить при переводе жанровую принадлежность текста, воспроизвести какие-то формальные особенности перевода, нарушая норму или узус ПЯ, и т.п. Прагматические условия переводческого акта могут сделать вынужденным полный или частичный отказ от соблюдения нормы перевода, заменить фактически перевод пересказом, рефератом или каким-либо иным видом передачи содержания оригинала, не претендующим на его всестороннюю репрезентацию.

Следует учитывать, что в языковом коллективе на определенном историческом этапе могут существовать строго определенные взгляды на цели и задачи перевода и пути достижения этих целей. В отдельные периоды истории перевода попеременно господствовали требования буквального следования оригиналу, "улучшения" оригинала при переводе ("исправительного перевода"), "свободы" переводчика по отношению к оригиналу, который признавался принципиально "непереводимым" и т.п.

Раньше переводы религиозных текстов отражали преклонение переводчиков не только перед смыслом, но и перед буквой оригинала. И в наши дни требования к переводчику Библии включают "непонятность" перевода с целью обеспечить необходимое воздействие на верующих. В XVIII веке французские переводчики считали своей главной задачей перекраивать оригинал при переводе, приближая его к требованиям "хорошего вкуса". Без такой переделки переводы были бы неприемлемы для критики и читателей. Другими словами, в определенные периоды развития общества нормой становились нарушения различных аспектов переводческой нормы. Понятно, что в любой исторический период нормативные требования к переводу формулировались на основе этой своеобразной "конвенциональной нормы".

В настоящее время конвенциональную норму перевода можно определить как требование максимальной близости перевода к оригиналу, его способность полноценно заменять оригинал как в целом, так и в деталях, выполняя задачи, ради которых перевод был осуществлен. Практически это требование реализуется путем выполнения всех или некоторых из указанных аспектов переводческой нормы.

В практическом плане между различными аспектами нормы перевода существует определенная иерархия. Переводчик и пользующиеся переводом прежде всего обращают внимание на прагматическую ценность перевода, на успешность решения прагматической "сверхзадачи", если подобная задача была поставлена перед данным переводческим

актом. Существование прагматической сверхзадачи – явление не столь уж частое, и во многих случаях требования прагматической нормы удовлетворяются путем обеспечения достаточно высокого уровня эквивалентности перевода.

Что касается нормы переводческой речи, то, как уже указывалось, оценка выполнения ее требований во многом определяется жанрово-стилистической принадлежностью текста перевода и предполагается, что переводчик в совершенстве владеет тем типом речи, который характерен для сферы его деятельности.

У многих профессиональных переводчиков, специализирующихся на переводах материалов определенного типа, жанрово-стилистическая норма также оказывается заданной для большинства выполняемых переводов и не требует каждый раз заново анализировать стилистические особенности оригинала.

Конвенциональная норма перевода остается неизменной на протяжении длительного периода времени и определяет общий подход переводчика к своей работе, степень его стремления к достижению максимальной эквивалентности.

И, наконец, норма эквивалентности представляет собой конечное нормативное требование, которое должно выполняться при условии соблюдения всех остальных аспектов переводческой нормы. Несомненно, полнота передачи содержания оригинала в переводе является важнейшей характеристикой межъязыковой коммуникации, норма эквивалентности – это наиболее "собственно переводческое" нормативное требование к переводу. Она полностью определяется лингвистическими факторами, и степень ее соблюдения может быть установлена с максимальной объективностью. Эквивалентность перевода оригиналу является и наиболее объективным критерием для характеристики результатов деятельности переводчика. Как следствие, именно этот критерий широко используется и при редактировании профессиональных переводов, и в процессе обучения будущих переводчиков.

Таким образом, соблюдение всех нормативных правил, кроме нормы эквивалентности, носит более общий характер и является чем-то само собой разумеющимся, а степень верности оригиналу оказывается той переменной величиной, которая в наибольшей степени определяет уровень профессиональной квалификации переводчика и оценку качества каждого отдельного перевода.

Как мы уже отмечали, семантико-трансформационная модель перевода использует хорошо известную в языкознании процедуру компонентного анализа, с помощью которого значения языковых единиц могут быть расчленены на элементарные смыслы. Эту процедуру можно применить и для общей характеристики качества перевода. Напомним, что в эквивалентном переводе воспроизводится та часть элементарных смыслов, которая релевантна для данного сообщения. Кроме того, могут появиться дополнительные элементарные смыслы, обусловленные структурой ПЯ. В английском предложении I had come содержится пять элементарных смыслов: 1) "говорящий", 2) "прибытие", 3) "прошедшее время", 4) "наличие связи с другим моментом или действием", 5) "наличие связи с другим моментом или действием в прошлом". В русском переводе Я пришел таких элементарных смыслов уже шесть – три из них совпадают с элементарными смыслами оригинала, а три возникают в связи с особенностями структуры русского языка: 1) "говорящий", 2) "мужской род", 3) "прибытие", 4) "пешком", 5) "прошедшее время", 6) "законченное, однократное действие".

Эквивалентность содержания оригинала и перевода будет тем больше, чем больше элементарных смыслов будет в них совпадать. В то же время далеко не все элементарные смыслы в оригинале оказываются релевантными (коммуникативно значимыми) для сообщения, а утрата нерелевантных смыслов не делает перевод неэквивалентным. Буквальным переводом будет перевод, воспроизводящий нерелевантные элементарные смыслы оригинала при нарушении норм русского языка: Я совершил прибытие в прошлом в момент, предшествующий другому моменту или действию в прошлом (?!). В свободном переводе элементарные смыслы оригинала будут не переданы или изменены и будут добавлены необязательные дополнительные смыслы: А ваш покорный слуга уже находится здесь. И при таком подходе буквальный перевод непонятен и неприемлем, а свободный перевод неоправданно отходит от оригинала.

Непосредственно связано с оценкой качества перевода и определение единицы перевода как минимальной языковой единицы текста оригинала, которая переводится как единое целое, в том смысле, что ей может быть подыскано соответствие в тексте перевода, но нельзя обнаружить в переводе единиц ПЯ, воспроизводящих значение составных частей данной единицы, если таковые у нее имеются. Иначе говоря, такие единицы имеют в ПЯ соответствия, но их части, по отдельности взятые, "непереводимы", т.е. в тексте перевода им никаких соответствий установить нельзя, даже если в ИЯ эти части обладают своим собственным, относительно самостоятельным значением. Выделение таких единиц непосредственно связано с качеством перевода, поскольку попытка переводчика

перевести отдельные элементы, входящие в более крупное целое с единым значением, нарушает эквивалентность перевода. Поскольку, как известно, переводческие соответствия можно обнаружить по отношению к единицам любого уровня языковой системы, единицы перевода этого типа также могут классифицироваться по их принадлежности к определенному уровню языка. Выбор переводческих соответствий должен осуществляться на уровне тех единиц ИЯ, которые составляют отдельные единицы перевода и должны переводиться как единое целое. При нарушении этого требования перевод оказывается неэквивалентным.

Отсюда следует, что эквивалентным переводом является перевод, осуществленный на уровне единиц перевода оригинала в указанном смысле, т.е. такой перевод, в котором с помощью соответствий переданы именно те и только те единицы ИЯ разных уровней, чьи значения должны воспроизводиться в переводе как единое целое. Это предполагает умение переводчика выделять в тексте перевода единицы ИЯ, выступающие в качестве единиц перевода.

При таком подходе буквальным переводом будет перевод, осуществленный на более низком уровне языковой иерархии, чем тот, к какому принадлежит данная единица перевода в оригинале. Если английское словосочетание *is a member* в предложении *The terrestrial globe is a member of the solar system* перевести как *является членом*, то такой перевод будет буквальным, ибо для правильной передачи значения этого словосочетания при соблюдении лексических норм русского языка требуется в качестве единицы перевода избрать не слово, а словосочетание, т.е. найти соответствие на более высоком уровне – *входит в*. В то же время остальная часть этого предложения может быть переведена на уровне слова: *Земной шар входит в солнечную систему*. Точно так же, если английское предложение (предупредительную надпись) *Keep off the grass!* перевести как *Держитесь прочь от травы*, то перевод будет буквальным, так как он выполнен на уровне слов, в то время как для правильной передачи смысла при соблюдении норм русского языка здесь необходим перевод на уровне предложения: *По газонам не ходить*. Как указывалось, при буквальном переводе либо искажается содержащаяся в оригинале информация, либо нарушаются нормы ПЯ, либо имеет место и то и другое. Буквальный перевод по определению неэквивалентен, отдельные элементы буквализма в эквивалентных в целом переводах встречаются на практике довольно часто, но должны рассматриваться как переводческие ошибки. Таковы нередко встречающиеся переводы *sweet pea* как *сладкий горошек* (правильно: *душистый горошек*), *delicate balance* как *деликатный баланс* (правильно: *неустойчивое равновесие*), *cold-blooded murder* как

хладнокровное убийство (правильно: *зверское убийство*). В последнем случае перевод *cold-blooded* как *хладнокровный* осуществлен на уровне морфем: *cold* – хладно-, *blood-* – кров-, *-ed* – н-, в то время как для правильной передачи значения этого английского слова требуется перевод на уровне всего слова в целом, а не составляющих его морфем.

ГЛАВА 6

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ И ГАЗЕТНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ

Раскрывая специфику отдельного подвида перевода, специальная теория перевода изучает три ряда факторов, которые должны учитываться при описании переводов этого типа. Во-первых, сама по себе принадлежность оригинала к особому функциональному стилю может оказывать влияние на характер переводческого процесса и требовать от переводчика применения особых методов и приемов. Во-вторых, ориентированность на подобный оригинал может предопределить стилистические характеристики текста перевода, а, следовательно, и необходимость выбора таких языковых средств, которые характеризуют аналогичный функциональный стиль уже в ПЯ. И, наконец, в результате взаимодействия этих двух факторов могут обнаруживаться собственно переводческие особенности, связанные как с общими чертами и различиями между языковыми признаками аналогичных функциональных стилей в ИЯ и ПЯ, так и с особыми условиями и задачами переводческого процесса этого типа. Иными словами, специальная теория перевода изучает воздействие на процесс перевода языковых особенностей определенного функционального стиля в ИЯ, аналогичного ему функционального стиля в ПЯ и взаимодействия этих двух рядов языковых явлений.

В рамках каждого функционального стиля можно выделить некоторые языковые особенности, влияние которых на ход и результат процесса перевода весьма значительно. Например, в научно-техническом стиле это лексико-грамматические особенности научно-технических материалов и, в первую очередь, ведущая роль терминологии и специальной лексики. В газетно-информационном стиле, наряду с важной ролью политических терминов, имен и названий, это особый характер заголовков, широкое использование газетных клише, наличие элементов разговорного стиля и жаргонизмов и т.п. Помимо таких общих особенностей, в каждом языке аналогичный функциональный стиль обладает и специфическими языковыми чертами.

Характерными особенностями научно-технического стиля являются его информативность (содержательность), логичность (строгая последовательность, четкая связь между основной идеей и деталями), точность и объективность и вытекающие из этих особенностей ясность и понятность. Отдельные тексты, принадлежащие к данному стилю, могут обладать указанными чертами в большей или меньшей степени. Однако у всех таких текстов обнаруживается преимущественное использование языковых средств, которые способствуют удовлетворению потребностей данной сферы общения.

В области лексики это прежде всего использование научно-технической терминологии и так называемой специальной лексики. Под **термином** обычно понимается слово (или группа слов), имеющие в пределах данной отрасли или специализации конкретный и единственный смысл, исключая всякую возможность иного, отличающегося от предусмотренного автором понимания или толкования.

Так, например, приведенные ниже слова и группы слов являются терминами:

1. *cost* – *затраты*;
2. *stock exchange* – *товарная биржа*;
3. *computer-aided design system* – *система автоматизированного проектирования*;
4. *very high-speed integrated circuit* – *интегральная схема со сверхвысоким быстродействием*;
5. *light amplification by stimulated emission of radiation* – *квантовомеханическое усиление или генерация света*.

Из приведенных примеров видно, что термин может быть однословным и состоять из ключевого слова (1), или представлять собой терминологическую группу, в состав которой входит ключевое слово или ядро группы, одно (2) или несколько (3), (4) левых определений, и одно или несколько правых или предложных определений (5), уточняющих или модифицирующих смысл термина.

В общем структурная схема термина может быть представлена в виде:

ЛО_n <- - - ЛО₂ <- ЛО₁ <- КС -> ПО

Количество левых определений, присоединяемых к ядру термина в процессе его развития может достигать до 10-12, однако с ростом количества присоединенных левых

определений термин становится громоздким и начинает проявлять тенденцию превращения в сокращение. Так термин (3) может встречаться в научных текстах как в развернутой, так и в сокращенной форме: *CAD – САПР*. Термин (4) встречается только в сокращенной форме *VHSIC*, термин (5) как в английском, так и в русском языке в настоящее время встречается только в сокращенной форме *laser – лазер*, которая не расшифровывается при переводе.

Процесс строительства сложного термина может быть представлен в следующем виде:

system – система;

control system – система управления;

aircraft control system – система управления самолетом;

fly-by-wire aircraft control system – электродистанционная система управления самолетом, ЭДСУ;

digital fly-by-wire aircraft control system – цифровая электродистанционная система управления самолетом, цифровая ЭДСУ.

Процесс дальнейшего развития сложного термина отражает этапы последующей разработки или модификации конкретной бортовой системы, агрегата или технологического процесса их изготовления.

Перевод сложной терминологической группы представляет собой ряд логически обусловленных операций, выполняемых в следующей последовательности:

1. Идентификация терминологической группы, заключающаяся в выявлении ключевого слова и определении границ слева и справа, т.е. крайне левого (последнего уточняющего) определения и крайне правого (предложного) определения.
2. Перевод ключевого слова как первичного значащего элемента группы. При переводе ключевое слово переходит с характерного для английского языка крайне правого положения на левое или крайне левое положение, характерное для структуры русских терминологических групп.

3. Перевод ключевого слова совместно с первым уточняющим, т.е. наиболее близким к базовому слову левым определением (ЛЮ₁). Если базовым словом группы является широкий термин "*система*" (см. выше), то для совместного перевода к нему надо поставить вопрос "Какая система?" Ответом будет "Система управления".
4. Перевод уточненного значения ключевого слова совместно со вторым уточняющим левым определением (ЛЮ₂). Для этого ставится вопрос "Система управления чем?" Ответом будет "Система управления самолетом".
5. Перевод дважды уточненного значения ключевого слова совместно с третьим уточняющим определением (ЛЮ₃) и т.д.

Таким образом, перевод английской терминологической группы производится в порядке ее строительства, т.е. справа налево. Перевод входящих в состав группы простых терминов должен быть адекватным и соответствовать принятым среди специалистов отрасли значениям. Имевший место в рассмотренных выше примерах транслитерационный перевод некоторых терминов (например, *laser* – *лазер*) является редким исключением в практике технического перевода. В курсах грамматики рассматривается обширная группа слов и терминов, получивших название "ложные друзья переводчика" (таких, как *contribution, data, decade, instance, simulation, etc.*), транслитерационный перевод которых приводит к грубым искажениям смысла.

В качестве терминов могут использоваться как слова, употребляемые почти исключительно в рамках данного стиля, так и специальные значения общеупотребительных слов. Такие, например, лексические единицы, как *coercivity, kerauto-phone, klystron, midosyn* и т.п., широко употребляемые в текстах по электронике, трудно встретить за пределами научно-технических материалов. В то же время в этих текстах выступают в качестве терминов и такие слова, как *dead, degeneracy, ripple, rope* и др., имеющие хорошо всем известные общеупотребительные значения. Термины должны обеспечивать четкое и точное указание на реальные объекты и явления, устанавливать однозначное понимание специалистами передаваемой информации. Поэтому к этому типу слов предъявляются особые требования. Прежде всего термин должен быть точным, т.е. иметь строго определенное значение, которое может быть раскрыто путем логического определения, устанавливающего место обозначенного термином понятия в системе понятий данной области науки или техники. Если какая-то величина называется *scalar* – *скаляр*, то значение этого термина должно точно соответствовать определению понятия (*a quantity that has magnitude but no direction*), которое связывает его с другими понятиями,

содержащимися в определении (*magnitude, direction*) и противопоставляет понятию *vector* (*a quantity which is described in terms of both magnitude and direction*). Если какая-то деталь оптического прибора именуется *viewfinder* – *видоискатель*, то этот термин должен обозначать только эту деталь, выполняющую определенные функции, и никакие другие части данного прибора или какого-либо иного устройства. По тем же причинам термин должен быть однозначным и в этом смысле независимым от контекста. Иначе говоря, он должен иметь свое точное значение, указанное его определением, во всех случаях его употребления в любом тексте, чтобы пользующимся термином не надо было каждый раз решать, в каком из возможных значений он здесь употреблен. Непосредственно связано с точностью термина и требование, чтобы каждому понятию соответствовал лишь один термин, т.е. чтобы не было терминов-синонимов с совпадающими значениями. Понятно, что точная идентификация объектов и понятий затруднена, когда одно и то же именуется по-разному. Термин должен быть частью строгой логической системы. Значения терминов и их определения должны подчиняться правилам логической классификации, четко различая объ-екты и понятия, не допуская неясности или противоречивости. И, наконец, термин должен быть сугубо объективным наименованием, лишенным каких-либо побочных смыслов, отвлекающих внимание специалиста, привносящих элемент субъективности. В связи с этим термину "противопоказаны" эмоциональность, метафоричность, наличие каких-либо ассоциаций и т.п.

Большое внимание уделяется систематичности вновь создаваемых терминов. Во многих областях разработаны специальные правила образования терминов для понятий или объектов определенного класса. Так, названия различных видов электронных ламп создаются по аналогии с термином *electrode* с указанием числа электродов, используемых в лампе (*diode, triode, tetrode, pentode, hexode, heptode, etc.*), ряд специализированных электронных устройств получает названия с элементом *-tron* (*additron, carcinotron, cryotron, exitron, ignitron, klystron, perma-tron, phantasbon, plasmatron, platinotton, skiatron, thyatron, etc.*), химические термины на *-ite, -ate* обозначают соли, на *-ic, -ions* – щелочи и т.д.

Этой же цели служит широкое использование терминов-словосочетаний, которые создаются путем добавления к термину, обозначающему родовое понятие, конкретизирующих признаков с целью получить видовые понятия, непосредственно связанные с исходным. Такие термины фактически представляют собой свернутые определения, подводящие данное понятие под более общее и одновременно указывающие его специфический признак. Таким образом образуются своеобразные терминологические

гнезда, охватывающие многочисленные разновидности обозначаемого явления. Например, английский термин *impedance*, определяемый как "полное сопротивление в цепи переменного тока" (импеданс), используется как основа для ряда терминов, уточняющих характер сопротивления или участок цепи, в котором оно существует: *blocked impedance, basing impedance, vector impedance, driving-point impedance, feed-point impedance, input impedance, surface impedance, etc.* Десятки, а иногда и сотни подобных сочетаний создаются на основе таких фундаментальных понятий, как напряжение, сила, ток, усилие и т.п. Если прибор именуется *rectifier* – выпрямитель, то любые устройства, выполняющие ту же функцию, будут называться путем добавления конкретизирующих признаков к этому термину (*plate-supply rectifier, argon rectifier, saloon rectifier, bridge rectifier, half-wave rectifier, etc.*).

В значительной степени способствует взаимопониманию специалистов и широкое употребление ими так называемой специальной общетехнической лексики, которая также составляет одну из специфических черт научно-технического стиля. Это – слова и сочетания, не обладающие свойством термина идентифицировать понятия и объекты в определенной области, но употребляемые почти исключительно в данной сфере общения, отобранные узким кругом специалистов, привычные для них, позволяющие им не задумываться над способом выражения мысли, а сосредоточиваться на сути дела. Специальная лексика включает всевозможные производные от терминов, слова, используемые при описании связей и отношений между терминологически обозначенными понятиями и объектами, их свойств и особенностей, а также целый ряд общенародных слов, употребляемых однако в строго определенных сочетаниях и тем самым специализированных. Такая лексика обычно не фиксируется в терминологических словарях, ее значения не задаются научными определениями, но она не в меньшей степени характерна для научно-технического стиля, чем термины. В английских текстах по электричеству, например, *the voltage is applied* – напряжение подается; *the magnetic field is set up* – магнитное поле создается; *the line is terminated* – цепь выводится на зажимы; *the switch is closed* – переключатель замыкается. Именно так эти явления описываются в самых различных случаях и самыми различными авторами. Соблюдение норм употребления специальной лексики ставит перед переводчиком особые задачи при создании текста перевода.

Разумеется, в научно-технических материалах используется отнюдь не только терминологическая и специальная лексика. В них встречается большое число общеупотребительных слов, употребляемых в любых функциональных стилях. При

переводе таких лексических единиц переводчик научно-технической литературы сталкивается с такими же трудностями и применяет для их преодоления такие же приемы, как и его собратья, работающие в иных областях. Встречаются в научно-технических материалах и лексические элементы, более ха-рактерные для разговорного стиля, при переводе которых переводчику приходится сталкиваться с необходимостью выбора экспрессивно-стилистических вариантов. Научно-техническое изложение оказывается подчас отнюдь не нейтрально-объективным. В лингвистических исследованиях неоднократно отмечались факты использования в научных статьях казалось бы инородных элементов типа:

A large part of industrial America is rushing to get on the nuclear bandwagon.

Branched chain paraffins will be the fair-haired boys in our future gasolines.

Calcium cyanamide has been getting a big play in Germany recently.

Buick has stolen a march on the rest of the industry with a cast-iron V-6 engine.

Очевидно, что для понимания и перевода подобных фраз переводчику научно-технической литературы недостаточно иметь познания в области терминологии и специальной лексики. Как и любой переводчик, он должен хорошо владеть всеми богатствами языков, с которыми ему приходится иметь дело.

Английские научно-технические материалы обнаруживают и целый ряд грамматических особенностей. Конечно, не существует какой-либо "научно-технической грамматики". В научно-технической речи используются те же самые синтаксические структуры и морфологические формы, как и в других функциональных стилях. Однако ряд грамматических явлений отмечается в данном стиле чаще, чем в других, некоторые явления, напротив, встречаются в нем сравнительно редко, другие – используются лишь с характерным лексическим "наполнением".

Наиболее общие свойства научно-технического изложения, о которых мы говорили выше, не могут не отражаться на синтаксической структуре высказывания. Так, мы уже отмечали, что для подобных материалов особенно характерны определения понятий и описание реальных объектов путем указания на их свойства. Это предопределяет широкое использование структур типа "А есть Б", т.е. простых двусоставных

предложений с составным сказуемым, состоящим из глагола-связки и именной части (предикатива):

A breakdown is an electric discharge through an insulator.

В качестве предикатива часто выступает прилагательное или предложный оборот:

These materials are low-cost.

Control is by a foot switch.

Скрытыми определениями являются и многочисленные атрибутивные группы, которые в большом количестве используются в научно-технических материалах. Ведь назвать прибор *a mechanically timed relay* – это все равно, что определить его как *a relay which is mechanically timed*. Подобные свернутые определения дают возможность указать на самые различные признаки объекта или явления: *medium-power silicon rectifiers; mercury wetted contact relay; open-loop output im-pedance*, etc. Число определений в таких сочетаниях может быть весьма значительным. (Ср.: *a differential pressure type specific gravity measuring instrument*.)

Стремление к указанию на реальные объекты, к оперированию вещами приводит к преобладанию в английском научно-техническом стиле именных структур, к характерной для него номинативности. Дело не только в том, что в технических текстах много названий реальных предметов. Исследования показали, что в таких текстах номинализируются и описания процессов и действий. Вместо того чтобы сказать *to clean after the welding*, специалист говорит *to do post-welding cleaning*; если надо указать, что частица находится вблизи ядра, говорят *it occupies a juxtannucleat position*; вместо *the contents of the tank are discharged by a pump* предпочтение отдают *discharge of the contents of the tank is effected by a pump*. Съемная крышка в приборе существует не просто для того, чтобы его можно было легко чистить и ремонтировать, но *for ease of maintenance and repair*.

В связи с тем, что функция реального описания действия передается имени, сказуемое в предложении становится лишь общим обозначением процессуальности, своего рода "**оператором**" при имени. В научно-технических текстах отмечается широкое употребление таких глаголов-операторов, как *effect, assure, per-form, obtain, provide, give, involve, entail, imply, result in, lead to, to be ascribed to, to be attributed to*, etc., значение и

перевод которых всецело зависит от существительных, несущих основную смысловую нагрузку в предложении.

Стремление к номинативности приводит также к замене наречий предложно-именными сочетаниями. Так, *accurately становится with accuracy, very easily – with the greatest ease или the easy way* (Ср.: *to do something the hard way*), etc.

Упорно сопротивляются этой тенденции лишь усилительные наречия, которые выступают в научно-технических текстах в качестве основного модально-экспрессивного средства, не выглядящего чуждым элементом в серьезном изложении. Таковы наречия: *clearly, completely, considerably, essentially, fairly, greatly, significantly, markedly, materially, perfectly, positively, reasonably*, etc.

The amount of energy that has to be dissipated is clearly enormous.

The energy loss is markedly reduced.

Свидетельством все той же антиглагольной тенденции научно-технического стиля является и широкое использование вместо глаголов отглагольных прилагательных с предлогами: *to be attendant on, to be conducive to, to be destructive of, to be incidental to, to be responsive to, to be tolerant of*, etc.

This system is conducive to high volumetric efficiency.

This type of mixing is often incidental to other stages of the industrial process, e.g. size reduction.

Разумеется, номинативный характер научно-технического стиля не означает, что в материалах этого стиля полностью отсутствуют полнозначные глаголы в личных формах. Без таких глаголов трудно себе представить связное изложение значительной длины, хотя по некоторым подсчетам число глагольных предикативных форм в научно-технических текстах вдвое меньше, чем в литературных произведениях того же объема. В языковедческих работах не раз отмечались такие особенности употребления глаголов в научно-техническом стиле английского языка, как значительное преобладание пассивных форм и форм простого настоящего времени, что, несомненно, связано с основными характеристиками и целями научного изложения. Особое внимание переводчика заслуживает широко распространенное в специальных текстах использование переходных глаголов в непереходной форме с пассивным значением:

These filters adapt easily to automatic processing of many materials.

The steel forges well.

Важная характеристика английского научно-технического стиля, которая отражается в отборе и использовании языковых средств, заключается также в его стремлении к краткости и компактности изложения, что выражается, в частности, в довольно широком использовании эллиптических конструкций. Неправильное понимание этих конструкций нередко приводит к нелепым ошибкам в переводе. Встретив в тексте сочетание *a remote crane* или *a liquid rocket*, переводчик должен распознать в них эллиптические формы сочетаний *a remote-operated crane* и *a liquid-fuelled rocket*. Прочитав, что *A non-destructive testing college is to open in London this October*, он должен помнить что открывающийся колледж вовсе не будет неразрушающимся (*non-destructive*) или испытательным (*testing*), а будет готовить специалистов в области неразрушающих методов испытания материалов. Аналогичным образом *low-pressure producers* могут оказаться производителями полиэтилена методом низкого давления.

Указанная тенденция находит отражение и в ряде других грамматических особенностей. Для научно-технического стиля характерна, например, замена определительных придаточных предложений прилагательными в постпозиции (особенно суффиксами *-able*, *-ive* и др.): *the materials available excellent properties never before attainable; all factors important in the evaluation of; problems difficult with ordinary equipment*, etc. Та же цель может достигаться и использованием в функции определения форм инфинитива: *the properties to be expected; the temperature to be obtained; the product to be cooled*, etc.

Можно также отметить многочисленные случаи опущения в научно-технических материалах артикля, особенно определенного, там, где в текстах другого типа его употребление считается абсолютно обязательным: *General view is that... First uranium mine in the region was...*

Артикль часто отсутствует перед названиями конкретных деталей в технических описаниях, инструкциях и т.п.: *Armstrong Traps have long-live parts; valve and seat are heat treated chrome steel; lever assembly and bucket are stainless steel.*

Это же явление наблюдается перед названиями научных областей: *...in such fields as work study; mechanical engineering; civil engineering; telecommunication; standardization; higher education, etc.*

В лингвистических работах, исследующих специфику научно-технического стиля в современном английском языке, указывается и целый ряд более частных грамматических особенностей, как-то: широкое употребление множественного числа вещественных существительных (*fats, oils, greases, steels, rare earths, sands, wood, gasolines, etc.*), множественного числа в названиях инструментов (*dippers, jointers, shears, dividers, compasses, trammels, etc.*), использование предлога *of* для передачи видо-родовых отношений (*the oxidizer of liquid oxygen; the fuel of kerosene*), распространенность атрибутивных сочетаний со словами *type, design, pattern, grade*:

Protective clothing and dry-chemical-type fire extinguisher should be readily available in the area.

Not only laboratories, but pilot-type manufacturing plants are included in the center.

В связи с отмечавшейся выше последовательностью и доказательностью научного изложения наблюдается также повышенное использование причинно-следственных союзов и логических связок типа *since; therefore; it follows that; so; thus; it implies; involves; leads to; results in, etc.*

Отмеченные лексико-грамматические особенности научно-технических материалов оказывают непосредственное влияние на коммуникативный характер таких материалов, который должен быть воспроизведен при переводе.

Специфическими особенностями, оказывающими влияние на процесс перевода, обладает и газетно-информационный стиль. Основная задача материалов этого стиля заключается в сообщении определенных сведений с определенных позиций; тем самым в достижении желаемого воздействия на Рецептора. Содержание газетно-информационных сообщений отличается от научно-технической информации, в частности, тем, что здесь речь идет о явлениях, доступных для понимания широким слоям неспециалистов, прямо или косвенно связанных их жизнью и интересами. Поскольку однако задача заключается в сообщении каких-то фактов, и здесь необходимо точно обозначение понятий и явлений. Отсюда важная роль терминов, имен и названий, однозначно указывающих на предмет мысли.

Политическая терминология, особенно характерная для газетно-информационного стиля, обладает теми же основными чертами, которые свойственны и научно-технической терминологии. Вместе с тем они обнаруживают и некоторые отличия, связанные с меньшей строгостью и упорядоченностью терминологических систем в общественно-политической сфере, а также с зависимостью значений ряда терминов от соответствующих идеологических концепций. В газетно-информационных материалах нередко встречаются многозначные термины, термины-синонимы, сокращенные термины и названия. Термин *state* в политической терминологии США может значить как государство, так и штат: *Both the state and Federal authority are bent on establishing a police state*. В первом случае термин *state* стоит в одном ряду с определением "федеральный" и несомненно обозначает правительства штатов в отличие от правительства всей страны. Во втором случае *state* употреблено значении государство. Термин *Congressman* может иметь более широкое значение – "член американского конгресса" или более узкое – "член палаты представителей (конгресса США)": *Last year a number of American Senators and Congressmen visited Russia*. Наряду с *Congressman*, в его узком значении употребляется и его синоним *Representative*. Уставы различных организаций могут именоваться по-английски *Regulations, Rule Constitution, Statutes* или *Charter*. Широко известные термины часто употребляются в тексте в сокращенной форме: *Youth also virtually excluded from Congress, the average age of member of the Senate being 56 years and of the House 51 years*. Здесь сокращенное *House* употреблено вместо полного термина *House of Representatives*.

Один и тот же термин может получать разное значение зависимости от идейной направленности текста, в котором он использован. Термин *idealism* может использоваться в философском смысле как название мировоззрения, противостоящего материализму, и иметь положительный или отрицательный смысл в зависимости от идейной позиции автора. Но еще чаще он используется в положительном смысле, непосредственно соотносясь с понятием *ideals* – идеалы и означая "служение (приверженность) высоким идеалам (или принципам)", например:

The Foreign Secretary's most elaborate and numerous speeches seem to prove that idealism is his guiding star.

Широкое использование в газетно-информационном стиле имен и названий делает сообщение конкретным и относит передаваемые сведения к определенным лицам, учреждениям или районам. Это предполагает значительные предварительные (фоновые) знания у Рецептора, позволяющие ему связать название с называемым объектом. Так,

английскому Рецептору вне контекста хорошо известно, что *Park Lane* – это улица, *Piccadilly Circus* – площадь, а *Columbia Pictures* – кинокомпания. Названия и имена нередко используются в газетно-информационных материалах в сокращенной форме. Нередко эти сокращения могут быть неизвестны широкому читателю и их значение тут же расшифровывается в самой заметке или сообщении. Но существует немало таких сокращенных названий, к которым читатели газеты давно привыкли и которые поэтому не нуждаются в разъяснениях. Обилие сокращений является характерной чертой газетно-информационного стиля современного английского языка. Ср. названия партий, профсоюзов, различного рода организаций и должностей: *GOP = Grand Old (Republican) Party*; *DD = Defense Department*; *DA = District Attorney*; фамилии или фамильярные прозвища известных политических или общественных деятелей: *JFK = John F. Kennedy*; *Rocky = Rockefeller*; *Ike = Eisenhower*; *RLS = Robert Louis Stevenson*; географические названия: *N.J. = New Jersey*; *Mo. = Missouri*; *SF = San Francisco*; *S.P. = South Pacific*; *E-W = East-West*, etc.

Характерная особенность английского газетно-информационного стиля заключается в стилистической разноплановости лексики. Наряду с книжной лексикой здесь широко используются разговорные и поэтические слова и сочетания:

Instead of answering the Minister took the line of "you're another", that other West German Ministries and the police had still more ex-nazis in them than his own ministry.

The Tories hope to get away with it by invoking their old familiar maxim: When in trouble wave the Flag.

В области фразеологии газетно-информационный стиль отличает широкое использование "готовых формул" или клише. Здесь мы находим как многочисленные вводные обороты, указывающие на источник информации (*it is reported*; *it is claimed*; *our correspondent reports from*; *according to well-informed sources*), устойчивые сочетания со стершейся образностью (*to set the tone*; *to throw light*; *to lay the corner-stone*; *to give the lie*), так и целый ряд политических штампов типа: *government reshuffle*; *vested interests*; *an unnamed Power*; *generation gap*; *a foregone conclusion*, etc.

В газетно-информационных материалах отмечаются и некоторые особенности синтаксической организации текста: наличие кратких самостоятельных сообщений (1-3 высказывания), состоящих из длинных предложений со сложной структурой (*Marooned by a gale on a skeleton of a fire-gutted Wyle light-house in Morecombe Bay, with their dingey*

swamped, nine workmen last night decided to risk the two-mile journey back over the sands to Fleetwood), максимальное дробление текста на абзацы, когда почти каждое предложение начинается с новой строки, наличие подзаголовков в корпусе текста для повышения интереса читателей, частое использование многочисленных атрибутивных групп (*Paris underground and bus transport services were stopped today by a 24-hour warning strike called by the CGT (French TUC) with the support of other unions*). Особенно четко лексико-грамматическая специфика газетно-информационного стиля проявляется в газетных заголовках.

В области лексики для заголовков английских газет характерно частое использование небольшого числа специальных слов, составляющих своего рода "заголовочный жаргон": *ban, bid, claim, crack, crash, cut, dash, hit, move, pact, plea, probe, quit, quiz, rap, rush, slash* и др. Отличительной особенностью такой "заголовочной лексики" является не только частота их употребления, но и универсальный характер их семантики. Слово *pact* в заголовке может означать не только пакт, но и договор, соглашение, сделку и т.п. Глагол *hit* может быть употреблен в связи с любым критическим выступлением. *Red* может означать и коммунистический, и социалистический; *bid* подразумевает и призыв, и приглашение, и попытку достичь определенной цели и т.д.:

National Gallery Launches Bid to Buy the Titian. – Национальная галерея пытается приобрести картину Тициана.

Bid to Stop New Police Powers. – Призыв не допустить расширения прав полиции.

В газетных заголовках особенно широко используются жаргонизмы и другие лексические элементы разговорного стиля: *Report Raps Lack of Law Reform; Hits Gapers Housing Stand; Diet Lends JFK a Helping Hand*, etc. Даже если в самой статье какая-либо ситуация описывается в более сдержанном стиле, заголовок часто носит более разговорный характер. Ср. начало заметки в английской газете: *A leading Chinese diplomat has been accused of responsibility for violence against foreign embassies* с ее заголовком: *China Blames Diplomat for Embassy Rows*.

Газетные заголовки обладают рядом грамматических особенностей. В английских и американских газетах преобладают глагольные заголовки типа: *Roads Hit Scotland; William Faulkner Is Dead; Exports to Russia Are Rising*. Глагольность обычно сохраняется также в заголовках, состоящих из вопросительного предложения: *Will There Be Another Major Slump Next Year?* Специфическая особенность английского заголовка заключается в

возможности опустить подлежащее: *Hues Teen-Agers as Scabs; Want No War Hysteria in Toronto Schools; Hits Arrests of Peace Campaigners, etc.*

Существенные отличия от других функциональных стилей современного английского языка отмечаются в характере использования в заголовках глагольных временных форм. Английские и американские газеты, как правило, используют в заголовках неперфектные формы глагола. Когда речь идет о событиях, происшедших в недавнем прошлом, обычно используется настоящее неопределенное время: *Richard Aldington Dies 70; Concorde Lands at Heathrow*. Это самый распространенный тип заголовков; употребление настоящего неопределенного времени придает им живость, приближает события к читателю, делает его как бы участником этих событий и тем самым усиливает его интерес к публикуемому материалу. The Past Indefinite Tense употребляется в заголовках, относящихся к прошлым событиям, в основном, в тех случаях, когда в заголовке есть обстоятельство времени, либо если читателю известно, что описываемое событие произошло в определенный момент в прошлом: *Husband Disappeared Two Years Ago; Why Rockefeller Couldn't Buy a Landslide Victory?*, etc.

Для обозначения будущего времени в заголовках широко используется инфинитив: *America To Resume Testing; Laundry Workers To Vote on New Contract; World Unions To Fight Monopoly, etc.*

Важной особенностью английских газетных заголовков является распространенность в них эллиптической формы пассивного залога с опущением вспомогательного глагола *to be* для описания событий как в прошедшем, так и в настоящем времени: *Paris Protest March Staged by Students; 8-Year-Old Boy Kidnapped in Miami; All Piers Paralysed on East Coast, etc.*

Выявление языковой специфики того или иного типа речи или функционального стиля производится в рамках специальной теории перевода для определения воздействия этой специфики на процесс перевода, на характер и способы достижения эквивалентности при переводе материалов данного вида. Степень такого воздействия зависит не только от лексико-грамматических особенностей оригинала, но и от их соотношения с аналогичными явлениями в языке перевода. Ход и результат переводческого процесса во многом определяется тем, какими общими и отличительными языковыми чертами обладают аналогичные виды материалов в ИЯ и ПЯ. Поэтому за описанием характерных особенностей материалов научно-технического и газетно-информационного стилей в

современном английском языке должно последовать выявление языковой специфики русских текстов, относящихся к указанным функциональным стилям.

Многие общие характеристики научно-технического стиля, отмеченные нами в английском языке, присутствуют и в научно-технических материалах на русском языке. Это прежде всего относится к информативности текста и связанной с ней насыщенностью терминами и их определениями, к стандартной и последовательной манере изложения, его именному характеру – преобладанию сочетаний, ядром которых служит существительное, особенно различных видов атрибутивных групп, относительно более широкое использование абстрактных и общих слов-понятий, распространенность фразеологических эквивалентов слова и полутерминологических штампов и т.д. И здесь в глаголах будет преобладать настоящее время, сложноподчиненные предложения встречаться значительно чаще сложносочиненных, широко использоваться различные средства логической связи и т.п.

В то же время целый ряд особенностей русских материалов этого типа связан со специфическими структурами русского языка и выделяется благодаря своеобразному использованию таких структур, по сравнению с иными стилями русской речи. Прежде всего укажем на распространенность номинативных рамочных конструкций с нехарактерным для других областей порядком слов, при котором группа слов, поясняющая причастие или прилагательное, выступает вместе с ним в роли препозитивного определения: выделяемые в процессе ядерного распада частицы; обнаруженные в ходе данного эксперимента закономерности; неподвижное относительно земли тело; устойчивые по отношению к внешним воздействиям внутренние процессы и т.п.

Некоторые структуры, регулярно употребляемые в научно-техническом стиле, могут считаться за его пределами ошибочными, нарушающими нормы литературной речи. В других случаях можно говорить лишь о большей частотности употребления структур, достаточно типичных для любого стиля. Так, в научно-техническом стиле русского языка широко используются обособленные (т.н. "полупредикативные") члены предложения, особенно причастные и деепричастные обороты типа: *свойство, присущее данному элементу; устойчивость всей системы, вызванная отталкиванием одноименно заряженных частиц; подставляя это значение в уравнение, находят..., получив формулу, соответствующую экспериментальным результатам для излучения абсолютно черного тела, Планк определил...* Такие обособленные обороты достаточно употребительны и в

других стилях русского языка. Но там субъект обособленного деепричастного оборота обязательно должен совпадать с субъектом предложения. Можно сказать: Посмотрев в окно, я подумал о предстоящей беседе, но нельзя сказать: Посмотрев в окно, мне пришла в голову мысль о предстоящей беседе, так как в окно смотрел я, а не мысль. Использование подобных неграмматических оборотов в "обычной" речи свидетельствует о незнании говорящим правил русского языка (ср. юмористическую фразу у А.П. Чехова: *Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа*). Однако в научно-технических материалах деепричастные обороты такого рода встречаются достаточно часто и не могут рассматриваться как нарушение нормы: кроме того, общие теоремы позволяют изучать отдельные практически важные стороны данного явления, не изучая явления в целом; результаты эксперимента могут быть объяснены, не прибегая к указанным выше допущениям.

Неприемлемыми за пределами научно-технического стиля оказываются и многие словосочетания полутерминологического характера. Так, в русском языке глагол приурочить имеет, вообще говоря, только временное значение "отнести к какому-нибудь сроку", но в научно-технических материалах этот глагол может употребляться и для обозначения места, пространства: В этом районе выходы доломита приурочены к берегу реки. Обычно слово миграция относится лишь к перемещениям живых существ, но геологи говорят о миграции углеводородов и т.п. Сравните также такие сочетания, противоречащие общенародному употреблению, как *прозвонить электрическую цепь; в тропическом или арктическом исполнении* и т.д. Для неспециалиста утверждение, что в материале р-типа ток переносится дырками или что дырки в зоне 1 тяжелее, чем дырки в зоне 2, представляется несомненной бессмысленностью.

Иногда распространенные в научно-техническом стиле структуры не считаются за его пределами нарушением языковой нормы, но воспринимаются как стилистически неудачные, отягощающие повествование. Сюда относятся, например, цепочки из нескольких существительных в родительном падеже, которые в научно-технических текстах бывают весьма длинными: *задача определения изменения направления движения частиц; для понимания принципа устройства и действия кривошипно-шатунного механизма двигателя внутреннего сгорания*.

Как и в английском языке, научно-технический стиль в русском языке характеризуется не столько какими-то языковыми особенностями, отсутствующими в иных стилях, а относительно большей частотой употребления одинаковых языковых

средств. Так, краткие прилагательные встречаются в различных стилях русского языка, но значительно чаще они отмечаются в научно-технических материалах, обозначая как временные, так и постоянные признаки предметов:

Этот метод пригоден лишь в случае, когда регистрируемые события сопровождаются световыми вспышками.

Электрическая сила, действующая на частицу, равна ее заряду.

Тепловые излучения крайне неэкономичны.

В качестве другого примера можно указать на широкое использование здесь отвлеченных существительных, особенно среднего рода (*развитие, движение, отношение, измерение, явление, состояние, действие, свойство, условие, множество* и т.д.), глаголов на -ся (*явление наблюдается, якорь притягивается, наука обогатилась* и т.п.), так называемого "авторского мы" (*С явлением сверхпроводимости мы встречаемся не только при указанных условиях. Мы исходим из предположения, что скорость частицы постоянна*) и ряд других, более частных особенностей.

Таким образом, языковые особенности аналогичных стилей в ИЯ и ПЯ нередко не совпадают. Поэтому принадлежность текстов оригинала и перевода к определенному функциональному стилю предъявляет особые требования к переводчику и оказывает влияние на ход и результат переводческого процесса. Специфика определенного вида перевода зависит не только от языковых особенностей, которые обнаруживаются в соответствующем стиле каждого из языков, участвующих в переводе, но, главным образом, тем, как соотносятся эти особенности между собой, насколько совпадают стилистические характеристики данного типа материалов в обоих языках. Если какие-то особенности обнаруживаются только в одном из языков, то при переводе происходит своеобразная стилистическая адаптация: специфические средства изложения в оригинале заменяются языковыми средствами, отвечающими требованиям данного стиля в ПЯ. Так, для научно-технических материалов английского языка характерно преобладание простых предложений, которые, по приблизительным подсчетам, составляют в среднем свыше 50% общего числа предложений в тексте. В то же время число сложных предложений сравнительно невелико. (Как указывалось выше, в обоих языках сложноподчиненные предложения преобладают над сложносочиненными). Это явление несвойственно соответствующему стилю в русском языке, где сложные предложения используются очень широко. В связи с этим в англо-русских технических переводах часто используется прием

объединения предложений, в результате чего двум или более простым предложениям английского оригинала соответствует одно сложное предложение в русском переводе. Приведем несколько примеров:

This condition, however, changes at certain critical energies of the electrons. At these critical energies the gas atoms do absorb energy, and a sudden drop in the electron current is simultaneously observed. – Однако это условие нарушается при некоторых критических энергиях электронов, когда атомы газа поглощают энергию, и одновременно наблюдается внезапное падение электронного тока.

The success of Einstein's theory again required thinking of light as "quantified". The indivisible quantum of light is called the photon, and it has the energy $h\nu$. This success served to give further support to Planck's quantum hypothesis for black body radiation. – Успех эйнштейновской теории снова потребовал рассматривать свет как поток неделимых частиц, называемых фотонами и имеющих энергию $h\nu$, и послужил дальнейшей поддержкой планковской квантовой гипотезе излучения абсолютно твердого тела.

Classically, we should expect the stopping voltage to be different for different intensities. Furthermore we should not expect any simple direct dependence of the stopping voltage on the frequency of the light used. – С точки зрения классической теории, можно ожидать, что запирающее напряжение будет различным для различных интенсивностей, но не будет зависеть от длины волны падающего света.

При переводе на русский язык английских текстов, принадлежащих к художественной литературе или к газетно-информационному стилю, преобладает противоположное явление – чтение предложения при переводе, когда одному исходному предложению соответствуют два или более в тексте перевода. В англо-русских научно-технических переводах прием членения используется сравнительно редко:

The limitations of the existing theories must be adequately understood if they are not to be used in places where they are invalid. – Ограничения существующих теорий должны быть обязательно поняты. Это поможет избежать применения этих теорий в тех случаях, когда они несправедливы.

Аналогичные явления наблюдаются при переводе газетно-информационных материалов. И здесь расхождения языковых особенностях английских и русских текстов вызывают необходимость стилистической адаптации. Если для английских заголовков

характерно употребление глагольных форм, для русских – именных, то при переводе приходится производить соответствующую перестройку: *Floods Hit Scotland – Наводнение в Шотландии*; *Exports to Russia Are Rising – Увеличение экспорта в Россию*. Более сложные преобразования связаны с переводом заголовков, в которых имеется глагольное сказуемое в личной форме, но отсутствует подлежащее: *Hires Teen-Agers as Scabs – Использование подростков в качестве штрейкбрехеров*. То же в переводе заголовков причастными формами: *20 Killed in Air Crash – Гибель 20 человек в авиационной катастрофе*.

Специальная теория перевода описывает различные формы стилистической адаптации при переводе текстов, принадлежащих к определенному функциональному стилю. Подобная адаптация обуславливается не только языковыми различиями, о которых шла речь. Стилистическая адаптация при переводе может оказаться необходимой и в отношении тех стилистических признаков, которые одновременно обнаруживаются в аналогичных стилях ИЯ и ПЯ. Одна и та же стилистическая черта может в различной степени проявляться в каждом из языков, и ее присутствие в оригинале еще не означает, что она может быть просто воспроизведена в тексте перевода.

Вспомним, к примеру, что для научно-технического стиля как в английском, так и в русском языке характерно стремление к четкости и строгости изложения, точному употреблению терминов, отказу от косвенных, описательных обозначений объектов, широкому использованию штампов и стереотипов специальной лексики. Однако более детальный анализ показывает, что строгость в употреблении терминов и привычных формулировок, в целом, более свойственна русскому научно-техническому стилю, чем английскому. Поэтому переводчик нередко чувствует себя обязанным осуществлять "стилистическую правку" оригинала, вводить вместо парафразы точный термин, разъяснять, что конкретно имеется в виду, заменять авторский оборот более привычным штампом и т.д. Сравните, например, следующий перевод с его оригиналом:

Однако было обнаружено, что рентгеновское излучение, рассеянное на атомах, содержит не только частоту V_0 падающего излучения, но также новую частоту V_i , которой не было в спектре первоначального рентгеновского излучения. – It was discovered, however, that X-rays scattered by atoms exhibited not only the frequency V_0 of the incident X-rays but also a new frequency V_i not present in the original X-rays.

Оба текста строго научны, но переводчик счел необходимым быть более точным терминологически. У него новая частота обнаруживается не просто в рентгеновских лучах, а в спектре рентгеновского излучения.

В следующем примере английский автор позволил себе выразиться несколько описательно и был "возвращен" в переводе к терминологически четкому указанию на суть дела:

The time between a research idea and its translation into Product is diminishing quite rapidly. – *Время между возникновением идеи при исследованиях и ее осуществлением в виде промышленной разработки весьма быстро сокращается.*

Одно из распространенных проявлений стилистической адаптации в научно-техническом переводе – это стремление "закавычить" стилистические инородные элементы:

It is thus the trademark of the results of this new theory. – *Она (т.е. постоянная Планка) является как бы "фабричным клеймом" результатов этой новой теории.*

Приведем теперь несколько примеров перевода, где вместо нестандартного описания в оригинале переводчик использовал стереотипные формулировки:

Its solutions must be capable of requiring under some circumstances the discreteness of energies. – *Его решения должны при некоторых обстоятельствах удовлетворять требованию дискретности энергий.*

We shall discover in the succeeding sections of this chapter that... – *В последующих разделах данной главы будет показано, что...*

Let us rewrite Eq. (1-6) as follows... – *Запишем уравнение (1-6) в следующем виде...*

Equations (1-8) and (1-5) may be combined as follows... – *Объединяя уравнения (1-8) и (1-5), получим...*

Хотя в обоих языках для научно-технического стиля характерна объективно-описательная манера изложения, лишенная эмоциональности и стилистических "красот", в английских научных текстах все же подчас встречаются эмоциональные эпитеты, образные и фигуральные выражения, риторические вопросы и тому подобные

стилистические приемы, оживляющие повествование и более свойственные разговорному стилю или художественной речи. Такие нарушения стилистического единства текста меньше свойственны научно-техническим материалам в русском языке. Сопоставительный анализ переводов показывает, что переводчики регулярно осуществляют стилистическую адаптацию переводимого текста, опуская эмоционально-стилистические элементы оригинала, которые кажутся им неуместными в "серьезном" научном изложении. Такие, например, оценочные эпитеты, как *dramatic*, *successful*, *excellent*, etc., нередко оказываются избыточными в русском переводе:

The spectral lines provide one dramatic example of the discreteness in nature. – Спектральные линии являются примером дискретности в природе.

Having successfully obtained the expression for the experimental results for black body radiation... – Получив формулу, соответствующую экспериментальным результатам для излучения абсолютно черного тела...

Само собой разумеется, что если мы получили необходимую формулу, то наши действия были успешными. Но ведь такая же логика существует и для английского оригинала. И все же переводчик решил, что верность русскому научно-техническому стилю в данном случае важнее воспроизведения этой детали оригинала.

The success of Planck's bold new theory in explaining black body radiation... – Успех новой теории Планка в объяснении излучения абсолютно черного тела...

Конечно, теорию Планка и по-русски можно назвать смелой, дерзкой, новаторской, но не будет ли это нарушением норм научного изложения? Еще один пример подобного рода:

These conclusions, however, raised other uncomfortable questions. – Эти заключения, однако, вызвали ряд вопросов.

Аналогичная тенденция обнаруживается и в отношении "избыточной" образности:

Modern technology is growing at a very rapid rate, and new devices are appearing on the horizon much more frequently. – Современная техника развивается настолько быстро, что новые типы приборов появляются значительно чаще, чем это было раньше.

Появляются на (нашем) горизонте, появляются в нашем поле зрения и т.п. – все это возможно, но необычно образно для русского научного текста.

Отсутствие полного совпадения между английским и русским научно-техническим стилями можно обнаружить и при изучении сравнительной частоты употребления в них отдельных частей речи. Как отмечалось, для научного изложения в целом характерен признак номинативности, т.е. более широкое использование существительных, чем в иных функциональных стилях. Однако и здесь сопоставительный анализ переводов показывает, что в русском языке эта тенденция выражена более четко и при переводе английские глаголы нередко заменяются существительными:

The engine is the source of power that makes the wheels go round and the car move. – Двигатель служит источником энергии для вращения колес и движения автомобиля.

The fuel system is designed to store liquid gasoline and to deliver it to the engine cylinders in the form of vapor mixed with air. – Система питания предназначается для заправки жидким топливом и подачи его в цилиндры в виде смеси паров бензина с воздухом.

A fuel pump, which pulls the gasoline through the fuel line. – Бензонасос, обеспечивающий подачу горючего по бензопроводу.

Таким образом, одна и та же особенность научно-технического стиля, присущая и английскому и русскому языкам, может проявляться с неодинаковой очевидностью и выражаться разными языковыми средствами. Мы отмечали, что для научного изложения характерна высокая логичность и последовательность. Следующие друг за другом высказывания соединены различными видами логической связи: одно высказывание вытекает из другого, поясняет его, устанавливает с ним причинные, временные, пространственные и т.п. отношения. Эта особенность выявляется как в английском оригинале, так и в русском переводе. Однако в английском языке логические связи между отдельными высказываниями часто обнаруживаются лишь в самом их содержании и особо не выражаются. Русский же язык предпочитает использовать специальные слова и вводные обороты, указывающие на тот или иной тип связи. Поэтому в переводе часто обнаруживаются подобные дополнительные уточнения, отсутствующие в оригинале. Вот несколько примеров:

Semiconductor theory, junction theory, and circuit theory are integrated to explain the behavior of existing devices in circuits. No prior knowledge of modern physics is assumed.

Этот пример представляет собой отрывок из введения к книге, посвященной описанию полупроводниковых устройств. Характер связи этого отрывка с предыдущим изложением, а также связи между двумя предложениями, составляющими отрывок, достаточно ясен. Понятно, что речь идет о содержании именно данной книги и что именно при ее изучении не требуется предварительного знания физики. Однако в русском переводе эта связь выражена, как говорят лингвисты, эксплицитно, т.е. с помощью особых языковых средств, которые не имеют соответствия в оригинале:

В книге для объяснения поведения существующих приборов в схемах объединены теория полупроводников, теория p-n- переходов и теория цепей. При этом не предполагается предварительного знакомства читателя с современной физикой.

Отметим, что в русском тексте потребовалось указать, что речь идет о знаниях читателя, что само собой разумеется. Однако в английском тексте можно об этом не упоминать, а в русском тексте такое уточнение является уместным и естественным. Еще пример уточнения логической связи при переводе:

In the not too distant future, whole circuits will be fabricated in single crystals. The engineers who design such devices will need to know both circuits and devices. – В не столь отдаленном будущем целые схемы будут создаваться в одном кристалле. Поэтому инженерам, которым придется конструировать такое устройство, необходимо знать как схемы, так и приборы.

Указанный тип стилистической адаптации присущ и переводам газетно-информационных материалов. Как уже отмечалось, и английским и русским текстам этого типа свойственно включение элементов разговорного стиля. Однако в английских оригиналах подобные элементы используются более свободно, они подчас носят фамильярный, а то и жаргонный характер. Вследствие этого переводчику порой приходится как бы "приглаживать" текст перевода, заменяя жаргонно-фамильярные слова и обороты более нейтральными:

Hip and Square Films. – Ультрамодернистские и традиционные фильмы.

Putting Pep Into the Palace. – Интенсификация труда персонала Букингемского дворца.

В обоих языках газетно-информационному стилю присуща лаконичность. Однако в английских текстах это требование соблюдается более строго, чем в русском. Поэтому в англо-русских переводах нередко приходится выбирать более пространственный вариант:

According to W.H.O. statistics, heart diseases were the No. 1 killer. – Согласно данным Всемирной организации здравоохранения первое место среди всех причин смертности занимали сердечные заболевания.

Основные особенности выполнения полного письменного перевода деловых документов и научно-технической литературы

Основной чертой языка деловой корреспонденции и языка науки и техники является точное и четкое изложение материала при почти полном отсутствии эмоциональных элементов; в них практически исключена возможность произвольного толкования существа вопроса. Поэтому основными требованиями, которым должен отвечать хороший деловой или научно-технический перевод, являются:

1. **точность** – все положения, трактуемые в оригинале, должны быть изложены в переводе;
2. **сжатость** – все положения оригинала должны быть изложены сжато и лаконично;
3. **ясность** – сжатость и лаконичность языка перевода не должны мешать изложению лексики, ее пониманию;
4. **литературность** – текст перевода должен удовлетворять общепринятым нормам литературного языка, без употребления синтаксических конструкций языка оригинала.

Перевод заголовка, если он раскрывает сущность вопроса, должен быть близок к оригиналу, если же он отличается краткостью или носит рекламный характер, переводчик вносит в него краткую аннотацию для дальнейшего использования его в информационных целях. Все сокращения, встречающиеся в тексте оригинала, должны быть расшифрованы в соответствии с общепринятыми и специальными сокращениями. Сокращения, не поддающиеся расшифровке, остаются на языке оригинала.

В тексте перевода остаются в оригинальном написании:

- слова и предложения не на языке оригинала;

- сокращенные наименования марок изделий и приборов;
- названия иностранных печатных изданий.

В тексте перевода переводятся:

- названия частей и отделов учреждений и организаций;
- названия должностей, званий, ученых степеней, титулов;
- собственные имена и названия в соответствии с установившейся практикой.

В тексте перевода транскрибируются:

- иностранные фамилии, собственные имена и названия с учетом традиционного написания известных фамилий;
- артикли и предлоги в иностранных фамилиях;
- наименования иностранных фирм, компаний, акционерных обществ, корпораций, концернов, монополий, промышленных объединений;
- союзы и предлоги в названиях фирм;
- фирменные названия машин, приборов, химических веществ, изделий, материалов.

В тексте перевода заменяются русскими эквивалентами:

- научно-технические термины;
- географические названия.

В тексте перевода сохраняется национальное своеобразие специфических слов и выражений, связанных с особенностями быта и общественной жизни, историей, географическими и климатическими условиями.

ГЛАВА

7

ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Происходящие в современном языке научного общения процессы образования новых терминов связаны с появлением новых научных идей и направлений исследований, разработкой новой техники, созданием новых технологических процессов. По этой причине отсутствующие в словарях новые термины обычно оказываются носителями наиболее важной для получателя сообщения информации, с целью извлечения которой и

производится обработка иностранного текста. Наиболее интенсивное пополнение терминологического состава языка происходит за счет следующих процессов:

1. **Аффиксация**, т.е. образование новых однословных терминов путем прибавления к корневым словам заимствованных из греческого и латинского языков префиксов и суффиксов, например: *connection + dis = disconnection (разъединение)*

2. Образование новых однословных терминов путем **словосложения**, при котором два или более слова или термина (или их основы) соединяются в один новый термин, например: *propeller + fan = propfan (винтовентиляторный газотурбинный двигатель)*

3. **Конверсия** слова или термина, с помощью которой из существующего слова или термина образуется новый термин, относящийся к другой части речи, например: *to know + how = know how (технология производства)*

4. Прямые **заимствования** слов из греческого и латинского языков, например: *locus (геометрическое место точек); versus (в зависимости от, как функция какого-либо аргумента)*

5. **Комбинация двух или более из перечисленных выше способов**. Так, например, рассмотренный выше термин *know how* образован с помощью словосложения и конверсии.

6. Образование сложных терминологических групп путем **добавления уточняющих левых и правых (предложных) определений** к исходному термину.

Несмотря на то, что большинство новых научных терминов появляется в результате образования сложных терминологических групп, наибольшие трудности вызывает дешифровка словарно необеспеченных однословных терминов.

Префиксация

Для успешного проведения дешифровки новых терминов переводчик должен хорошо представлять себе общие принципы терминообразования, знать некоторый минимум латинских и греческих корней, суффиксов и префиксов, которые наиболее активно участвуют в процессах терминообразования, и обладать определенными навыками практического применения этих знаний.

1) **Pre.** Префикс *pre* происходит от латинского *prae*, означавшего *перед, впереди*. В Древнем Риме мужчины имели три имени, первое из которых называлось *praenomen*. В английском языке добавление префикса *pre* используется для передачи идеи опережения по времени или по положению.

predesign – эскизный проект

2) **De.** Префикс *de* имеет несколько отрицательных значений, основными из которых являются а) *вниз, ниже*; б) *высвобождение, отключение* или *отклонение* и в) *отделение, отдаление*.

descent – спуск, снижение

3) **Inter.** Префикс *inter* происходит от латинского слова *inter*, означавшего *между, среди*. Необходимо делать различие между *inter* и префиксом *in*, добавленным к слову, начинающемуся со слога *ter* (в таких словах, как *internal, interminable, etc*). Если вместо *in* можно поставить какой-либо другой префикс (например, *external*), а вместо *inter* никакого другого префикса поставить нельзя, то действительным префиксом является *in*. Все современные значения префикса *inter* в точности соответствуют его первоначальному значению.

interchangeability – взаимозаменяемость

4) **Un.** Основным значением префикса *un* является *не*. В некоторых случаях префикс *un* означает изменение действия глагола на обратное.

undrainable – несливаемое (топливо)

unload – разгружать

5) **Re.** Широко используемый префикс *re* имеет значение *назад, снова, еще раз*. В некоторых случаях префикс *re* играет роль неотделяемого пассивного префикса (как, например, в словах *refer, revoke, revert*).

recoverable – спасаемый, многократного применения

reentry – повторный вход

6) **Trans.** *Trans* означает *через, за пределами*. В некоторых случаях последняя буква *s* отбрасывается без изменения значения.

transition – переход

7) **Pro.** Основными значениями *pro* являются *вперед, в пользу, вместо*.

processing – обработка

8) **Non.** *Non* является отрицательным префиксом, означающим *не*, однако его значение менее эмфатично, чем значение отрицательного префикса *in* (см. п. 4). В тех случаях, когда корневое слово начинается с заглавной буквы, префикс *non* присоединяется через дефис.

nonexpendable – многократного применения

9) **Mis.** Префикс *mis* означает *неправильно, ошибочно*. При добавлении префикса *mis* к корневому слову буква *s* всегда сохраняется.

misfire – незапуск двигателя

10) **Ob.** Из значений, создаваемых с помощью префикса *ob*, наиболее характерными являются *против, к, в направлении*. Буква *b* префикса часто ассимилируется, в результате чего появляются такие формы, как *op, os, of* или даже совсем опускается, как в глаголе *omit*.

objective – цель

opposite – противоположный

11) **Ex.** Основными значениями *ex* является *вне, за пределами*, а также *бывший*. Буква *x* обычно опускается, если корневое слово начинается с букв *b, d, g, l, m, n, r, v*.

expulsion – выталкивание, вытеснение

12) **Dis.** Префикс *dis* имеет значение *нет* и *раздельно, отдельно*. Буква *s* обычно опускается перед корневыми словами, начинающимися с букв *b, d, g, m, n*,

l, r. Префикс *dis* не следует путать с префиксом *di*, означающим *два* (как, например, в слове *dioxide* – *диокись*).

disconnect – *разъединение*

13) **In.** *In* имеет два различных значения – *нет* и *в, заключать в себе*. Буква *n* обычно ассимилируется перед корневым словом, начинающимся с *r*, в результате чего появляется префиксная форма *ir*. По той же причине перед буквами *m, p, b* префикс *in* переходит в форму *im*. Ко второму значению этого префикса также относятся заимствованные из французского языка формы *en* или *em* (*encircle* – *окружать*; *enclose* – *вкладывать, содержать*).

inaccessible – *не имеющий доступа*

14) **Com.** Основным значением этого префикса является *вместе, совместно, с*. При добавлении *com* к корневому слову, начинающемуся с *l*, возникает префиксная форма *col* (*collision* – *столкновение*). Другая префиксная форма *cor* возникает при добавлении префикса к корневому слову, начинающемуся с *r* (*corrode* – *подвергаться коррозии*). При добавлении к корневому слову, начинающемуся с гласной, *m* отбрасывается и образуется префиксная форма *co* (*coincidence* – *совпадение*).

compartment – *отсек*

15) **Sub.** Префикс *sub* имеет значение *под, до, ниже по положению*, а также *в меньшей степени, чем, ниже*. Перед корневыми словами, начинающимися с *f*, буква *b* заменяется на *f* (*sufficient* – *достаточно*). Перед *g* эта буква заменяется на *g* (*suggest* – *предлагать*), перед *s* заменяется на *c* (*succeed* – *иметь успех*), перед *r* – на *r* (*surrogate* – *замена*). В некоторых случаях перед *p, t, c* префикс *sub* заменяется на *sus* (*suspend* – *откладывать*).

subassembly – *узел агрегата*

16) **Ad.** Префикс *ad* означает *к, в направлении* и относится к числу самых активных терминообразующих префиксов английского языка. Префикс *ad* имеет десять ассимилятивных форм, которые могут быть идентифицированы по общему для всех них признаку двойной согласной:

- перед буквой *p* префикс превращается в *ap* (*application* – применение);
- перед буквой *c* префикс превращается в *ac* (*accessory* – агрегат);
- перед *g* превращается в *ag* (*agglomeration* – слияние капель);
- перед *f* превращается в *af* (*affixture* – присоединение);
- перед *l* превращается в *al* (*allevator* – устройство для ослабления возмущающего воздействия);
- перед *n* превращается в *an* (*annealing* – отжиг);
- перед *r* превращается в *ar* (*array* – антенная решетка);
- перед *s* превращается в *as* (*assignment* – боевое задание);
- перед *t* превращается в *at* (*attrition* – абразивный износ);
- перед словами, начинающимися с букв *sc*, *sp*, *st* буква *d* префикса отбрасывается (*ascent* – набор высоты).

Суффиксация

Помимо префиксационных способов терминообразования, новые термины могут быть также образованы с помощью суффиксационных способов, при которых терминообразующие суффиксы добавляются справа от корневого слова. С помощью суффиксации могут быть образованы новые термины или слова, выполняющие в предложении роль существительного, наречия или глагола.

Суффикс	Исходное слово	Образуемый термин
	<i>существительные, обозначающие лицо, механизм или агрегат, производящие определенное действие</i>	
-er	rig/испытательный стенд	rigger/механик по сборке

-or	to combust/сжигать	combustor/устройство	сжигания
-----	--------------------	----------------------	----------

ТОПЛИВА

-ent	to absorb/поглощать	absorbent/поглотитель	
------	---------------------	-----------------------	--

-ant	to propel/приводить в движение	propellant/ракетное топливо	
------	--------------------------------	-----------------------------	--

существительные, выражающие некоторые понятия

-ion	to ablate/охлаждать путем уноса массы	ablation/унос массы	
------	---------------------------------------	---------------------	--

-ation	to identify/определять	identification/идентификация	
--------	------------------------	------------------------------	--

-ment	to procure/закупать по безнал. расчету	procurement/закупки	по
-------	--	---------------------	----

безнал. расчету

-ure	to expose/подвергать воздействию	exposure/воздействие	
------	----------------------------------	----------------------	--

-age	to pass/проходить	passage/газовый канал	
------	-------------------	-----------------------	--

-ence	to infer/делать вывод	inference/следствие	
-------	-----------------------	---------------------	--

-ance	to clear/давать разрешение	clearance/зазор	
-------	----------------------------	-----------------	--

-ing	to feather/ставить во флюгер	feathering/флюгирование	
------	------------------------------	-------------------------	--

отвлеченные существительные, образующиеся от прилагательных

-ism	formal/формальный	formalism/математическое	
------	-------------------	--------------------------	--

представление

-ty	safe/безопасный	safety/безопасность	
-----	-----------------	---------------------	--

-ity	continuous/непрерывный	continuity/непрерывность	
------	------------------------	--------------------------	--

-ness	hard/твердый	hardness/твердость	
-------	--------------	--------------------	--

-ency	frequent/частый	frequency/частота	
-------	-----------------	-------------------	--

-ancy	buoyant/плавучий	buoyancy/аэростатическая	
-------	------------------	--------------------------	--

подъемная сила

прилагательные, образуемые от глаголов, играющие роль левых определений

-ive	to interact/взаимодействовать	
	interactive/взаимодействующий	
-able	to reuse/повторно использовать	reusable/повторно используемый
-ible	to convert/переоборудовать	
	convertible/переоборудуемый	
-uble	to solve/решать	soluble/разрешимый
-ent	to converge/сужаться	convergent/сужающийся
-ant	to resonate/резонировать	resonant/работающий
	режиме резонанса	в

прилагательные, образуемые от существительных, играющие роль левых определений

-y	grain/элемент заряда	grainy/зернистый
-al	computation/вычисление	
	computational/вычислительный	
-ic	system/система	systemic/системный
-ical	identity/тождество	identical/тождественный
-ous	danger/опасность	dangerous/опасный
-ious	space/пространство	spacious/объемный
-ful	meaning/смысл	meaningful/значащий
-less	spar/лонжерон	sparless/безлонжеронный
-proof	stall/сваливание	stalless/устойчивый
-ar	pole/полюс	polar/полярный

-ary

element/элемент

elementary/элементарная

Заимствования

Помимо сдвигов значения термина за счет присоединения терминообразующих префиксов и суффиксов слева и справа от корневого слова, новые термины могут также создаваться путем прямых заимствований из других языков, большей частью из латинского и греческого.

В Древнем Риме существовал прообраз современного такси, представлявший собой двухместную коляску, одно из колес которой было связано с несложным устройством, называемым *hodometer*, или измеритель пути. Устройство состояло из наполненного мелкими камешками глиняного горшка, дно которого было прикрыто вращающейся металлической крышкой. Когда колесо делало несколько оборотов, отверстия в крышке и дне горшка совпадали и камешек падал в деревянный лоток. Доехав до места назначения, пассажир вынимал лоток, подсчитывал камешки и расплачивался с возницей. Камешек на латинском языке назывался *calculus*, что и послужило для создания таких терминов, как:

differential calculus – дифференциальное исчисление

integral calculus – интегральное исчисление

to calculate – вычислять

Словосложение

Образование новых терминов или слов с помощью словосложения относится к числу наименее "проблемных" способов терминообразования при условии, что переводчику известен смысл всех составных частей, входящих в состав нового термина. При словосложении два или более слова или их основы объединяются в один новый термин, который весьма редко приобретает дополнительный смысл, существенно отличающийся от простой смысловой суммы входящих в него компонентов. Новый термин – сложное существительное или прилагательное – чаще всего образуется путем соединения двух существительных, прилагательного и существительного или глагола и существительного.

Объединение слов может происходить без соединительной гласной, с помощью соединительной гласной, либо с помощью дефиса, например:

air + lock = airlock – воздушная разделительная камера

stall + proof = stall-proof – несклонный к срыву потока

Однако, в сравнительно небольшом количестве случаев при словосложении может произойти существенное изменение значения нового термина, намного превышающее смысловой сдвиг, происходящий при образовании простой смысловой суммы компонентов. Обычно это бывает при так называемом "ложном словосложении", при котором два (или более) известных слова или термина используются для описания или обозначения явления, относящегося к области, имеющей мало или ничего общего со значением исходных слов или терминов.

Конверсия

В английском языке во многих случаях новые слова образуются из существующих уже в языке слов без всякого изменения их написания и произношения. Такой способ образования новых слов называется конверсией.

Наиболее распространенным видом конверсии является образование глаголов от имен существительных.

Так, от существительного *motor – двигатель* образовался глагол *to motor – работать в двигательном режиме*; от существительного *generator – генератор* образован глагол *to generator – работать в генераторном режиме*.

В современном английском языке образование глаголов от существительных получило широкое распространение, является продуктивным и служит одним из источников появления неологизмов. Иногда такие глаголы могут отсутствовать в словарях. При переводе их в отдельных случаях приходится прибегать к контекстуальным заменам или к описательному переводу.

Например, глагол *to stretch out – растянуть* в американской литературе по организации производства и нормированию переводится описательно и двояко: 1) *неоплачиваемая дополнительная работа* и 2) *умышленное замедление темпа*.

Обратный процесс (образование путем конверсии существительных от глаголов) отмечается реже, например, существительное *layout* – *расположение, размещение* образовано от глагола *to lay out* – *размещать*.

Интересно отметить, что от ряда глаголов, образованных путем конверсии от существительных, в свою очередь, образовались новые глаголы. Например, от глагола *to motor* с помощью префикса *re-* образовался глагол *to remotor* – *заменить двигатель*.

Сокращения

За последнее время тенденция образования новых слов путем сокращения существующих слов или словосочетаний усилилась. Рост числа сокращений объясняется тем, что сложные слова и словосочетания громоздки и неудобны и, естественно, появляется стремление передать их кратко.

Сокращения, как и целые слова, могут выступать в предложении в различных синтаксических функциях и оформляться морфологически по всем правилам английской грамматики (принимать множественное число, употребляться в притяжательном падеже, иметь определения).

Существуют следующие виды сокращений:

1. Буквенные сокращения (инициальный тип сокращения)

- сокращенное слово – его первая буква, а сокращенное словосочетание – первые буквы компонентов. Сокращенные слова произносятся полностью:

E. = *east* – *восток*

Сокращенные словосочетания произносятся чаще всего как названия букв, составляющих сокращения:

Emf = *electromotive force* – *электродвижущая сила*

- иногда можно встретить сокращения типа:

s/n = *signal to noise* – *отношение сигнала к шуму*

- часто сокращается часть словосочетания:

fractional H.P. motor = fractional horse-power motor – микродвигатель

- в ряде случаев буквенному сокращению подвергается только первый элемент, который произносится как алфавитное название данной буквы:

e-mail = electronic mail – электронная почта

Вследствие широкого употребления сокращений существует много омонимических форм, что создает известные трудности при выборе нужного значения:

s.f. = self-feeding – с автоматической подачей

s.f. = signal frequency – частота сигнала

s.f. = square foot – квадратный фут

2. Слоговые сокращения

- слоговые сокращения представляют собой начальные слоги компонентов словосочетаний. Они пишутся слитно и читаются как одно слово:

intercom = intercommunication – интерком, система связи

- сокращения, состоящие из букв или слогов:

Retma = Radio-Electronics-Television Manufacturers Association – Ассоциация промышленников по радио, электронике и телевидению

В технической литературе, и особенно в американской, такие сокращения могут образовываться путем сокращения начального слога первого компонента и конечного слова второго:

chemurgy = chemistry metallurgy – отрасль химии, относящаяся к области производства сырья

К сокращениям можно отнести так называемые "литерные" термины, где графическая форма буквы служит определением предмета:

A-pole – A-образная опора

3. Усеченные слова

- усечение, при котором остается начальная часть слова:

sub = submarine – подводная лодка

- усечение, при котором остается конечная часть слова:

chute = parachute – парашют

- усечение, при котором отпадает средняя часть слова:

Ry = railway – железная дорога

- усечение, при котором остается два слога:

memo = memorandum – докладная записка

- усечение прилагательного в сложном термине:

technicolour = technical colour – цветная кинематография

4. Стяжение

Целый ряд неологизмов образован путем стяжения.

motor + hotel = motel – мотель, гостиница для автотуристов

frog + smoke = smog – смог

Образование фирменных наименований

В число неологизмов входит большое количество фирменных наименований, которые представляют немалый интерес. Многие из них отличаются оригинальностью, предельно сжато характеризуют предмет и удачно передают сущность выражаемого ими понятия.

Многие фирменные обозначения, появившись в технической литературе, быстро становятся общепризнанными техническими терминами. Например, фирменное

обозначение для прозрачной пластмассы *plexiglass* – *плексиглас* (*органическое стекло*) в настоящее время распространено повсеместно.

Фирменные наименования изделий, особенно различных материалов и сплавов, чаще всего образуются путем сокращения, иногда с использованием названия фирмы или имени изобретателя:

alnico – *альнико* (*магнитный сплав алюминия, никеля, кобальта*)

Очень часто фирмы, а иногда и отдельные лица создают новые слова из чисто рекламных соображений. Такие неологизмы не являются общепринятыми, но некоторые из них впоследствии закрепляются в языке:

cellophane – *целлофан*

linoleum – *линолеум*

escalator – *эскалатор*

К распространенным способам создания фирменных неологизмов в английском техническом языке относится также способ образования неологизмов путем стяжения:

quink (*quick drying ink*) – *быстро сохнущие чернила*

За последнее время в фирменных неологизмах появились и стали широко применяться разделительные буквы *a* или *o*:

perm-a-lift – *беспрерывно действующий лифт*

expand-o-sock – *эластичный носок*

Другим способом образования фирменных неологизмов является замена буквы *c* на *k* в целях броскости и оригинальности:

kake kover = *cake cover*

bread kabinet = *bread cabinet*

Нередко для создания фирменных неологизмов сознательно искажают орфографию слова:

cheez rollz = cheese rolls

Иногда новое слово создается по созвучию с фамилией владельца фирмы:

Energetic Shoes = Enna Jettic Shoes

ГЛАВА

8

ПЕРЕВОД СОКРАЩЕНИЙ

Естественный процесс развития терминов связан с практической необходимостью дальнейшей модификации или уточнения их значений с помощью добавления новых левых, а иногда и правых (предложных) определений. В результате появляется большое количество громоздких и неудобочитаемых терминологических групп, имеющих тенденцию превращаться в сокращения. Под **сокращением** обычно понимают некоторую единицу письменной речи, созданную из отдельных элементов более сложной исходной формы, с которой эта единица находится в лексико-семантической связи. По определению сокращение является более широким понятием, чем акроним или аббревиатура.

Акронимами называются сокращения, фонетическая структура которых совпадает с фонетической структурой общеупотребительных слов.

*ALGOL – **A**lgorithmic **L**anguage*

*FORTTRAN – **F**ormula **T**ranslation*

Из приведенных примеров следует, что для образования акронимов используются части слов, входящих в состав исходных терминологических групп или коррелятов. В отличие от акронимов, для образования **аббревиатур** используются только первые буквы слов, входящих в состав исходных терминологических групп:

*FOB – **f**ree **o**n **b**oard*

*ASAP – **a**s **s**oon **a**s **p**ossible*

В современном языке делового общения процесс образования новых акронимов и аббревиатур значительно опережает все другие направления терминообразовательных процессов.

Процесс перевода отсутствующего в словарях и справочниках сокращения выполняется в два этапа, первым из которых является дешифровка сокращения, т.е. выявление исходной англоязычной формы или коррелята.

Вторым этапом является передача коррелята средствами русского языка, т.е. поиск эквивалентной русской формы, которая наиболее точно передает выявленное содержание.

Дешифровка отсутствующего в словарях сокращения является трудоемким этапом перевода и может быть успешно выполнена переводчиком, хорошо представляющим возможную структуру исходной терминологической группы и знакомый с данной областью знаний. Обычно работа по дешифровке выполняется по следующей схеме:

- 1) Просмотр микроконтекста (в рамках предложения или параграфа) и макроконтекста (в рамках раздела или всего предшествующего текста статьи) с целью определения примерной области сокращения (области знаний) и поиска коррелята, возможно пропущенного при первом чтении.

- 2) Поиск коррелята и перевода сокращения в разделах сокращений соответствующих специальных словарей и словарях сокращений.

- 3) Поиск коррелята сокращения в соответствующих англо-английских специальных словарях, справочниках и словарях сокращений.

- 4) Повторение п.п. 2 и 3 для сокращения, начинающегося со второй, а затем и с третьей буквы исходного сокращения (первая буква, а затем вторая, третья отбрасываются). Подобный метод "дешифровки по частям" часто приводит к желаемому результату, поскольку крайние левые буквы сокращения соответствуют последним уточняющим левым определениям исходной терминологической группы, которые могли отсутствовать ко времени публикации словаря.

- 5) Просмотр тематически близких текстов.

- 6) Реконструкция исходной группы. Реконструкция исходной терминологической группы сопряжена с большими затратами времени, требует высокой квалификации переводчика и не всегда приводит к достаточно надежным результатам. По этим причинам к реконструкции следует прибегать только в тех случаях, когда имеется уверенность в том, что изложенные выше процедуры к цели

не приводят. Для проведения реконструкции из текста выписываются все предложения, в которых содержится реконструируемое сокращение, а из словаря сокращений – наиболее соответствующее микроконтексту корреляты для каждой буквы сокращения. Реконструкция производится справа налево и начинается с анализа и отбора возможных коррелятов для крайне правой буквы сокращения, соответствующей базовому слову. В пределах микроконтекста данный термин должен обладать наиболее общим широким значением. Так, например, если последней буквой сокращения является *S*, а микроконтекстом является бортовое оборудование летательного аппарата, то можно предположить, что буква *S* соответствует слову *System*. Каждое последующее левое определение по своему значению должно быть более узким, более специальным, чем предыдущее. На каждом этапе реконструкции проверка правильности выбора коррелята сводится к подстановке реконструированной части терминологической группы во все выписанные предложения. После подстановки каждое из этих предложений должно иметь смысл и хорошо вписываться в контекст.

Вторым этапом перевода отсутствующего в словарях сокращения является передача выявленного коррелята средствами русского языка. Эта задача может быть решена следующими способами:

1) **Передача английского сокращения эквивалентным русским сокращением**, например:

CAD (Computer-Aided Design) – САПР (система автоматизированного проектирования)

При поиске эквивалентного русского сокращения переводчик находит русский опорный источник, максимально близкий по своему содержанию к микроконтексту сокращения, и с помощью предметного указателя, введения или даже соответствующих разделов опорного источника устанавливает наличие (или отсутствие) эквивалентного русского сокращения. В случае отсутствия русского эквивалента переводчик передает содержание коррелята с помощью одного из излагаемых ниже способов.

2) **Заемствование английского сокращения:**

Этот способ применяется для передачи буквенно-цифровых сокращений, входящих в состав различных систем обозначений или индексации, перечней парков комплектующих изделий, спецификаций и т.п. Так, например, методом прямого заимствования на русский язык могут передаваться марки летательных аппаратов (*B737-200*).

3) **Передача английского сокращения методом транслитерации:**

FOB (Free on Board) – ФОБ

Без кавычек и прописными буквами пишутся многие ассимилированные термины, в свое время заимствованные из английского языка методом транслитерации (такие, как *лазер, радар* и т.д.). Передача английского сокращения методом транслитерации не применяется в том случае, когда русский вариант сокращения ассоциируется с каким-либо русским значащим словом, например:

COMAR (Computer for Aerial Reconnaissance) – компьютер распознавания образов, работающий в системе обработки результатов аэрофоторазведки

4) **Передача английского сокращения методом транскрипции:**

EAGLE (Elevation Angle Guidance Landing Equipment) – глиссадный посадочный радиомаяк "Игл" с управлением по углу места

Очевидно, что в данном случае передается не буквенный состав английского сокращения, а его произношение, совпадающее по звучанию по звучанию со значащим словом *eagle*.

5) **Описательный перевод английского сокращения:**

Этот способ передачи английского сокращения обычно сводится к переводу коррелята сокращения с учетом его микроконтекста. Способ используется в тех случаях, когда применение описанных выше методов оказывается затруднительным или невозможным, что часто имеет место при передаче отсутствующих в словарях сокращений. Описательный перевод должен полностью выявлять техническую сущность коррелята, например:

WIDE (Wide-angle Infinity Display Equipment) – предназначенная для наземных тренажеров широкоугольная система предъявления поступающей от ЭВМ визуальной информации о воздушной обстановке

б) **Создание нового русского сокращения:**

Данный способ может быть рекомендован только в тех случаях, когда переводчик работает в тесном контакте со специалистами отрасли. Новое сокращение вводится только в тех случаях, когда имеются достаточно обоснованные причины для отказа от изложенных выше способов передачи, и оно должно быть одобрено специалистами.

ГЛАВА

9

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Стремление к максимальной смысловой и структурной близости перевода к оригиналу приводит к тому, что эквивалентными оказываются не только тексты, объединяемые в процессе перевода, но и отдельные высказывания в этих текстах, и не только соотнесенные высказывания, но и составляющие их единицы ИЯ и ПЯ. Использование определенной единицы ПЯ для перевода данной единицы ИЯ не является случайным. Обе единицы обладают относительно стабильным значением, и то, что одна из них может заменить другую в процессе перевода, свидетельствует о значительной общности их значений. Подобная общность и создает предпосылки для установления между ними отношений переводческой эквивалентности, т.е. для регулярного использования одной из них в качестве перевода другой. Единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ, называется **переводческим соответствием**.

Частные теории перевода изучают системы переводческих соответствий в разных языках по отношению к единицам данного языка или системы переводческих соответствий в данном языке по отношению к другим языкам. Поскольку речь идет о соотношении между единицами языков, для каждой пары языков существует свой набор соответствий и, следовательно, своя частная теория перевода. Единицы одного языка, имеющие в качестве переводческих соответствий некоторые единицы другого языка, не всегда будут, в свою очередь, соответствиями этих последних, если данный язык будет использован как ПЯ, т.е. перевод будет осуществлен в обратную сторону. Иными словами,

переводческие соответствия не полностью обратимы, и в пределах каждой частной теории перевода отдельно изучаются отношения языковых единиц при переводе на каждый из двух языков.

Переводческие соответствия выступают в качестве коммуникативно равноценных единицам ИЯ, поэтому близость значений единиц ИЯ и ПЯ является лишь предпосылкой для возникновения переводческого соответствия, но недостаточным условием этого. Отношения эквивалентности устанавливаются при переводе не между изолированными языковыми единицами, а между единицами ИЯ и ПЯ, выступающими в составе речевых высказываний. Их способность быть коммуникативно равноценными определяется не только тем значением, которым они обладают в системе своего языка, но и особенностями их употребления в речи. Поэтому переводческие соответствия нельзя обнаружить, пытаясь сопоставлять единицы, занимающие аналогичное место в системах двух языков, участвующих в процессе перевода, а необходимо извлекать из коммуникативно равноценных высказываний, объединяемых при переводе. Это и достигается при сопоставительном анализе переводов, в ходе которого в большом числе оригиналов и их переводов обнаруживаются единицы ИЯ и ПЯ, приравниваемые друг к другу в процессе перевода.

В практических целях в рамках частной теории перевода особенно подробно рассматриваются вопросы перевода таких единиц словарного состава и грамматического строя ИЯ, выбор соответствий для которых связан с особыми трудностями. Так, при сопоставлении текстов англо-русских переводов с их оригиналами обнаруживается значительный параллелизм в употреблении таких частей речи, как числительные и прилагательные, и поэтому способы их передачи в переводе детально не описываются. Напротив, весьма подробно рассматриваются русские соответствия различным категориям английского глагола и глагольным словосочетаниям (синтаксическим комплексам). Из неличных форм английского глагола главное внимание уделяется инфинитиву (особенно перфектному), а при описании способов перевода инфинитива подробно анализируется его употребление в функции определения, связанное со значительными переводческими трудностями. Другими словами, происходит выделение переводчески релевантных явлений в системе языка оригинала. Это выделение производится, исходя из характера соответствий в ПЯ, применяемых при переводе выделяемых единиц. Отсюда следует, что совокупность переводчески релевантных явлений в любом исходном языке будет каждый раз иной при изменении ПЯ, в отношении

которого эти явления выделяются. Для каждой пары языков существует свой набор переводческих трудностей.

В качестве исходного пункта анализа берутся, как правило, единицы ИЯ, для которых отыскиваются соответствия в ПЯ. В принципе такие соответствия можно обнаружить для единиц ИЯ на любом уровне языковой системы: от фонемы до предложения.

Соответствия на уровне фонем: *lady* – леди; *speaker* – спикер; *Churchill* – Черчилль; *Liverpool* – Ливерпуль и т.д. В русских соответствиях каждой фонеме английского слова обнаруживается близкая по артикуляции и звучанию фонема русского языка.

Соответствия на уровне морфем: *tables* – столы; *back-bencher* – задне-скамеечник; *strictness* – строгость и т.д. В русских переводах каждой морфеме английского слова соответствует определенная морфема русского слова. Соответствовать друг другу могут как корневые морфемы, так и аффиксальные, в том числе и словоизменятельные суффиксы (окончания).

Соответствия на уровне слов: *he came home* – он пришел домой; *I looked at her* – я посмотрел на нее; *my brother lives in Moscow* – мой брат живет в Москве. Здесь каждому слову английского предложения можно найти соответствующее слово в русском переводе. Пословный перевод подобного рода применяется и при переводе предложений более сложной структуры:

The Industrial Revolution brought into being the industrial

Proletarian revolution which was the condition for the appearance of the

proletariat and with it the fight for civil and political

proletariat and together with it the struggle for civil and political

rights, trade-unions and the right to vote.

права, тред-юнионы и право голоса.

При пословном переводе не предполагается абсолютного соответствия всем элементам оригинала, поскольку в русском переводе, как правило, нет прямых эквивалентов английским артиклям и некоторым служебным и вспомогательным словам.

Чаще всего пословные соответствия обнаруживаются лишь для некоторых слов оригинала, а остальные соответствия устанавливаются на иных уровнях.

Соответствия на уровне словосочетаний: *to take part* – *принимать участие*; *to spill the beans* – *выдать секрет*; *to come to the wrong shop* – *обращаться не по адресу*. В этих случаях словосочетания в оригинале и переводе эквивалентны в целом, а в их составе нет слов, выступающих в качестве соответствий друг к другу.

Соответствия на уровне предложений: *Keep off the grass* – *По газонам не ходить*; *There's a good boy!* – *Вот умница!*; *Will you leave a message?* – *Что ему передать?* В эквивалентных предложениях в оригинале и переводе нет слов или словосочетаний, которые можно было бы соотнести друг с другом. При этом русские предложения регулярно используются для передачи значений соответствующих английских предложений и несомненно являются их полноценными соответствиями.

Основное внимание при описании системы переводческих соответствий уделяется соответствиям лексических, фразеологических и грамматических единиц ИЯ, обладающих стабильным значением, которое реализуется в большом числе высказываний. Как правило, в качестве соответствия выступает единица ПЯ того же уровня. Однако речевые высказывания строятся на основе взаимодействия единиц разного уровня, и в процессе перевода не предопределяется заранее, средствами какого уровня будет передаваться в переводе данная единица оригинала. Поэтому принципиально возможны и фактически нередки случаи межуровневых переводческих соответствий.

Так, ударение на обычно безударном вспомогательном глаголе в английском предложении *but he will meet her* передается в переводе с помощью лексических единиц: *Но он ведь обязательно встретится с ней* (фонетико-лексическое соответствие). Подобным образом могут создаваться лексико-грамматические (*Give me some bread.* – *Дай мне хлеба.*) и грамматико-лексические соответствия (*The delegation had been received by the prime-minister.* – *До этого делегация была принята премьер-министром.*).

В пределах одного уровня в качестве соответствий могут выступать как единицы, занимающие в системе ПЯ место, аналогичное замещаемым единицам оригинала, так и иные единицы этого уровня. В словарном составе английского и русского языков имеются слова как с более общим значением (*to go, to leave, to be, to have, to come* – *двигаться, оставлять, быть, иметь, прибывать* и т.п.), так и с более конкретным значением (*to fly, to slip away, to stand, to possess, to burst in* – *летать, удрать, стоять, обладать,*

ворваться). Однако, если рассматривать эти же слова с точки зрения их употребления в речи, то окажется, что слова с общим значением гораздо более употребительны в английском языке, чем в русском. Отсюда и при сопоставлении переводов английскому *to be* будет соответствовать не только русское *быть*, но и *стоять, находиться, жить* и пр., английскому *to go* – *идти, ехать, летать, умирать* и пр. Это явление можно наблюдать при сопоставлении переводов и в отношении иных частей речи.

My feelings then would have been even stronger had I known that Karl Stock was to be burnt in the incinerators of Majdanek. – Мое тогдашнее возмущение было бы еще большим, если бы я знал, что Карлу Стоку суждено погибнуть в печах Майданека. (Ср. feelings – возмущение.)

Регулярные соответствия классифицируются по характеру отношения к переводимой единице ИЯ и по принадлежности исходной единицы и ее соответствия к определенному уровню ИЯ. По первому признаку соответствия делятся на единичные (постоянные) соответствия и множественные (вариантные) соответствия. По второму признаку – на лексические, фразеологические и грамматические. Как было уже указано, в необходимых случаях описываются также и межуровневые соответствия. Фонемные и морфемные соответствия рассматриваются в составе единиц более высокого уровня. Соответствия на уровне предложения либо включаются во фразеологические, либо рассматриваются как речевые штампы и задаются списком.

Единичное соответствие – это наиболее устойчивый постоянный способ перевода данной единицы ИЯ, используемый во всех (или почти во всех) случаях ее появления в оригинале и в этом смысле относительно независимый от контекста. Являясь постоянным эквивалентом переводимой единицы, единичное соответствие наиболее полно воспроизводит ее значение. Единичные соответствия имеются, главным образом, у терминов, собственных имен, географических названий, а также у некоторых обиходных слов и словосочетаний:

oxygen – кислород

Cleveland – Кливленд

doctrinarianism – доктринерство

contrabandist – контрабандист

dog-collar – ошейник

Единичное соответствие может быть у всего слова в целом или у слова в одном из его значений (*Senator* – всегда *сенатор*, а *barrel* – всегда *ствол* только в значении "часть огнестрельного оружия").

Множественное соответствие – это несколько регулярных способов перевода данной единицы ИЯ, выбор между которыми определяется условиями контекста. В этих случаях каждое из вариантных соответствий лишь частично передает значение исходной единицы, аналогичной ей по значению:

attitude – отношение, позиция, политика

actual – действительный, подлинный, текущий, современный

Вариантные соответствия могут иметь как однозначные слова, так и различные значения многозначного слова:

trade-union – профсоюз, трейд-юнион

Labour Party – рабочая партия, лейбористская партия

sincerity – искренность, чистосердечие, прямота, честность

chamber – 1. комната, горница, апартаменты, покои; 2. зал, палата, конференц-зал; 3. контора, камера, кабинет

Нередко вариантные соответствия образуются синонимами или паронимами в ПЯ:

importance – важность, значение, значимость

slander – клевета, поклеп, навет

writing – пишущий, письменный, писчий, писчебумажный

flying – летающий, летательный, летный, летучий

Деление соответствий на постоянные и вариантные применимо, главным образом, к лексическим и фразеологическим соответствиям. Иной характер носят соответствия грамматическим единицам оригинала. Грамматические значения имеют обобщенный

характер и информация, которую они содержат, конкретизируется и тесно взаимодействует со значениями лексических единиц, получающих соответствующее грамматическое оформление. Выбор грамматической формы в переводе нередко определяется не грамматическими единицами оригинала, а организацией передаваемой информации в высказывании в целом. Поэтому для грамматических единиц ИЯ не обнаруживаются единичных соответствий, которые постоянно или хотя бы в большинстве случаев использовались в переводе, когда в оригинале появляется данная единица. Множественные соответствия грамматическим единицам ИЯ также отличаются от лексических вариантных соответствий. Среди них следует различать однотипные (одноименные) и разнотипные соответствия. Однотипные соответствия одинаково определяются в ИЯ и ПЯ, имеют аналогичное название и обладают аналогичным грамматическим значением в обоих языках. При использовании однотипного соответствия значение данной грамматической единицы оригинала передается в переводе с наибольшей полнотой. Такого рода соответствия обнаруживаются, главным образом, в языках, где, в основном, совпадают принципы выделения грамматических категорий. Таковы английское и русское существительное, английская и русская категория числа и т.д. Разнотипное соответствие не совпадает с исходной по определению и названию (например, английское наречие и русский предложный оборот в функции обстоятельства).

Синонимичные грамматические единицы в ИЯ и ПЯ образуют отношения взаимной эквивалентности, когда у данной единицы ИЯ одинаково часто обнаруживаются как однотипные, так и разнотипные соответствия. Например, определительные причастные обороты и придаточные определительные предложения в английском и русском языках образуют единую группу соответствий, в которой каждый русский компонент служит соответствием любому английскому компоненту. Иначе говоря, при переводе, скажем, английского причастного оборота в функции определения столь же часто используется придаточное определительное предложение, как и аналогичный русский причастный оборот. Рассмотрим следующее английское предложение:

He was guest of honour at a reception given by Soviet youth for delegates to the world youth forum, which opened here last Wednesday.

В этом предложении имеется как причастный оборот, так и придаточное определительное предложение. Для каждого из них в качестве соответствия может быть использовано либо причастие, либо придаточное предложение в русском переводе. *Given*

может быть переведено как *устроенный* или как *который был устроен*, а *which opened* – как *открывшегося* или как *который открылся*:

Он был почетным гостем на приеме, устроенном (который был устроен) советской молодежью для делегатов Всемирного форума молодежи, который открылся (открывшегося) в Москве в прошлую среду.

В приведенном примере каждая из двух структур английского языка имеет в русском языке как однотипное, так и разнотипное соответствие, которые практически являются взаимозаменяемыми, если отвлечься от некоторых стилистических тонкостей. Подобная взаимозаменяемость будет отсутствовать, если множественность соответствий определяется многофункциональностью грамматической единицы ИЯ. Так обстоит дело, например, с английским причастием, которое при употреблении его в функции определения соответствует русскому причастию, а при употреблении в обстоятельственных функциях – русскому деепричастию.

Описание соответствий в рамках частной теории перевода не предполагает механической подстановки соответствия вместо переводимой единицы оригинала. Понятие соответствия тесно связано с понятием лингвистического и ситуативного контекста, который определяет выбор того или иного соответствия при переводе или отказ от использования известных соответствий и необходимость поиска иных способов перевода. Под лингвистическим контекстом понимается языковое окружение, в котором употребляется та или иная единица языка в тексте. **Контекстом слова** является совокупность слов, грамматических форм и конструкций, в окружении которых использовано данное слово. Различается узкий контекст (микрконтекст) и широкий контекст (макрконтекст). Под **узким контекстом** имеется в виду контекст словосочетания или предложения, т.е. языковые единицы, составляющие окружение данной единицы в пределах предложения. Под **широким контекстом** имеется в виду языковое окружение данной единицы, выходящее за рамки предложения; это – текстовый контекст, т.е. совокупность языковых единиц в смежных предложениях. Точные рамки широкого контекста указать нельзя – это может быть контекст группы предложений, абзаца, главы или даже всего произведения (например, рассказа или романа) в целом. Узкий контекст, в свою очередь, можно разделить на контекст синтаксический и лексический. **Синтаксический контекст** – это та синтаксическая конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или придаточное предложение.

Лексический контекст – это совокупность лексических единиц, слов и устойчивых словосочетаний, в окружении которых используется данная единица.

Ситуативный (экстралингвистический) контекст включает обстановку, время и место, к которому относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает Рецептору (и переводчику) правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании.

Использование переводческих соответствий всегда предполагает учет контекста, в котором употреблены переводимые единицы оригинала. Соответствия – это единицы ПЯ, близкие по значению единицам ИЯ, и поэтому прежде всего необходимо установить, в каком значении выступает в оригинале данная единица. Большинство языковых единиц многозначно, но в контексте они, как правило, выступают в каком-то одном из потенциально возможных своих значений. Сопоставление потенциальных значений совместно употребленных языковых единиц позволяет определить то значение, в котором каждая из них используется в данном высказывании. Обычно это оказывается возможным уже в пределах узкого контекста. Рассмотрим следующее английское предложение:

The striking unions have won concessions despite bitter opposition of the employers.

Все однозначные слова в этом предложении, взятые вне контекста, имеют по несколько значений. Глагол *to strike* может означать *бить, ударять, найти, натолкнуться, поражать, сражать, пускать корни, бастовать*. Существительное *union* может иметь значение *союз, объединение, соединение, профсоюз, рабочий дом, брачный союз*. Глагол *to win* – *выиграть, победить, добиться, получить, добывать, убедить*. Существительное *concession* – *уступка, концессия*. Прилагательное *bitter* – *горький, мучительный, резкий, ожесточенный*. Существительное *opposition* – *контраст, противоположность, сопротивление, оппозиция*. И, наконец, существительное *employer* – *предприниматель, работодатель, наниматель*.

Сопоставляя эти значения друг с другом в контексте нашего высказывания, можно легко убедиться в том, что они совместимы лишь в случае, если первое слово взято в значении *бастовать*, второе – в значении *профсоюз*, третье – *добиться*, четвертое – *уступка*, пятое – *ожесточенный* и, наконец, шестое – *сопротивление*. Слово *employer* – *предприниматель* сразу определило, о какой сфере жизни идет речь в данном случае, и

для определения значений остальных слов достаточно было соответствующих словосочетаний: *striking unions; win concessions; bitter opposition*.

Уяснение значения слова в контексте дает возможность отыскать ему в ПЯ постоянное соответствие или ряд вариантных соответствий, из которых нужно будет сделать выбор при переводе. И для этого выбора вновь понадобится обращаться к лингвистическому и ситуативному контексту. Вот несколько примеров с уже знакомым нам существительным *attitude*:

1) *I don't like your attitude to your work.*

2) *There is no sign of any change in the attitudes of the two sides.*

3) *He stood there in a threatening attitude.*

4) *He is known for his reactionary attitude.*

Здесь узкого контекста достаточно, чтобы в первом случае выбрать русское *отношение (к работе)*, во втором – *позиции (обеих сторон)*, в третьем – *позу (угрожающую)* и в четвертом – *взгляды (реакционные)*.

Иногда, однако, для выбора одного из возможных соответствий приходится прибегать и к широкому контексту. Английскому *chair* в русском языке соответствуют как *стул*, так и *кресло*. И когда в повести Дж. Сэлинджера "Над пропастью во ржи" переводчик находит такое предложение: *Then I got this book I was reading and sat down in my chair*, он не имеет в самом предложении достаточных указаний для выбора одного из соответствий. Но дальше в том же абзаце говорится об этих же предметах мебели: *The arms were in sad shape, because everybody was sitting on them*. Указание на *ручки* позволяет с уверенностью выбрать вариант *кресло*.

И при выборе варианта перевода нередко приходится обращаться к знаниям реальной действительности. Если кого-либо в тексте называют *abolitionist*, то выбор соответствия будет зависеть от времени, к которому относятся описываемые в тексте события. Если это период борьбы за освобождение американских негров, то, следовательно, данное лицо будет названо по-русски *аболиционистом*, т.е. сторонником отмены рабства в США. Если дело происходит в период существования в США "сухого закона", то речь идет о стороннике отмены этого закона, а в семидесятые годы и особенно в Англии – это скорее всего сторонник отмены смертной казни. Для правильного выбора

варианта перевода необходимо знать о соответствующих политических движениях, как и о том, что по-русски слово *аболиционист* имеет лишь одно значение, связанное с борьбой против рабства.

Перевод при помощи выбора одного из нескольких частичных соответствий является весьма распространенным способом перевода. Мастерство переводчика в значительной степени заключается в умении отыскать ряд соответствий единице оригинала и выбрать из этого ряда вариант, наиболее подходящий по условиям контекста. Однако существование у единицы ИЯ одного или нескольких переводческих соответствий не означает обязательного появления таких соответствий в любом переводе, если в оригинале использована данная единица. В ряде случаев условия употребления языковой единицы в контексте вынуждают переводчика отказаться от использования регулярного соответствия и найти вариант перевода, наиболее точно передающий значение единицы ИЯ в данном контексте. Нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста, называется **оказиональным соответствием** или **контекстуальной заменой**.

Условия контекста могут побудить переводчика отказаться в переводе даже от применения единичного соответствия. Так, географические названия имеют постоянные соответствия, которые, как правило, создаются имитацией в переводе звучания иноязычного названия. Название американского города *New Haven* в штате Коннектикут регулярно передается на русский язык как *Нью-Хейвен*. Но в переводе романа Фицджеральда "Великий Гэтсби" переводчица Е. Калашникова отказалась от использования постоянного соответствия и перевела предложение *I graduated from New Haven in 1915*, как *Я окончил Йельский университет в 1915 году*. Контекст ясно показывает, что название города употреблено в оригинале в переносном смысле вместо учебного заведения, находящегося в этом городе. А знание реальности подсказало переводчику, что в Нью-Хейвене расположен широко известный в США Йельский университет. Поскольку этот факт может быть неизвестен русскому Рецептору, использование постоянного соответствия не обеспечит коммуникативной равноценности перевода. (Сравните возможность сохранения подобного переноса значения в предложении *Я окончил Оксфорд в 1915 году*, поскольку название этого английского городка прочно ассоциируется с Оксфордским университетом.)

Еще чаще контекст заставляет переводчика отказываться от выбора одного из вариантных соответствий. Рассмотрим несколько примеров:

1) *He has a friendly attitude towards all.*

Мы уже видели, что у английского *attitude* есть ряд русских соответствий: *отношение, позиция, поза, взгляд*. Но ни один из них не дает приемлемого русского высказывания, в то время как в качестве окказионального соответствия легко использовать соответствующий русский глагол: *Он ко всем относится по-дружески*.

2) *History has dealt with Hitler; history will deal with all would-be Hitlers.*

Для значения, в котором глагол *to deal* употреблен в этом предложении, словарь (БАРС) предлагает четыре соответствия: *обходиться, обращаться, поступать, вести себя*. Естественно, история не просто обошлась с Гитлером, а обошлась с ним по заслугам, сурово. Необходимыми заменами могут быть слова: *расправилась, разделалась, покончила*. Сопоставив их, останавливаем свой выбор на последнем.

Англичанин, посетивший Советский Союз, пишет о том, какое впечатление произвело на него оживленное движение на улицах Москвы, и далее добавляет: *which for a stranger is the most visible sign of a city's vitality*. Для перевода слова *stranger* словарь предлагает три соответствия с близким значением: *чужестранец, незнакомец, посторонний человек*. Сопоставление этих слов со значением английского слова *stranger* в данном контексте побуждает отказаться от использования обычных соответствий. Оживленное движение является признаком преуспевающего города не только для *чужестранца*, да и стилистически это слово мало уместно в подобном тексте. Вариант *незнакомец* сразу приходится отклонить, так как он относится к человеку, который кому-либо незнаком, а здесь речь идет о человеке, которому незнаком город, а сам он может быть всем хорошо известен. Третий вариант *посторонний человек* слишком сильно подчеркивает чуждость, незаинтересованность человека, о котором идет речь, во всем происходящем. В контексте явно речь идет о человеке, впервые знакомящимся с городом. В качестве окказионального соответствия можно использовать слово *приезжий*. *Приезжий* является прямым соответствием английскому *stranger*, но в данном случае это слово обеспечивает передачу именно того смысла, который *stranger* имеет в конкретном высказывании. Контекстуальная замена будет применена и при передаче значения слова *vitality* в этом контексте. Словарь предлагает ряд соответствий: *жизнеспособность, живучесть, энергия, живость*. Но в данном случае значения этих русских слов вряд ли соответствуют значению английского *vitality*. *Жизнеспособность* и *живучесть* говорят о способности выжить в борьбе, остаться в живых, но не об этом идет речь в тексте. Слова

энергия, живость непосредственно неприменимы к городу. *City's vitality* – это скорее свидетельство того, что жизнь в городе бьет ключом, что он полон жизни, энергии. Еще одной возможной контекстуальной заменой может быть сочетание *полнокровная жизнь*: ... что для приезжего служит явным признаком полнокровной жизни города.

Особенно часто окказиональные соответствия используются в стилистических целях, для воссоздания художественного эффекта оригинала. Глагол *to hide* несомненно имеет ряд русских соответствий *прятать, скрывать, таить* и прочие и никак не означает *тонуть*. Но в следующем примере именно *тонуть* оказался подходящей контекстуальной заменой:

*The mountain tops were hidden in a grey waste of sky. – Вершины гор
тонули в сером небе.*

Глагол *тонули* хорошо передает здесь и беспредельность небесного свода (*waste of sky*).

Таким образом, отдельные соответствия используются в переводе с большей или меньшей регулярностью, и знание таких соответствий помогает переводчику решить, следует ли их применить в данном конкретном случае или более целесообразно прибегнуть к контекстуальной замене.

Сопоставительный анализ переводов обнаруживает, наряду с языковыми единицами ИЯ, имеющими единичные или множественные соответствия в ПЯ, и такие лексические и грамматические единицы, для которых в ПЯ нет прямых соответствий. Единицы ИЯ, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода, называются **безэквивалентными**.

Безэквивалентная лексика обнаруживается, главным образом, среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, и среди малоизвестных имен и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода. Таковы английские слова *conservatrolist, baby-sitter, backlog, etc.*

Безэквивалентными грамматическими единицами могут быть как отдельные морфологические формы (герундий) и части речи (артикль), так и синтаксические структуры (абсолютные конструкции). Как и соответствия, безэквивалентные единицы

выявляются только по отношению к одному из пары анализируемых языков. Единица ИЯ, безэквивалентная по отношению к данному ПЯ, может иметь регулярные соответствия в других языках.

Наличие безэквивалентных единиц не означает, что их значение не может быть передано в переводе или что они переводятся с меньшей точностью, чем единицы, имеющие прямые соответствия. Мы уже видели, что соответствия могут лишь частично совпадать по значению с переводимой единицей и что нередко при переводе используются контекстуальные замены даже при наличии регулярных соответствий. Аналогичным образом, при переводе безэквивалентной единицы переводчик тем или иным способом создает окказиональное соответствие. В области перевода безэквивалентной лексики применяются следующие типы окказиональных соответствий:

1) **Соответствия-заимствования, воспроизводящие в ПЯ форму иноязычного слова:** *tribalism* – *трайбализм*; *know-how* – *ноу-хау*; *impeachment* – *импичмент*. Такие соответствия создаются с помощью переводческого транскрибирования или транслитерации. Во многих случаях окказиональные соответствия, созданные подобным образом, могут закрепиться в ПЯ и регулярно использоваться при переводе соответствующих слов. Таковы, например, русские соответствия английским словам *Wall Street* – *Уолл-стрит*; *beatnik* – *битник*; *pop-art* – *поп-арт*; *striptease* – *стриптиз* и многие другие.

2) **Соответствия-кальки, воспроизводящие морфемный состав слова или составные части устойчивого словосочетания в ИЯ:** *backbencher* – *заднескамеечник*; *brain drain* – *утечка мозгов*; *work-to-rule* – *работа (строга) по правилам*; *people of good will* – *люди доброй воли*. И в данном случае различие между окказиональными и регулярными соответствиями часто оказывается временным. Многие соответствия, созданные путем калькирования, широко распространяются в переводческой практике, а затем начинают использоваться и в непереводных материалах на ПЯ. В результате соответствующие единицы ИЯ выходят из разряда безэквивалентных, приобретая постоянные соответствия.

3) **Соответствия-аналоги, создаваемые путем подыскания ближайшей по значению единицы ПЯ для безэквивалентной единицы ИЯ:** *drugstore* – *аптека*; *witchhunter* – *мракобес*; *afternoon* – *вечер*. Как и во многих других случаях применения окказиональных соответствий, близость значений эквивалентных

единиц в оригинале и переводе здесь далеко не полная, и подобный перевод применим лишь в определенном контексте. *Аптека* – это не вполне то же самое, что *drugstore*; в русских аптеках продаются только лекарства и средства гигиены, а в американских "драгсторах" продаются также предметы первой необходимости, газеты, журналы, безалкогольные напитки, кофе, мороженое, закуски и пр. Поэтому для перевода предложения *Food is awful in drugstores* вариант *аптека* окажется неприменим. *Witchhunter* – это не просто *мракобес*, а американский реакционер, организатор преследований прогрессивных лиц, *охотник за ведьмами*. Для общей характеристики людей подобного типа *мракобес* оказывается достаточным соответствием, в других случаях будет использован описательный перевод или калька. *Afternoon*, конечно, не *вечер*, ведь существует еще *evening*, это – вторая половина дня после полудня, но если участники конференции проводят в день два заседания – *morning session* и *afternoon session*, то по-русски они будут называться *дневным* и *вечерним*.

4) **Соответствия-лексические замены, создаваемые при передаче значения безэквивалентного слова в контексте с помощью одного из видов переводческих трансформаций, которые лингвистическая теория использует при описании процесса перевода.** При этом окказиональное соответствие создается путем семантических преобразований значения безэквивалентного слова. Так, при переводе в различных случаях на русский язык английского *exposure*, не имеющего прямого соответствия, например, в предложении *He died of exposure*, в зависимости от широкого контекста могут быть использованы трансформации конкретизации или модуляции (смыслового развития): *Он умер от простуды; Он погиб от солнечного удара; Он замерз в снегах* и т.д.

5) В случае невозможности создать соответствие указанными выше способами для перевода безэквивалентного слова используется **описание, раскрывающее значение безэквивалентного слова при помощи развернутого словосочетания**: *landslide* – *победа на выборах подавляющим большинством голосов*; *coroner* – *следователь, проводящий дознание в случае насильственной или скоростижной смерти*. Нередко использование транскрипции или кальки для перевода безэквивалентного слова сопровождается описанием значения этого слова в специальном примечании или сноске. Это дает возможность сочетать краткость и экономность средств выражения, свойственные транскрибированию и калькированию, с обеспечением полного понимания окказионального соответствия

Рецептором перевода. Разъяснив однажды значение переводимой единицы, переводчик может в дальнейшем использовать транскрипцию или кальку уже без объяснений.

Таким образом, значения безэквивалентных слов в конкретных контекстах передаются с помощью указанных способов столь же успешно, как и значения слов, имеющие постоянные или варианты соответствия.

Не вызывает особых трудностей при переводе и существование в ИЯ безэквивалентных грамматических единиц. Как уже было указано, выбор грамматической формы при переводе зависит не только и не столько от грамматической формы оригинала, сколько от ее лексического наполнения, т.е. от характера и значения лексических единиц, получающих в высказывании определенное грамматическое оформление. Различия в таком оформлении, как правило, не являются препятствием для установления отношений эквивалентности между высказываниями в оригинале и в переводе. Отсутствие в ПЯ однотипного соответствия для той или иной формы ИЯ означает лишь невозможность использовать в переводе аналогичную форму или пословный перевод. Здесь можно отметить три основных случая:

1) **Нулевой перевод**, т.е. отказ от передачи значения грамматической единицы вследствие его избыточности. Грамматическое значение нередко дублируется в высказывании с помощью иных лексических или грамматических средств. В таких случаях безэквивалентная единица получает в переводе "нулевое соответствие", т.е. попросту говоря, опускается:

Give me the book that you bought yesterday. – Дай мне книгу, которую ты купил вчера.

By that time he had already left the country. – К этому времени он уже уехал из Англии.

В первом из этих предложений значение определенного артикля дублируется смыслом придаточного предложения, во втором – значение предшествования, выраженное формой Past Perfect, избыточно из-за наличия в высказывании лексических указателей предшествования *к этому времени* и *уже*.

2) **Приближенный перевод** заключается в использовании в переводе грамматической единицы ПЯ, которая в данном контексте частично соответствует безэквивалентной грамматической единице ИЯ. Так, абсолютная конструкция в современном английском языке не имеет русского соответствия, если ее рассматривать как единицу грамматического строя. Она имеет комплексное, нерасчлененное значение, объединяющее ряд обстоятельственных отношений. Однако в конкретном высказывании на первый план может выдвинуться один или два вида таких отношений (временных, причинно-следственных, условных, уступительных и пр.), что позволяет окказионально приравнять к абсолютной конструкции в оригинале соответствующую русскую структуру. В следующем примере абсолютная конструкция имеет явно временную функцию:

Business disposed of, Mr. Swiveller was inwardly reminded of its being high dinner-time. – Когда с этим делом было покончено, организм мистера Свивеллера напомнил ему, что час обеда уже близок.

3) **Трансформационный перевод** заключается в передаче значения безэквивалентной единицы с помощью одной из грамматических трансформаций, которые наряду с лексическими трансформациями применяются при описании процесса перевода. В следующем примере английская абсолютная конструкция, вводимая предлогом *with*, заменяется в русском переводе самостоятельным предложением (трансформация синтаксического членения):

The old capitalists and bureaucratic managements remained the directors and managers of the new nationalized industries, with a few right-wing trade-union officials thrown in for luck. – Старые хозяева и административное руководство стали директорами и управляющими новых национализированных предприятий. Кроме того, было добавлено для вида несколько правых профсоюзных чиновников.

Целый комплекс проблем возникает при описании фразеологических соответствий или, точнее, соответствий фразеологическим единицам оригинала. В рамках частной теории перевода анализируются особенности семантики фразеологизмов, релевантные для их перевода, типы соответствий, которые может использовать переводчик, и критерии выбора одного из них в зависимости от характера переводимой единицы.

Центральное место в описании фразеологических соответствий занимает проблема эквивалентного воспроизведения значений образных фразеологических единиц. Семантика таких единиц представляет собой сложный информативный комплекс, имеющий как предметно-логические, так и коннотативные компоненты. Наиболее важными из них с точки зрения выбора соответствия в ПЯ являются следующие:

- 1) переносный или образный компонент значения фразеологизма;
- 2) прямой или предметный компонент значения фразеологизма, составляющий основу образа;
- 3) эмоциональный компонент значения фразеологизма;
- 4) стилистический компонент значения фразеологизма;
- 5) национально-этнический компонент значения фразеологизма.

В русском образном фразеологизме *ездить в Тулу со своим самоваром* на основе прямого значения сочетания, предполагающего знание того, что именно в Туле делали самые лучшие самовары, содержится переносное значение "доставлять что-либо туда, где этого и без того много". Фразеологизм передает отрицательное отношение к обозначаемому (не следует так поступать), имеет разговорный характер (ср. книжно-литературные образы типа *перейти Рубикон* или *Сизифов труд*) и четко выраженную национальную принадлежность (*Тула* и *самовар* могут использоваться для создания образа, несомненно, только в русском языке). Указанные компоненты значения неравноценны с точки зрения их воспроизведения в тексте перевода. Наиболее важными являются компоненты (1), (3) и отчасти (4). Эквивалентное соответствие в ПЯ должно обязательно воспроизводить переносный смысл переводимого фразеологизма, выражать то же эмоциональное отношение (положительное, отрицательное или нейтральное) и иметь такую же (или хотя бы нейтральную) стилистическую характеристику.

Сохранение прямого значения фразеологической единицы важно не столько само по себе, сколько для сохранения образности. Поэтому в случае необходимости переносный смысл может быть передан в переводе с помощью иного образа, а порой приходится использовать и одноплановое соответствие, лишённое образности, чтобы сохранить главный компонент значения (1). Воспроизведение национально-этнического компонента сохраняет национальный колорит оригинала, но порой может затемнять переносный

смысл и препятствовать достижению эквивалентности, поскольку Рецептор перевода может не обладать фоновыми знаниями Рецептора оригинала (не знать, что Тула славится самоварами). Существенное влияние национально-этнического компонента на выбор переводческого соответствия проявляется в том, что из числа соответствий исключаются единицы ПЯ, обладающие подобным компонентом значения. Вспомним, что текст перевода приписывается иноязычному Источнику (автору оригинала), и появление в переводе национально окрашенных фразеологизмов обычно оказывается неуместным, заставляя, например, англичанина говорить о таких русских реалиях, как *Тула* и *самовар*, или восклицать *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*, предполагая, что его собеседникам известно, что это значит.

Существуют три основных типа соответствий образным фразеологическим единицам оригинала.

В первом типе соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом случае в ПЯ имеется образный фразеологизм, совпадающий с фразеологической единицей оригинала как по прямому, так и по переносному значению (основанный на том же самом образе). Как правило, такие соответствия обнаруживаются у так называемых интернациональных фразеологизмов, заимствованных обоими языками из какого-нибудь третьего языка, древнего или современного:

The game is not worth the candles. – *Игра не стоит свеч.*

The sword of Damocles. – *Дамоклов меч.*

To play into somebody's hands. – *Играть кому-либо на руку.*

Использование подобного соответствия наиболее полно воспроизводит иноязычный фразеологизм.

Во втором типе соответствий одинаковый переносный смысл передается в ПЯ с помощью иного образа при сохранении всех прочих компонентов семантики фразеологизма:

To get up on the wrong side of the bed. – *Встать с постели не с той ноги.*

To turn back the clock. – *Повернуть вспять колесо истории.*

A bird in the hand is worth two in the bush. – Лучшие синицу в руки, чем журавля в небе.

Использование соответствий этого типа обеспечивает достаточно высокую степень эквивалентности при условии, что русский фразеологизм не обладает ярко выраженной национальной окраской.

Третий тип соответствий создается путем калькирования иноязычной образной единицы:

He was not fit to carry water for her. – Он был недостойн и воду таскать для нее.

To put the cart before the horse. – Ставить телегу впереди лошади.

Necessity is the mother of invention. – Необходимость – мать изобретательности.

Соответствия этого типа применимы лишь в том случае, если образ в исходной единице достаточно "прозрачен", и его воспроизведение в переводе позволит Рецептору перевода понять передаваемое переносное значение (по-русски понятно, что ставить телегу перед лошастью означает нарушить правильную последовательность действий). Если же в оригинале употреблено фразеологическое сращение, где связь между переносным и прямым значением недостаточно ясна, то калькирование образа приведет к разрушению смысла фразеологической единицы. В таких случаях нередко приходится вообще отказываться от применения фразеологического соответствия и довольствоваться описанием основного (т.е. переносного) смысла переводимого сочетания:

To mind one's P's and Q's. – Соблюдать осторожность.

To dine with Duke Humphrey. – Ходить голодным; Остаться без обеда.

To grin like a Cheshire cat. – Широко улыбаться.

Хотя происхождение таких фразеологических единиц обычно может быть обнаружено путем специальных исследований, оно, как правило, мало известно самим Рецепторам оригинала, и их переносное значение не выводится из самого образа.

Калькирование образа широко используется для передачи национально-этнического компонента значения фразеологизма:

To carry coals to Newcastle. – Возить уголь в Ньюкастл.

Rome was not built in a day. – Рим не был построен за один день (не сразу Рим строился).

He will not set the Thames on fire. – Он Темзы не подожжет.

При этом, однако, переводчику приходится заботиться о том, чтобы образ был понятен Рецепторам перевода (а для этого необходимо, например, знать, что Ньюкастл – это центр угледобычи в Англии), и в случае необходимости обеспечивать полноценность понимания с помощью соответствующих сносок и примечаний.

Нередко у переводчика имеется возможность выбирать между различными типами фразеологических соответствий. В зависимости от условий контекста он может предпочесть существующий в ПЯ образ за счет утраты национально-этнического компонента (*He will not set the Thames on fire – Он пороха не изобретет*) или, напротив, отказаться от использования русского фразеологизма из-за различия в эмоционально-стилистической характеристике: *Can the leopard change his spots? – Разве может леопард избавиться от пятен на своей шкуре?* (ср. более грубоватые русские пословицы: *Горбатого могила исправит* или *Черного кобеля не отмоешь добела*). Для каждой пары языков частная теория перевода описывает систему фразеологических единиц в ИЯ и их соответствий в ПЯ и формулирует рекомендации переводчику о возможности и целесообразности использования соответствий каждого типа в условиях конкретного контекста.

Аналогичным образом описываются и грамматические соответствия. И здесь в первую очередь отбираются формы и структуры ИЯ, передача значений которых связана с необходимостью выбора между соответствиями разного типа. Это может быть выбор между однотипным и разнотипным соответствием, между несколькими разнотипными соответствиями или между разными способами передачи значения безэквивалентных форм и структур. Во всех случаях изучаются особенности значения и употребления исходных единиц, влияющие на выбор соответствия, описываются возможные соответствия и указываются возможности и условия употребления каждого из них.

Английские формы пассивного залога по своему значению аналогичны русским формам страдательного залога. В английском языке формы пассивного залога многочисленны (*He was given the book. The book was given to him. The book was sent for,* etc.) и употребляются значительно чаще, чем аналогичные формы в русском языке. Русский язык также обладает разнообразными способами передачи указания на пассивность или отсутствие действующего лица (формы с глаголом *быть*, глаголы на -м, неопределенно-личные формы глагола и т.п.). При передаче английского пассива переводчик постоянно решает вопрос, следует ли использовать в переводе однотипное или разнотипное соответствие или лучше вообще заменить страдательный залог действительным:

The amendment was rejected by the majority of the Security Council. –
Поправка была отвергнута большинством Совета Безопасности.

This law is constantly violated. – *Этот закон постоянно нарушается.*

His book is sold here. – *Здесь продают его книгу.*

Английским формам прошедшего времени глагола соответствуют две формы прошедшего времени в русском языке, различающиеся по своему видовому значению (формы совершенного и несовершенного вида). При переводе для выбора формы русского глагола приходится искать в оригинале дополнительную информацию о характере описываемого действия:

Their appeasement policy had strengthened the fascist beast until finally it leaped upon them. – *Их "политика умиротворения" увеличивала силы фашистского зверя, пока, наконец, он не бросился на них самих.*

Поскольку здесь действие длилось в течение некоторого периода до определенного момента, прервавшего его, переводчик выбирает соответствие несовершенного вида. Иногда для выбора видовой формы требуется знание более широкого контекста:

When we were in London we went to hear the speakers in Hyde Park. –
Когда мы были в Лондоне, мы пошли послушать ораторов в Гайд-Парке,
(или: *Когда мы были в Лондоне, мы ходили слушать ораторов в Гайд-Парке.*)

Изучение контекста должно показать, идет ли речь об однократном или многократном действии.

Независимый (абсолютный) причастный оборот в английском языке не имеет соответствий среди синтаксических структур русского языка. Для передачи его значения в переводе могут использоваться такие разные конструкции, как придаточные предложения времени, причины или сопутствующих обстоятельств, самостоятельные предложения, деепричастные и предложные обороты. Каждый из этих способов перевода соответствует употреблению исходной структуры в определенной функции, и каждый из них с большей или меньшей полнотой передает отдельные аспекты ее значения. При использовании придаточного предложения приходится уточнять функцию независимого оборота, которая может быть недифференцированной в оригинале:

The weather being good, we went for a walk. – *Так как погода была хорошая, мы пошли погулять,* (или: *Когда погода была хорошая, мы ходили гулять.*)

Выбор типа придаточного предложения (а также формы глагола) потребует и здесь дополнительной информации из контекста. Выделение причастного оборота в отдельное предложение меняет стилистический характер повествования: *Погода была хорошая. Мы пошли гулять.*

Применение деепричастного оборота возможно лишь в тех случаях, когда удастся соотнести субъект деепричастия с подлежащим русского предложения:

This duty done, we refilled our glasses. – *Выполнив этот долг, мы вновь наполнили стаканы.*

Предложные обороты имеют ограниченную сферу употребления:

She walked out, her head held high. – *Она вышла (из зала) с высоко поднятой головой.*

На всех уровнях языковой структуры описание соответствий в рамках частной теории перевода не сводится к перечислению возможных способов передачи в ПЯ значения какой-либо конкретной единицы ИЯ (как это, например, делается в любом двуязычном словаре), а ставит перед собой задачу раскрыть типовые особенности создания и выбора соответствий для достаточно большой группы языковых единиц.

Описание системы соответствий сопровождается выявлением условий, определяющих возможность использования соответствий того или иного вида. Таким образом, понятие системы переводческих соответствий имеет не статический, а динамический характер. Это не просто пары соотнесенных единиц в двух языках, а и система отношений между коммуникативно равноценными единицами, от которых зависит реальная взаимозаменяемость таких единиц в процессе перевода, а также набор способов создания окказиональных соответствий в тех случаях, когда условия контекста препятствуют использованию стандартных способов перевода. Описание соответствий осуществляется на основе изучения результатов переводческого процесса, и, в свою очередь, знание типов соответствий и правил их применения способствует успешному решению переводческих задач в многочисленных реальных актах перевода.

ГЛАВА

10

СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

Процессом перевода или переводом в узком смысле этого термина называются действия переводчика по созданию текста перевода (собственно перевод). Процесс перевода включает, по меньшей мере, два этапа: уяснение переводчиком содержания оригинала и выбор варианта перевода. В результате этих этапов осуществляется переход от текста оригинала к тексту перевода. При этом действия переводчика часто интуитивны и переводчик подчас не осознает, чем он руководствовался при выборе того или иного варианта. Это, однако, не означает, что такой выбор полностью случаен или произволен. Он во многом определяется соотношением способов построения сообщений в ИЯ и ПЯ. Теория перевода стремится выяснить, как происходит переход от оригинала к тексту перевода, какие закономерности лежат в основе действий переводчика.

Реальный процесс перевода осуществляется в мозгу переводчика и недоступен для непосредственного наблюдения и исследования. Поэтому изучение процесса перевода производится косвенным путем при помощи разработки различных теоретических моделей, с большей или меньшей приближенностью описывающих процесс перевода в целом или какую-либо его сторону. **Моделью перевода** называется условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые переводчик может осуществить перевод всего оригинала или некоторой его части. В лингвистической теории перевода модели перевода представляют процесс перевода в виде ряда мыслительных операций над языковыми или речевыми единицами, т.е. в виде лингвистических операций, выбор которых обуславливается языковыми особенностями оригинала и соответствующими

явлениями в языке перевода. Модель перевода носит условный характер, поскольку она необязательно отражает реальные действия переводчика в процессе создания текста перевода. Большинство таких моделей имеет ограниченную объяснительную силу и не претендует на то, что на их основе может быть реально осуществлен перевод любого текста с необходимой степенью эквивалентности. Задачи модели заключаются лишь в том, чтобы описать последовательность действий, с помощью которых можно решить данную переводческую задачу при заданных условиях процесса перевода. Модели перевода раскрывают отдельные стороны функционирования лингвистического механизма перевода. Хотя в своей практической работе переводчик может добиваться необходимого результата и каким-либо путем, не совпадающим ни с одной из известных нам моделей перевода, знание таких моделей может помочь ему в решении трудных переводческих задач.

Описание переводческого процесса с помощью моделей перевода включает два взаимосвязанных аспекта:

- 1) общую характеристику модели с указанием возможной сферы ее применения (объяснительной силы модели);
- 2) типы переводческих операций (трансформаций), осуществляемые в рамках модели.

Модель перевода может быть преимущественно ориентирована на внеязыковую реальность или на некоторые структурно-семантические особенности языковых единиц. Примером моделей первого вида может служить ситуативная модель перевода, примером моделей второго вида – трансформационно-семантическая модель.

Ситуативная (денотативная) модель перевода исходит из того несомненного факта, что содержание всех единиц языка отражает, в конечном счете, какие-то предметы, явления, отношения реальной действительности, которые обычно называются денотатами. Создаваемые с помощью языка сообщения отрезки речи содержат информацию о какой-то ситуации, т.е. о некоторой совокупности денотатов, поставленных в определенные отношения друг к другу.

Если отвлечься от несущественных различий, то следует признать, что окружающая нас реальная действительность едина для всего человечества. Общность окружающего мира, биологической структуры, производственных и жизненных процессов у всех людей,

независимо от их языковой принадлежности, приводит к тому, что все люди обмениваются мыслями, в основном, об одних и тех же явлениях действительности. В принципе, любая мыслимая ситуация может быть с одинаковым успехом описана с помощью любого развитого языка.

Учитывая, что основное содержание любого сообщения заключается в отражении какой-то внеязыковой ситуации, ситуативная модель перевода рассматривает процесс перевода как процесс описания при помощи языка перевода той же ситуации, которая описана на языке оригинала. При этом действия переводчика представляются следующим образом. Воспринимая текст оригинала, переводчик отождествляет составляющие этот текст единицы с известными ему языковыми единицами ИЯ и, интерпретируя их значение в контексте, выясняет, какую ситуацию реальной действительности описывает оригинал. После этого переводчик описывает эту ситуацию на языке перевода. Таким образом, процесс перевода осуществляется от текста оригинала к реальной действительности и от нее к тексту перевода. В ряде случаев этот же процесс идет более кратким путем, когда интерпретация текста или какой-либо его части была проведена заранее, и переводчику известно, что определенные единицы ИЯ и ПЯ указывают на одинаковые предметы, явления или отношения реальной действительности. На этом основании он может непосредственно заменять единицы оригинала соответствующими единицами перевода, и обращение к реальной действительности осуществляется вне данного акта перевода. Модель перевода при этом сохраняет свою основную ориентацию: объяснение процесса перевода как обращение к описываемой ситуации.

При этом речь идет не просто о необходимости интерпретировать значение языковых единиц в оригинале по отношению к реальной действительности, учитывать, наряду с лингвистическим, и ситуативный контекст. Как уже отмечалось, без соотнесения с реальной действительностью невозможно понять даже самое простое речевое высказывание. Английское предложение *The table is on the wall* интерпретируется как *Таблица висит на стене*, в частности, потому, что знание реальной действительности подсказывает коммуникантам, что из двух значений слова *table* – *стол* и *таблица* в данном случае реализовано последнее, так как обычно столы на стены не вешают.

Обращение к реальной действительности в рамках ситуативной модели перевода имеет в виду не только уяснение содержания оригинала, а сам процесс перевода, тот путь, следуя которому, переводчик может создать текст перевода. "Кусочек" реальной действительности, отраженный в совокупном содержании исходного текста, служит

внеязыковой основой перевода. Предполагается, что переводчик описывает этот фрагмент реальности средствами ПЯ точно так же, как он описал бы этот фрагмент, если бы узнал его не из текста оригинала, а каким-либо иным путем, например, с помощью своих органов чувств.

Ситуативная модель перевода обладает значительной объяснительной силой. Она адекватно описывает процесс перевода, когда для создания коммуникативно равноценного текста на ПЯ необходимо и достаточно указать в переводе на ту же самую ситуацию, которая описана в переводе. Иначе говоря, при помощи этой модели может достигаться эквивалентность на уровне идентификации ситуации. Наиболее четко ситуативная модель "работает" в следующих трех случаях:

- 1) при переводе безэквивалентной лексики;
- 2) когда описываемая в оригинале ситуация однозначно определяет выбор варианта перевода;
- 3) когда понимание и перевод оригинала или какой-либо его части невозможно без выяснения тех сторон описываемой ситуации, которые не входят в значения языковых единиц, использованных в сообщении.

Поскольку у безэквивалентных единиц ИЯ нет готовых соответствий, любой способ создания окказионального соответствия для таких единиц связан с обращением к ситуации, которая описана с их помощью в оригинале. Даже если создаваемые соответствия (путем транскрибирования или калькирования) относятся непосредственно к переводимому слову или словосочетанию, они могут быть выбраны лишь на основе правильного уяснения всей ситуации:

The plan is to use a system called "dense pack" which would put the missiles into a narrow strip 14 miles long and one mile wide. – План предусматривает использование системы, именуемой "плотная упаковка", при которой ракеты размещаются на узкой полосе длиной в 14 миль и шириной в одну милю.

При описании эквивалентности второго типа (на уровне указания на ситуацию) отмечались случаи, когда в ПЯ существует лишь один способ описания определенной ситуации, независимо от того, каким образом она описана в оригинале. Переводчик может

установить, что в данном случае он имеет дело с ситуативной эквивалентностью подобного вида, лишь обратившись к реальной действительности: если в английском оригинале указывается на свежеекрашенный объект *Wet paint*, то в русском переводе эта ситуация будет описана с помощью предупреждения *Осторожно, окрашено*, а о наличии хрупких предметов в упаковке *Fragile* по-русски предупреждают *Осторожно, стекло*.

Аналогичным образом ситуация в значительной мере определяет выбор варианта перевода и тогда, когда в ПЯ существует не единственный, а преобладающий, наиболее распространенный способ описания данной ситуации. Именно этот способ и будет использован в переводе в большинстве случаев: *keep off the grass* – *по газонам не ходить*; *to sit up late* – *поздно лечь спать*; *to swallow the bait* – *попасться на удочку*. Хотя указанные английские словосочетания и высказывания могут быть выражены по-русски и другими средствами, обращение к ситуации обычно подсказывает переводчику общепринятый способ ее описания. Ср. *Stop, I have a gun!* – *Стой! Я буду стрелять* и неупотребительное русское: *Стой! У меня ружье*.

Решающую роль играет обращение к описываемой ситуации в тех случаях, когда содержащаяся в высказывании информация недостаточна для выбора варианта перевода. Мы уже знаем, что любая ситуация описывается в высказывании не во всех деталях, а через обозначение некоторой совокупности ее признаков. В то же время выбор варианта перевода может порой зависеть от других признаков, которыми данная ситуация обладает в реальной действительности, но которые не вошли в способ ее описания, использованный в оригинале. В этом случае переводчик обращается к описываемой ситуации, ища необходимые сведения. Рассмотрим простой пример. Предположим, нам необходимо перевести следующее английское высказывание: *Her aunt must be made to tell them about it*. Общее содержание этого высказывания понять нетрудно, но выбор соответствия для существительного *aunt* и глагола *made* в русском переводе потребует дополнительной информации. Ведь *aunt* может быть и *тетя*, и *тетушка*, и *тетка*, а *must be made* может означать, что ее нужно *заставить*, *убедить* или *попросить* (...*рассказать им об этом*). Для того чтобы решить этот вопрос, необходимо будет выяснить, о каких людях реально идет речь, какие между ними существуют отношения и какие методы могут быть использованы, для того чтобы получить от упомянутой родственницы желаемые сведения.

Необходимые сведения о реальной ситуации могут быть порой получены из различных литературных источников и всякого рода справочников. В следующем примере переводчику понадобится основательное знание истории Англии: *Cromwell and Bradshaw*

(not the guide man, but the King Charles's head man) likewise sojourned here. (J.K. Jerome).
Перевести предложение можно лишь при условии, что переводчику удастся выяснить, что Дж. Бредшо был председателем суда, приговорившего к смертной казни Карла Первого, а его однофамилец – автор известного в Англии путеводителя. В самом же тексте ни узкий, ни широкий контекст не позволяет правильно интерпретировать сочетания *guide man* и *King Charles's head man*.

Таким образом, ситуативная модель перевода правильно отражает ряд важных сторон переводческого процесса и дает возможность объяснить те особенности выбора варианта перевода, которые связаны с обращением переводчика к реальной действительности и последующим ее описанием средствами ПЯ. В то же время эта модель обладает ограниченной силой, поскольку она охватывает лишь некоторые способы реализации процесса перевода. Как известно, описываемая ситуация далеко не всегда однозначно определяет выбор варианта перевода, так как в большинстве случаев она может быть описана разными способами. И тогда самое подробное выяснение реальной ситуации, которую описывает оригинал, не дает еще переводчику указаний, какие признаки этой ситуации надо отразить при создании сообщения на ПЯ. Не дает знание ситуации достаточных оснований и для выбора лексико-синтаксической организации высказывания в переводе в рамках определенного способа описания ситуации. И способ описания ситуации, и набор языковых единиц, с помощью которых он реализуется, выражают дополнительный смысл, составляющий немаловажную часть общего содержания высказывания. Поэтому содержание высказываний, описывающих одну и ту же ситуацию, может, в целом, различаться весьма существенно. И для правильного выбора варианта перевода в этом случае переводчику недостаточно описать средствами ПЯ ту же реальную действительность, которая отражена в оригинале. Он должен еще воспроизвести и другие части содержания исходного текста, употребив эквивалентные средства описания этой действительности. А для этого необходимо учитывать, не только о какой ситуации говорится в оригинале, но и что и как о ней сказано.

Понятно, что ситуативная модель перевода не работает и в тех случаях, когда переводчику необходимо отказаться от описания той же самой ситуации, чтобы обеспечить передачу цели коммуникации оригинала. Если данная ситуация не позволяет Рецептору перевода сделать необходимые выводы или связана с иными ассоциациями, чем у Рецептора оригинала, то описание переводчиком той же ситуации средствами ПЯ не обеспечит возможности межъязыковой коммуникации.

Из сказанного выше не следует, что ситуативная модель неправильно объясняет процесс перевода. Она адекватно воспроизводит этот процесс в тех случаях, когда для его осуществления необходимо и достаточно уяснить описываемую в оригинале ситуацию и передать ее средствами ПЯ. Однако ее объяснительная сила ограничена тем, что она не учитывает необходимости воспроизведения в переводе и той части содержания оригинала, которая создается значениями используемых в нем единиц ИЯ.

Трансформационно-семантическая модель перевода, в отличие от ситуативной, исходит из предположения, что при переводе осуществляется передача значений единиц оригинала. Она рассматривает процесс перевода как ряд преобразований, с помощью которых переводчик переходит от единиц ИЯ к единицам ПЯ, устанавливая между ними отношения эквивалентности. Таким образом, трансформационно-семантическая модель ориентирована на существование непосредственной связи между структурами и лексическими единицами оригинала и перевода. Соотнесенные единицы рассматриваются как начальное и конечное состояния переводческого процесса.

Согласно указанной модели процесс перевода проходит три этапа. На первом этапе – этапе анализа – осуществляется упрощающая трансформация исходных синтаксических структур в пределах ИЯ: структуры оригинала преобразуются (сводятся) к наиболее простым, легко анализируемым формам. Предполагается, что такие простые "ядерные" (или "около-ядерные") структуры в разных языках достаточно близки и легко заменяют друг друга при переводе. Так, предложение *She is a good dancer* трансформируется в более "прозрачную" структуру *She dances well*; предложение *The thought worried him* может быть представлено в виде двух упрощенных предложений и указания связи между ними: *he thought, he worried*, первое предложение (*he thought*) обуславливает второе (*he worried*).

Упрощающим преобразованиям на стадии анализа подвергаются и отдельные слова, в значениях которых выявляется набор элементарных смыслов (сем). Подобные элементы смысла выделяются в семантике слова при его сопоставлении со словами с близким значением и обнаружении различий между ними. У членов такого семантического ряда можно найти как общие элементы смысла, так и дифференциальные, отличающие значения каждого синонима от других членов ряда. Так, в ряду английских слов *speak, sing, whistle, whisper, hum* общим (ядерным) компонентом значения будет "произнесение звуков с использованием речевого аппарата". А значение, например, *whisper* – *шептать* включает этот ядерный смысл плюс два дополнительных дифференцирующих признака

"использование звуков (членораздельной) речи" (в отличие от *whistle* и *hum*) и "отсутствие голоса" (в отличие от *speak* или *sing*).

Аналогичным образом выявляются элементарные смыслы у любых слов с пересекающимися или смежными значениями (например, *run, walk, jump, hop, etc.*) или у слов, значения которых связаны отношением "род-вид" (гиперо-гипонимическими отношениями): *animal* и *mammal, dog* и *poodle* и т.д.

Элементы сходства и различия можно обнаружить и при сопоставлении близких по значению слов разных языков. Так, в русском слове *студент* компонентный анализ выявляет такие семантические признаки, как *мужчина* (в отличие от *студентка*), *учащийся в ВУЗЕ* (в отличие от *ученик*), *обучаемый* (в отличие от *преподаватель*), *единственное число* (в отличие от *студенты*). В английском *student* первые две семы будут отсутствовать, а две другие будут совпадать. Именно совпадение хотя бы части сем и дает возможность словам разных языков выступать в качестве эквивалентов друг другу.

Упрощение синтаксических структур и разбиение значений лексических единиц на этапе анализа позволяют осуществить второй этап перевода – "переключение", т.е. переход к ядерным структурам и семантическим компонентам языка перевода. Как было указано, на уровне таких структур и элементарных сем у разных языков обнаруживается значительное сходство. Поэтому в принципе эквивалентные единицы на этом уровне отыскиваются сравнительно легко. Нетрудно убедиться, что если предложение *She is a good singer* может вызвать определенные трудности при переводе, если это высказывание не относится к профессиональной певице, то трансформированное высказывание *She sings well* переводится без труда: *Она хорошо поет*. Аналогичным образом при переводе предложения *He was humming a merry tune* выбор русского соответствия будет облегчен, если будут учитываться такие семы английского *hum*, как *to produce musical tones* и *without words*, т.е. *напевать без слов*.

На третьем этапе – "реструктурирование" – осуществляются трансформации на ПЯ с ядерного ("околоядерного") уровня в окончательные структуры и единицы оригинала. При этом в соответствии с нормами языка меняются такие формальные признаки, как порядок слов, структура предложения, число и распределение семантических признаков.

Трансформационно-семантическая модель перевода обладает значительной объяснительной силой. Она позволяет описывать многие стороны переводческого процесса, недоступные для непосредственного наблюдения. Особенно важно, что, в

отличие от ситуативной модели, данная модель дает возможность отразить роль значений языковых единиц в содержании исходного текста и зависимость (хотя и не всегда прямую) от этих единиц средств ПЯ, используемых в переводе. Тем самым моделируются способы достижения эквивалентности четвертого и пятого типов, где сохраняется основное значение синтаксических структур и лексических единиц исходного текста. Способ представления процесса перевода, который используется в трансформационно-семантической модели, во многом соответствует интуиции переводчика, который нередко ломает себе голову над тем, как поточнее передать ту или иную сему в значении слова оригинала. В рамках этой модели делается попытка объяснить общность содержания оригинала и перевода на уровне микрокомпонентов семантики языковых единиц, т.е. сем. Общность сем составляет основу переводческой эквивалентности как в случае максимального совпадения состава сем в оригинале и переводе (*I saw him yesterday – Я видел его вчера*), так и в тех случаях, когда для осуществления межъязыкового общения оказывается достаточным хотя бы части семантических признаков. Далекое не все семы, имеющиеся в содержании оригинала, коммуникативно релевантны для данного акта общения. Задача переводчика, в первую очередь, заключается в том, чтобы сохранить коммуникативно релевантные семы. Сопоставление семного состава оригинала и перевода показывает, что именно такие семы и воспроизводятся в процессе перевода.

Заменяющие друг друга семы могут не совпадать, а быть связаны отношениями семантического перефразирования, характерными для третьего типа эквивалентности:

Last year saw a rapid growth of industrial production. – В прошлом году отмечался быстрый рост промышленного производства.

She was preceded by her father. – Она вошла вслед за своим отцом.

Подобное перефразирование может также сопровождаться добавлением или опущением отдельных семантических признаков:

McDennot spoke briefly into the telephone, then waited again. – Макденнот отдал краткое распоряжение по телефону и снова стал ждать.

As he stood there he heard a shot fired. – Вдруг он услышал выстрел.

Вместо с тем очевидно, что и трансформационно-семантическая модель не является универсальной и не претендует на моделирование любого переводческого акта. Она не предусматривает тех случаев, когда между синтаксическими структурами и значениями лексических единиц в оригинале и переводе нет отношений трансформации и эквивалентность двух текстов основывается исключительно на общности описываемой ситуации. Английское *Answer the telephone* равноценно русскому *Возьми трубку* не потому, что у глаголов *to answer* и *взять* есть общие семы, а на знании того, что в реальной действительности, отвечая на телефонный звонок, надо взять телефонную трубку и что, следовательно, оба высказывания означают "одно и то же", называют разные стороны одной и той же ситуации. В таких случаях во втором типе эквивалентности для объяснения процесса перевода лучше "работает" ситуативная модель перевода.

Не моделирует трансформационно-семантическая модель процесса перевода и тогда, когда в переводе необходимо передать образные и иные ассоциации, связанные с текстом оригинала, когда в процессе перевода происходит замена ситуации чтобы воспроизвести цель коммуникации. Иными словами, трансформационно-семантическая модель не предназначается для описания процесса перевода и в первом типе эквивалентности:

*"Different brands of courage," Charles said. "Serge and barathea." –
"Потому что существуют разные сорта храбрости – сказал Чарльз. –
Одна – сержантская, а другая – офицерская".*

Ситуация, описываемая сообщением *serge and barathea*, важна не сама по себе, а теми выводами, которые может сделать из нее Рецептор, знающий, что это – названия двух видов ткани, причем первая ткань – простая, дешевая, а вторая – дорогая. Подобные выводы не сможет сделать русский Рецептор, в языке которого названия таких тканей отсутствуют. Поэтому в переводе названа иная ситуация, дающая возможность понять подразумеваемый смысл английского высказывания. Следует отметить, что в подобных случаях процесс перевода не моделируется и ситуативной моделью.

Ситуативная и трансформационно-семантическая модели перевода дают условное изображение перевода, не претендуя на полное соответствие реальным действиям переводчика. Чтобы более полно отражать деятельность самого переводчика, модель должна включать описание психических процессов, обеспечивающих такую деятельность. С этой целью разрабатывается **психолингвистическая модель перевода**, использующая положения теории речевой деятельности. Известно, что в соответствии с целью речевого

акта у говорящего сначала формируется внутренняя программа будущего сообщения, которая затем развертывается в речевое высказывание. Исходя из этого, психолингвистическая модель перевода постулирует, что, осуществляя процесс перевода, переводчик сначала преобразует свое понимание содержания оригинала в свою внутреннюю программу, а затем развертывает эту программу в текст перевода. Поскольку внутренняя программа существует в форме субъективного кода говорящего, такое представление процесса перевода включает два этапа – "перевод" с ИЯ на внутренний код и "перевод" с внутреннего кода на ПЯ. Психолингвистическая модель перевода полностью соответствует пониманию перевода как вида речевой деятельности. К сожалению, объяснительная сила такой модели ограничивается тем обстоятельством, что мы не знаем, как происходит такое "свертывание" и "развертывание", какие элементы содержания сохраняются во внутренней программе и как выбирается один из возможных путей реализации такой программы в тексте перевода. Дальнейшая детализация психолингвистической модели перевода является важной задачей теории перевода.

Модель перевода ставит перед собой задачу представить процесс перевода в целом, указать общее направление движения мысли переводчика и последовательные этапы перехода от оригинала к переводу. Более подробная характеристика процесса перевода достигается путем описания типов мыслительных операций, с помощью которых переводчик находит нужный вариант перевода. При этом предполагается, что между единицами оригинала и перевода существует непосредственная связь, что из исходной единицы путем каких-то преобразований (трансформаций) может быть получена единица перевода. Представление процесса перевода как преобразования единиц оригинала в единицы перевода носит условный характер. В действительности, с единицами оригинала ничего не происходит, они остаются неизменными, а переводчик просто подыскивает коммуникативно равноценные им единицы в языке перевода. Этот поиск начинается с восприятия единиц оригинала и завершается созданием соответствующих отрезков перевода. Иначе говоря, мозг переводчика получает "на входе" отрезок текста на ИЯ и "выдает на выходе" отрезок текста на ПЯ. Сопоставляя исходные и конечные отрезки текста, можно попытаться охарактеризовать способ перехода от первых ко вторым, "приемы перевода", с помощью которых первые как бы преобразуются во вторые.

Операционное описание процесса перевода отличается от представления этого процесса в рамках модели перевода тем, что в нем:

1) дается не общая схема процесса перевода, а указываются способы перевода, применимые при передаче значений единиц ИЯ определенного типа;

2) преобразования, с помощью которых описывается процесс перевода, происходят не отдельно в пределах ИЯ и в пределах ПЯ, а исключительно между разноязычными единицами, т.е. все они подразумевают непосредственное переключение от оригинала к переводу без промежуточных ступеней;

3) в связи с этим указанные преобразования (способы перевода) уже не сводятся к известным внутриязыковым трансформациям, а представляют собой собственно переводческие операции.

Преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле, называются **переводческими (межъязыковыми) трансформациями**. Поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц.

В рамках описания процесса перевода переводческие трансформации рассматриваются не в статическом плане как средство анализа отношений между единицами ИЯ и их словарными соответствиями, а в плане динамическом как способы перевода, которые может использовать переводчик при переводе различных оригиналов в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста. В зависимости от характера единиц ИЯ, которые рассматриваются как исходные в операции преобразования, переводческие трансформации подразделяются на лексические и грамматические. Кроме того, существуют также комплексные лексико-грамматические трансформации, где преобразования либо затрагивают одновременно лексические и грамматические единицы оригинала, либо являются межуровневыми, т.е. осуществляют переход от лексических единиц к грамматическим и наоборот.

Основные типы лексических трансформаций, применяемых в процессе перевода с участием различных ИЯ и ПЯ, включают следующие переводческие приемы:

- переводческое транскрибирование и транслитерация;

- калькирование и лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция).

Основные типы грамматических трансформаций включают:

- синтаксическое уподобление (дословный перевод);
- членение предложения;
- объединение предложений;
- грамматические замены (формы слова, части речи или члена предложения).

Основные типы лексико-грамматических трансформаций включают:

- антонимический перевод;
- экспликация (описательный перевод);
- компенсация.

Транскрипция и транслитерация – это способы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв ИЯ. При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации его графическая форма (буквенный состав). Ведущим способом в современной переводческой практике является транскрипция с сохранением некоторых элементов транслитерации. Поскольку фонетические и графические системы языков значительно отличаются друг от друга, передача формы слова ИЯ на языке перевода всегда несколько условна и приближительна: *absurdist* – *абсурдист* (автор произведения абсурда); *kleptocracy* – *клетократия* (воровская элита); *skateboarding* – *скейтбординг* (катание на роликовой доске). Для каждой пары языков разрабатываются правила передачи звукового состава слова ИЯ, указываются случаи сохранения элементов транслитерации и традиционные исключения из правил, принятых в настоящее время. В англо-русских переводах наиболее часто встречающиеся при транскрибировании элементы транслитерации заключаются, в основном, в транслитерации некоторых непроносимых согласных и редуцированных гласных *Dorset* – *Дорсет*; *Campbell* – *Кэмпбелл*, передаче двойных согласных между гласными и в конце слов после гласных *boss* – *босс* и сохранении некоторых особенностей

орфографии слова, позволяющих приблизить звучание слова в переводе к уже известным образцам *Hercules missile – ракета "Геркулес"*; *deescalation – деэскалация*; *Columbia – Колумбия*. Традиционные исключения касаются, главным образом, освященных обычаем переводов имен исторических личностей и некоторых географических названий *Charles I – Карл I*; *William III – Вильгельм III*; *Edinburgh – Эдинбург*).

Калькирование – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) – их лексическими соответствиями в ПЯ. Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной лексической единицы. Именно так поступает переводчик, переводя *superpower* как *сверхдержава*; *mass culture* как *массовая культура*; *green revolution* как *зеленая революция*. В ряде случаев использование приема калькирования сопровождается изменением порядка следования калькируемых элементов: *land-based missile – ракета наземного базирования*; *Rapid Deployment Force – силы быстрого развертывания*. Нередко в процессе перевода транскрипция и калькирование используются одновременно: *transnational – транснациональный*; *petrodollar – нефтьдоллар*; *miniskirt – мини-юбка*.

Лексико-семантические замены – это способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ПЯ, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований. Основными видами подобных замен являются конкретизация, генерализация и модуляция (смысловое развитие) значения исходной единицы.

Конкретизацией называется замена слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением. В результате применения этой трансформации создаваемое соответствие и исходная лексическая единица оказываются в логических отношениях включения: единица ИЯ выражает родовое понятие, а единица ПЯ – входящее в нее видовое понятие:

Dinny waited in a corridor which smelled of disinfectant. – Динни ждала в коридоре, пропахшем карболкой.

He was at the ceremony. – Он присутствовал на церемонии.

В ряде случаев применение конкретизации связано с тем, что в ПЯ отсутствует слово со столь широким значением. Так, английское существительное *thing* имеет очень абстрактное значение ("an entity of any kind") и на русский язык всегда переводится путем конкретизации: *вещь, предмет, дело, факт, случай, существо* и т.д. Иногда родовое название на языке перевода не может быть использовано из-за расхождения коннотативных компонентов значения. Английское *meal* широко применяется в различных стилях речи, а русское *прием пищи* не употребительно за пределами специальной лексики. Поэтому, как правило, при переводе *meal* заменяется более конкретным *завтрак, обед, ужин* и др.:

At seven o'clock an excellent meal was served in the dining-room. – В семь часов в столовой был подан отличный обед.

Понятно, что выбор более конкретного наименования всецело определяется контекстом и в других условиях в семь часов (вечера) мог быть подан и ужин.

Конкретизация часто применяется и тогда, когда в ПЯ есть слово со столь же широким значением и соответствующей коннотацией, поскольку такие слова могут обладать разной степенью употребительности в ИЯ и ПЯ. Выше уже отмечалась большая употребительность в английском языке слов с широким значением. При переводе таких слов конкретизация является весьма распространенным способом перевода. В романе Ч. Диккенса "Дэвид Копперфилд" следующим образом описывается поведение матери героя, испуганной внезапным появлением грозной мисс Бетси:

My mother had left her chair in her agitation, and gone behind it in the corner.

Английские глаголы с общим значением *to leave* и *to go* не могут быть переведены здесь с помощью соответствующих русских глаголов *покинуть* и *пойти*. Неприемлемость перевода *Матушка оставила свое кресло и пошла за него в угол* не вызывает сомнений, русский язык не описывает такую конкретную эмоциональную ситуацию подобным образом. Лучшим способом обеспечить эквивалентность русского перевода является конкретизация указанных глаголов:

Взволнованная матушка вскочила со своего кресла и забилась в угол позади него.

Аналогичным способом следует перевести и другое предложение из того же романа:

My old dear bedroom was changed, and I was to lie a long way off.

Приехав домой после долгого отсутствия, мальчик видит, что все в доме изменилось и стало ему чуждым. Использование прямых соответствий сделало бы перевод этого английского предложения малопонятным. Почему кто-то должен *лежать вдали от спальни*? Контекст показывает, что *лежать* означает здесь *спать*, а *вдали* указывает всего лишь другую часть дома. Именно так и должно быть сказано по-русски:

Моей милой старой спальни уже не было, и я должен был спать в другом конце дома.

Широко распространена конкретизация английских глаголов "говорения" *to say* и *to tell*, которые могут переводиться на русский язык не только как *говорить* или *сказать*, но и более конкретными *промолвить*, *повторить*, *заметить*, *утверждать*, *сообщать*, *просить*, *возразить*, *велеть* и т.п.:

"So what?" I said. – Ну и что? – спросил я.

He told me I should always obey my father. – Он посоветовал мне всегда слушаться моего отца.

The boss told me to come at once. – Хозяин велел мне прийти сейчас же.

Генерализацией называется замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением, т.е. преобразование, обратное конкретизации. Создаваемое соответствие выражает родовое понятие, включающее исходное видовое:

He visits me practically every week-end. – Он ездит ко мне почти каждую неделю.

Использование слова с более общим значением избавляет переводчика от необходимости уточнять, субботу или воскресенье имеет в виду автор, говоря о "уик-энде".

Иногда конкретное наименование какого-либо предмета ничего не говорит Рецептору перевода или нерелевантно в условиях данного контекста:

Jane used to drive to market with her mother in their La Sane convertible. – Джейн ездила со своей матерью на рынок в их машине.

He showed us his old beat-up Navaho blanket. – Он нам показал свое потрепанное индейское одеяло.

Более общее обозначение может быть предпочтительным и по стилистическим причинам. В художественных произведениях на русском языке не принято с пунктуальной точностью указывать рост и вес персонажей, если это не связано со спортивными соображениями, и сочетание *a young man of 6 feet 2 inches* в английском оригинале будет заменено в русском переводе на *молодой человек высокого роста*.

Порой переводчик имеет возможность выбирать между более конкретным и более общим вариантом перевода и оказывает предпочтение последнему:

Then this girl gets killed, because she's always speeding. – А потом эта девушка гибнет, потому что она вечно нарушает правила. (Ср. более "технический" вариант: она вечно превышает скорость.)

"Who won the game?" I said. "It's only the half." – А кто выиграл? – спрашиваю. – Еще не кончилось. (Ср. "более спортивное": Это же только первый тайм.)

Методом генерализации могут создаваться и регулярные соответствия единицам ИЯ: *foot* – нога; *wrist watch* – наручные часы и т.д.

Модуляцией или **смысловым развитием** называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Наиболее часто значения соотнесенных слов в оригинале и переводе оказываются при этом связанными причинно-следственными отношениями: *I don't blame them. – Я их понимаю.* (Причина заменена следствием: я их не виню потому, что я их понимаю). *He's dead now. – Он умер.* (Он умер, стало быть, он сейчас мертв.) *He always made you say everything twice. – Он всегда переспрашивал.* (Вы были вынуждены повторять сказанное, потому что он вас переспрашивал.) При использовании метода модуляции причинно-следственные отношения часто имеют более широкий характер, но логическая связь между двумя наименованиями всегда сохраняется:

Manson slung his bag up and climbed into the battered gig behind a tall, angular black horse. (A. Cronin) – Мэнсон поставил свой чемодан и влез в расхлябанную двуколку, запряженную крупной костлявой черной лошастью.

Контекстуальная замена здесь явно необходима, особенно при переводе сочетания *behind a horse*, поскольку по-русски нельзя сказать: *Он сел в телегу позади лошади*. Перевод *slung his bag up* через *поставил свой чемодан*, *behind a horse* через *запряженную лошастью* и *angular* через *костлявая* осуществлен с помощью модуляции, хотя трудно точно определить, какова связь между соответствующими понятиями в оригинале и переводе.

В следующем примере эта связь более явная, но и здесь это скорее не "потому что", а "поскольку, постольку":

He would cheer up somehow, begin to laugh again and draw skeletons all over his slate, before his eyes were dry. – Он снова приободрялся, начинал смеяться и рисовал на своей грифельной доске разные фигурки, хотя глаза его еще были полны слез.

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) – способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ПЯ. Этот тип "нулевой" трансформации применяется в тех случаях, когда в ИЯ и ПЯ существуют параллельные синтаксические структуры. Синтаксическое уподобление может приводить к полному соответствию количества языковых единиц и порядка их расположения в оригинале и переводе:

I always remember his words. – Я всегда помню его слова.

Как правило, однако, применение синтаксического уподобления сопровождается некоторыми изменениями структурных компонентов. При переводе с английского языка на русский, например, могут опускаться артикли, глаголы-связки, иные служебные элементы, а также происходить изменения морфологических форм и некоторых лексических единиц:

One of the greatest events in the period following World War and the Russian Revolution, and closely connected with them both was the growth of the world Communist movement. – Одним из важнейших событий периода,

последовавшего первой мировой войной и социалистической революцией России, событием, тесно связанным с войной и революцией был рост коммунистического движения во всем мире.

При переводе этого предложения опущены артикли, опущены или добавлены некоторые предлоги, изменены морфологические формы слов, использованы некоторые слова, не имеющие прямого соответствия в английском тексте. Переводчик повторил слово *событие*, добавил слово *социалистическая*, заменил словосочетание *с ними обеими* более благозвучным *с войной и революцией*. Все эти изменения не затрагивают основной структуры предложения, которая передается с помощью аналогичной русской структуры, сохраняя одинаковый набор членов предложения и последовательность их расположения в тексте. Синтаксическое уподобление широко используется в англо-русских переводах. Изменение структуры предложения при переводе объясняется, как правило, невозможностью обеспечить эквивалентность перевода путем дословного перевода.

Членение предложения – это способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры ПЯ. Трансформация членения приводит либо к преобразованию простого предложения ИЯ в сложное предложение ПЯ, либо к преобразованию простого или сложного предложения ИЯ в два или более самостоятельных предложения в ПЯ:

The annual surveys of the Labour Government were not discussed with the workers at any stage, but only with the employers. – Ежегодные обзоры лейбористского правительства не обсуждались среди рабочих ни на каком этапе. Они обсуждались только с предпринимателями.

Both engine crews leaped to safety from a collision between a parcels tram and a freight train near Morris Cowley, Oxfordshire. – Вблизи станции Моррис Коули в графстве Оксфордшир произошло столкновение почтового и товарного поездов. Члены обеих поездных бригад остались невредимы, спрыгнув на ходу с поезда.

В первом примере выделение последней части английского высказывания в отдельное предложение в переводе позволяет четко выразить имеющееся в оригинале противопоставление. Во втором примере трансформация членения дала возможность передать значение трудного для перевода английского сочетания *leaped to safety* и

обеспечить более естественную для русского языка последовательность описания событий (сначала произошло столкновение, а потом удалось спастись членам бригады).

A claim for a substantial wage increase and improved conditions for about 70,000 municipal busmen in the provinces was yesterday referred to a joint wages committee of the unions and employers which will meet on January 12. – Около 70,000 водителей автобусов, находящихся в ведении провинциальных муниципалитетов, потребовали значительного увеличения заработной платы и улучшения условий труда. Вчера это требование было передано в совместную комиссию по вопросам заработной платы, в которой представлены как профсоюзы, так и работодатели. Комиссия будет рассматривать это требование на своем заседании 12-го января.

Нам уже известно, что для английских газетно-информационных сообщений характерно стремление вместить в рамки одного предложения как можно больше информации путем усложнения его структуры. Для стиля русской прессы более характерно стремление к относительной краткости предложений, содержащих информационные материалы.

Объединение предложений – это способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное. Эта трансформация – обратная по сравнению с предыдущей:

That was a long time ago. It seemed like fifty years ago. – Это было давно – казалось, что прошло лет пятьдесят.

The only thing that worried me was our front door. It creak like a bastard. – Одно меня беспокоило – наша парадная дверь скрипит как оголтелая.

Нередко применение трансформации объединения связано с перераспределением предикативных синтагм между соседними предложениями, т.е. происходит одновременное использование объединения и членения – одно предложение разбивается на две части, и одна из его частей объединяется с другим предложением:

But occasionally an indiscretion takes place, such as that of Mr. Woodrow Wyatt, Labour MP, when Financial Secretary to the War Office. He boasted of the prowess of British spies in obtaining information regarding armed forces of

the USSR. – Однако по временам допускается нескромность. Так, например, лейборист, член парламента Вудро Уайтт в бытность свою финансовым секретарем военного министерства хвастался ловкостью, проявленной английскими шпионами в деле получения сведений о вооруженных силах СССР.

Грамматические замены – это способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением. Замена может подвергаться грамматическая единица ИЯ любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа. Понятно, что при переводе всегда происходит замена форм ИЯ на формы ПЯ. Грамматическая замена как особый способ перевода подразумевает не просто употребление в переводе форм ИЯ, а отказ от использования форм ИЯ, аналогичных исходным, замену таких форм на иные, отличающиеся от них по выражаемому содержанию (грамматическому значению). Так, в английском и русском языке существуют формы единственного и множественного числа, и, как правило, соотнесенные существительные в оригинале и в переводе употреблены в том же самом числе, за исключением случаев, когда форме единственного числа в английском соответствует форма множественного числа в русском (*money – деньги; ink – чернила* и т.п.) или наоборот английскому множественному соответствует русское единственное (*struggles – борьба; outskirts – окраина* и т.п.). Но в определенных условиях замена формы числа в процессе перевода может применяться как средство создания окказионального соответствия:

We are searching for talent everywhere. – Мы повсюду ищем таланты.

The invaders resorted to violence and atrocity to crush the resistance of the native population. – Захватчики прибегли к насилию и зверствам, чтобы подавить сопротивление коренного населения.

They left the room with their heads held high. – Они вышли из комнаты с высоко поднятой головой.

Весьма распространенным видом грамматической замены в процессе перевода является замена части речи. Для англо-русских переводов наиболее характерны замены существительного глаголом и прилагательного существительным. В английском языке имена деятелей (обычно с суффиксом *-er*) широко употребляются не только для обозначения лиц определенной профессии (ср. русские имена *писатель, художник, певец,*

танцор и др.), но и для характеристики действий "непрофессионалов". Значения таких существительных регулярно передаются в переводе с помощью русских глаголов:

He is a poor swimmer. – Он плохо плавает.

She is no good as a letter-writer. – Она не умеет писать письма.

I am a very rapid packer. – Я очень быстро укладываюсь.

Как видно из примеров, замена существительного глаголом часто сопровождается заменой прилагательного при этом существительном на русское наречие. Глаголом часто заменяются и отглагольные существительные другого типа:

It is our hope, that an agreement will be reached by Friday. – Мы надеемся, что к пятнице будет достигнуто соглашение.

Английские прилагательные, заменяемые русскими существительными, наиболее часто образованы от географических названий:

Australian prosperity was followed by a slump. – За экономическим процветанием Австралии последовал кризис.

Ср. также *the British Government* – правительство Великобритании; *the American decision* – решение США; *the Congolese Embassy* – посольство Конго и пр. Нередко также подобная замена применяется в отношении английских прилагательных в сравнительной степени со значением увеличения или уменьшения объема, размера или степени:

The stoppage which is in support of higher pay and shorter working hours, began on Monday. – Забастовка в поддержку требований о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня началась в понедельник.

Замена членов предложения приводит к перестройке его синтаксической структуры. Такого рода перестройка происходит и в ряде случаев при замене части речи. Например, в приведенных выше примерах замена существительного глаголом сопровождалась заменой определения обстоятельством. Более существенная перестройка синтаксической структуры связана с заменой главных членов предложения, особенно подлежащего. В англо-русских переводах использование подобных замен в значительной степени

обусловлено тем, что в английском языке чаще, чем в русском, подлежащее выполняет иные функции, нежели обозначения субъекта действия, например,

объекта действия (подлежащее заменяется дополнением):

Visitors are requested to leave their coats in the cloak-room. – Посетителей просят оставлять верхнюю одежду в гардеробе.

обозначения времени (подлежащее заменяется обстоятельством времени):

The last week saw an intensification of diplomatic activity. – На прошлой неделе наблюдалась активизация дипломатической деятельности.

обозначения пространства (подлежащее заменяется обстоятельством места):

The little town of Clay Cross today witnessed a massive demonstration. – Сегодня в небольшом городке Клей-Кросс состоялась массовая демонстрация.

обозначения причины (подлежащее заменяется обстоятельством причины):

The crash killed 20 people. – В результате катастрофы погибло 20 человек.

Замена типа предложения приводит к синтаксической перестройке, сходной с преобразованиями при использовании трансформации членения или объединения. В процессе перевода сложное предложение может заменяться простым (*It was so dark that I could not see her. – Я ее не мог видеть в такой темноте.*); главное предложение может заменяться придаточным и наоборот (*While I was eating my eggs, these two nuns with suitcases came in. – Я ел яичницу, когда вошли эти две монахини с чемоданами.*); сложноподчиненное предложение может заменяться сложносочиненным и наоборот (*I didn't sleep too long, because I think it was only around ten o'clock when I woke up. I felt pretty hungry as soon as I had a cigarette. – Спал я недолго, было часов десять, когда я проснулся. Выкурил сигарету и сразу почувствовал, как я проголодался.*); сложное предложение с союзной связью может заменяться предложением с бессоюзным способом связи и наоборот (*It was as hot as hell and the windows were all steamy. – Жара была адская, все окна запотели. Had the decision been taken in time, this would never have happened. – Если бы решение было принято своевременно, это никогда бы не произошло.*).

Антонимический перевод – это лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением:

Nothing changed in my home town. – Все осталось прежним в моем родном городе.

В англо-русских переводах эта трансформация применяется особенно часто, когда в оригинале отрицательная форма употреблена со словом, имеющим отрицательный префикс:

She is not unworthy of your attention. – Она вполне заслуживает вашего внимания.

Сюда относится и употребление отрицательной формы с отрицательными союзами *until* и *unless*:

The United States did not enter the war until April 1917. – Соединенные Штаты вступили в войну только в апреле 1917 г.

Additional expenditures shall not be made unless authorized. – Дополнительные расходы должны производиться лишь с особого разрешения.

В рамках антонимического перевода единица ИЯ может заменяться не только прямо противоположной единицей ПЯ, но и другими словами и сочетаниями, выражающими противоположную мысль:

The railroad unions excluded negroes from their membership. – Профсоюзы железнодорожников не принимали в свои ряды негров.

Следует учитывать, что отрицание может выражаться и другими средствами, например, при помощи союза *without*:

He never came home without bringing something for the kids. – Приходя домой, он всегда приносил что-нибудь детям.

Применение антонимического перевода нередко сочетается с использованием иных трансформаций (лексических или грамматических):

Their house had no screen doors. – Двери у них были сплошные. (Замена отрицательной формы на утвердительную сопровождается модуляцией значения сочетания *screen doors*.)

The people are not slow in learning the truth. – Люди быстро узнают правду. (Антонимический перевод сопровождается заменой части речи – прилагательного на наречие.)

Экспликация или **описательный перевод** – это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на ПЯ. С помощью экспликации можно передать значение любого безэквивалентного слова в оригинале: *conservationist* – *сторонник охраны окружающей среды*; *whistle-stop speech* – *выступления кандидата в ходе предвыборной агитационной поездки*. Недостатком описательного перевода является его громоздкость и многословность. Поэтому наиболее успешно этот способ перевода применяется в тех случаях, где можно обойтись сравнительно кратким объяснением:

Car owners from the midway towns ran a shuttle service for parents visiting the children injured in the accident. – Владельцы автомашин из городов, лежащих между этими двумя пунктами, непрерывно привозили и отвозили родителей, которые навещали своих детей, пострадавших во время крушения.

Компенсация – это способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. Таким образом, восполняется ("компенсируется") утраченный смысл, и, в целом, содержание оригинала воспроизводится с большей полнотой. При этом нередко грамматические средства оригинала заменяются лексическими и наоборот. Героиня романа У. Теккерея "Ярмарка тщеславия" следующим образом описывает невежество своего хозяина, сэра Питта Кроули:

"Serve him right," said Sir Pitt; "him and his family has been cheating me on that farm these hundred and fifty years". Sir Pitt might have said, he and his family to be sure; but rich baronets do not need to be careful about grammar as poor governesses must be.

Неправильное употребление формы местоимения третьего лица в оригинале играет важную коммуникативную роль и должно быть как-то отражено в переводе. Но попытка воспроизвести такую неправильность в русском языке явно невозможна. В то же время утраченный элемент смысла может быть успешно компенсирован, если нелитературная речь сэра Питта будет воспроизведена с помощью иных (лексических) средств русского языка:

"Он со своей семейкой облапошивал меня на этой ферме целых полтора года!"... Сэр Питт мог бы, конечно, выражаться поделикатнее, но богатым баронетам не приходится особенно стесняться в выражениях, не то что нам, бедным гувернанткам.

Некоторые особенности английского просторечия нельзя передать на русский язык никакими иными средствами, кроме компенсации, например, добавление или опущение гласных или согласных звуков (*a-singing, a-going, hit* вместо *'it, 'appen* и пр.), отсутствие согласования между подлежащим и сказуемым (*I was, you was* и пр.) или какое-либо иное нарушение грамматических правил. Иногда такая компенсация достигается относительно простым способом. В пьесе Б. Шоу "Пигмалион" Элиза говорит: *I'm nothing to you – not so much as them slippers*. Хиггинс поправляет ее: *those slippers*. Разницу между *them* и *those* трудно воспроизвести в переводе. Но эту "утрату" легко компенсировать, обыграв неправильную форму родительного падежа *туфли*. В переводе Элиза скажет: *Я для вас ничто, хуже вот этих туфель*, а Хиггинс поправит ее: *туфель*. В других случаях для решения задачи придется использовать единицы ПЯ, не имеющие соответствий в оригинале:

You could tell he was very ashamed of his parents and all, because they said "he don't" and "she don't" and stuff like that. – Было видно, что он стесняется своих родителей, потому что они говорили "хочут" и "хочете" и все в таком роде.

Во всех случаях в языке перевода подыскивается какое-либо средство, передающее утраченный элемент содержания оригинала.

ТЕХНИКА ПЕРЕВОДА

Описание процесса перевода с помощью теоретических моделей и набора переводческих трансформаций является в значительной степени условным и не ставит перед собой цель всесторонне охарактеризовать реальные действия переводчика при решении многочисленных переводческих задач. Такое описание указывает лишь на наиболее общие лингвистические особенности процесса перевода, на характер отношений между текстами оригинала и перевода в целом и между отдельными единицами этих текстов, представляя эти отношения как результат определенных лингвистических преобразований. Такие преобразования могут рассматриваться как способы перевода, и переводчик может их сознательно воспроизводить, отыскивая оптимальный вариант перевода, но это лишь частный случай в сложной мыслительной деятельности переводчика.

Собственно лингвистическое изображение процесса перевода может быть дополнено психолингвистическим описанием перевода с позиций самого переводчика. В этом случае конечная цель заключается в раскрытии реальной стратегии поведения переводчика в процессе перевода, самой техники осуществления этого процесса. С точки зрения поведения переводчика перевод представляет собой эвристический процесс, в ходе которого переводчик решает ряд творческих задач, используя некоторую совокупность технических приемов.

Как правило, речевая коммуникация, в том числе и межъязыковая, осуществляется путем создания Источником речевого произведения текста, состоящего из ряда высказываний, связанных по смыслу. Текст составляет широкий контекст, в котором реализуются значения всех языковых единиц, употребляемых в речи, и именно текст оригинала является объектом деятельности переводчика. Перевод отдельного высказывания или какой-либо его части будет правильным лишь в том случае, если он будет сделан с учетом места данного высказывания в тексте, его смысловых связей с другими единицами текста.

Реальный процесс перевода разворачивается во времени, и, если переводимый текст представляет собой более или менее длинный ряд сообщений, его перевод не может быть осуществлен сразу, в виде единого акта. Переводчик делит текст на отдельные отрезки и приступает к переводу очередного отрезка после завершения перевода отрезка

предыдущего. Величина такого отрезка неодинакова для разных языков и отдельных видов перевода. В большинстве случаев подобной минимальной единицей переводческого процесса будет одно высказывание (конкретное предложение) в тексте. Даже тогда, когда в пределах отдельного высказывания нет достаточной информации для выбора варианта перевода и для этого требуется знакомство с содержанием других частей текста, переводчик не приступает к переводу следующей единицы, пока не закончит перевод данного высказывания. Исключение составляет применение приема объединения предложений, при использовании которого переводчик одновременно переводит два соседних высказывания:

One of the fundamental aspects of the greatly strengthened United States imperialism following World War I was its tightening grip upon the other countries of the Western hemisphere. This was especially the case in Latin America. – Одним из основных проявлений значительного роста сил империализма США после первой мировой войны было усиление его власти над остальными странами западного полушария, особенно над государствами Латинской Америки.

Иначе обстоит дело в устном переводе. С одной стороны, при последовательном переводе переводчик может начинать переводить, удерживая в памяти несколько высказываний, перевод которых и составит отдельную "порцию" переводческого процесса, включающую несколько минимальных единиц перевода. С другой стороны, при синхронном переводе требуется создавать текст перевода одновременно с поступлением к переводчику текста оригинала, и поэтому переводчик стремится начать перевод, как только он получил информацию в пределах смысловой группы. Величина единицы процесса перевода определяется здесь отрезком высказывания, обладающим относительно самостоятельным смыслом и позволяющим переводчику выбрать структуру предложения в переводе. Однако и в синхронном переводе минимальной единицей переводческого процесса нередко оказывается целое высказывание, особенно если в конце его находятся элементы, существенные для понимания всего сообщения.

В процессе перевода переводчик постоянно сопоставляет единицы ИЯ и ПЯ, отрезки оригинала и соответствующие им отрезки текста перевода, переключаясь с одного языка на другой. Вся совокупность речевых действий переводчика может быть разделена на действия с использованием ИЯ и действия на основе ПЯ. Используя ИЯ, переводчик осуществляет понимание текста оригинала, с помощью ПЯ он создает текст перевода.

Таким образом в действиях переводчика можно обнаружить два взаимосвязанных этапа переводческого процесса, которые отличаются характером речевых действий. К первому такому этапу будут относиться действия переводчика, связанные с извлечением информации из оригинала. Ко второму – вся процедура выбора необходимых средств в ПЯ при создании текста перевода.

Этап извлечения информации из оригинала обычно называют "уяснением значения". На этом этапе переводчик должен получить информацию, содержащуюся как в самом переводимом отрезке оригинала, так и в лингвистическом и ситуативном контексте, и на основе этой информации сделать необходимые выводы о содержании, которое ему предстоит воспроизвести на следующем этапе. Содержание переводимого текста часто представляет собой сложный информационный комплекс, понимание которого требует от Рецептора значительной мыслительной "работы". Эта работа должна быть выполнена и переводчиком, выступающим на первом этапе переводческого акта в качестве Рецептора текста оригинала.

В определенном отношении понимание оригинала переводчиком – это особое понимание, отличающееся от понимания того же текста Рецептором, воспринимающим его без намерения переводить. Понимание, ориентированное на перевод, отличают две характерные особенности: обязательность окончательного вывода о содержании переводимого отрезка и обусловленность структурой ПЯ. "Обычный" Рецептор может порой довольствоваться приблизительным пониманием отдельных элементов текста. Напротив, переводчик должен точно определить, какое содержание он будет передавать в переводе. Для понимания высказывания *it is important to get clear which are the structural and institutional impediments that prevent Britain from making the best use of its resources* английскому Рецептору нет необходимости уточнять значение слова *institutional*. Оно является производным от слова *institution*, и для общего понимания значения *institutional* в данном тексте можно не уточнять, с каким именно значением *institution* оно связано (*учреждение, общество, общественный институт* и пр.). Можно предположить, что здесь имеется в виду вся совокупность обычаев, законов, учреждений и общественных институтов Англии, влияющих на эффективность ее экономики. Но для переводчика такого общего понимания недостаточно, поскольку он должен воспроизвести не общее представление о содержании слова, а его конкретное значение в тексте. Поэтому ему придется выбрать одно из возможных толкований (организационные, социальные, традиционные и прочие барьеры).

Переводя следующее предложение, переводчик также столкнется с целым рядом проблем, которые для "обычного" Рецептора нерелевантны:

Since F.D. Roosevelt was bolted and frustrated by the right and adopted by the left, his political ego was enlisted in support of the popular view.

Здесь переводчику придется решать, какие реальные отношения выражены глаголами *bolted*, *frustrated* и *adopted*, что конкретно обозначает *his political ego* – личность, систему взглядов или политические симпатии Рузвельта и т.д.

"Окончательными" должны быть и выводы переводчика о синтаксической структуре оригинала. Если эта структура может анализироваться двояким образом, переводчику придется решать, из какого толкования он будет исходить при уяснении содержания оригинала:

The level of future supplies depends on the farmers' decisions taken well in advance and not always on the best information and advice.

Формально, структура данного высказывания интерпретируется по-разному в зависимости от того, какая роль приписывается второму предлогу *on*. Если его рассматривать как выразителя связи управления глагола *to depend*, наряду с таким же предлогом в первой части предложения, то получится, что уровень будущих поставок зависит от решений, принятых фермерами, а не от самой правильной информации и советов. Если же второй предлог *on* интерпретируется как часть сочетания *to take a decision on the best of information*, то в сообщении будет выражена мысль, что будущие поставки зависят от решений фермеров, принятых на много лет вперед и "не всегда на основе правильной информации и разумных советов".

В следующем примере также возможна двоякая интерпретация синтаксических связей между членами предложения:

Many remedies are suggested for the avoidance of worry and mental overstrain by the people who have to bear exceptional responsibilities for a long period of time or to perform duties on a large scale.

Сочетание *by the people* может быть истолковано либо как выразитель субъекта действия при форме пассивного залога глагола *to suggest*, либо как наименование объекта действия, выраженного отглагольным существительным *avoidance*. В первом случае в

переводе будет говориться о средствах, предложенных людьми, занимающими ответственные посты, а во втором – о рекомендациях, предложенных другими людьми, но направленных на то, чтобы дать возможность ответственным руководителям избежать чрезмерных волнений и умственного перенапряжения. В любом случае переводчик должен принять окончательное решение.

Дополнительные сведения, которые оказываются нужными переводчику, в отличие от "обычного" Рецептора, во многом обуславливаются системой ПЯ. Для последующего выбора между синонимичными средствами в языке перевода переводчик вынужден искать в оригинале указания на информацию, несущественную для акта коммуникации, осуществленного с помощью ИЯ. Английский Рецептор, прочитав предложение *The Foreign Secretary will make another voyage to Washington*, не нуждается в какой-либо дополнительной информации, чтобы понять содержание этого сообщения. А переводчику на русский язык надо будет еще выяснить, как относится автор сообщения к визиту английского министра в Вашингтон, так как без этого нельзя будет сделать обоснованный выбор между нейтральным *совершит еще одну поездку* и осуждающим *совершит еще один вояж*.

Предложение *He had his son educated at Oxford* вполне понятно и без уточнения, исходила инициатива от отца или нет, поскольку этот вопрос возникает лишь при сопоставлении русских вариантов перевода: *Он послал своего сына учиться Оксфорд* и *Его сын получил образование в Оксфорде*.

Второй этап процесса перевода – выбор языковых средств при создании текста перевода – представляет собой речевые действия переводчика на ПЯ. Но и здесь создание переводчиком текста на ПЯ отличается от обычной речевой деятельности коммуникантов, пользующихся этим языком. Речь идет не о нарушении норм языка перевода под влияние структуры языка оригинала, а об особенностях, связанных с вторичностью содержания перевода. Стремление к эквивалентной передаче содержания оригинала не может не накладывать известных ограничений на использование средств ПЯ. Переводы будут отличаться от оригинальных текстов более частым использованием структур, аналогичным структурам ИЯ, большим числом искусственно создаваемых единиц (соответствия, заимствования и кальки), отображающих формальные признаки иноязычных единиц, большим числом лексических единиц, воспроизводящих содержание часто применяемых слов ИЯ. В англо-русских переводах герои *клянутся Святым Гео*; *организуют тач-ины*, и т.д. Значительно реже, чем в оригинальных русских текстах,

появляются слова, не имеющие соответствий английском языке (*барбос, безлюдье, даль, ежовый, исстари* т.п.). Если в английском оригинале всегда вместо *пять суток* будет стоять *пять дней*, то и переводчику не будет надобности переводить *five days* как *пять суток*. Если в ИЯ формула *историческое настоящее* неупотребительна или употребляется сравнительно редко, то в переводе на русский язык эта формула будет встречаться реже, чем в оригинальных русских произведениях. В результате многочисленных актов перевода в ПЯ образуется своеобразная подсистема средств, наиболее близкая соответствующей системе средств определенного ИЯ и регулярно используемая переводчиками в переводах с данного языка.

В процессе перевода оба указанных этапа тесно связаны между собой. В поисках варианта перевода переводчик вновь и вновь обращается к единицам ИЯ в оригинале, ищет в словаре их значения и одновременно пробует, нельзя ли использовать для их перевода один из вариантов, предлагаемых в двуязычном словаре. Техника работы со словарем составляет важную часть действий переводчика в процессе перевода.

Иногда переводчик обнаруживает, что имеющийся в словаре перевод можно непосредственно использовать для перевода данного текста, и задача сводится к правильному выбору словарного соответствия. Однако чаще переводчик не находит в словаре такого варианта, который удовлетворяет условиям конкретного контекста. В этом случае переводчик отыскивает нужную ему единицу ПЯ, сопоставляя словарные варианты, определяя общий смысл переводимого слова и применяя его к условиям контекста. Предположим, что переводчик переводит на русский язык следующую английскую фразу:

The United States worked out a formula which later came to be known as dollar diplomacy.

БАРС предлагает четыре перевода слова *formula*: *формула, рецепт, догмат* и *шаблон*, ни один из которых не может быть прямо перенесен в перевод данного высказывания. Но переводчик может все же использовать словарные варианты следующим образом:

- 1) найти по данным словаря общее значение английского слова: *формула, рецепт* и пр. – руководство к действию;

2) перенести найденное значение в конкретную обстановку (в нашем примере – это сфера политической жизни): руководство к действию в политическом языке – это *программа, платформа, доктрина*.

Отсюда перевод:

США выработали политическую программу, которая затем стала называться "долларовой дипломатией".

Отнюдь не всегда существует возможность или необходимость отыскивать в процессе перевода общее значение переводимого слова:

In a few days' time this war criminal will be writing articles demanding that the German Army be praised and not blamed for its attitude in the last war.

Ни один из вариантов, которые англо-русский словарь предлагает для перевода слова *attitude*, не может быть использован в данном предложении. Но на основе первого словарного значения слова *позиция, отношение* нетрудно отыскать необходимый вариант перевода. *Позиция, отношение* армии во время войны – это, несомненно, ее *поведение, деятельность, действия*:

Через несколько дней этот военный преступник уже будет строчить статьи о том, что действия германской армии в последней войне достойны не осуждения, а всяческих похвал.

Особенно осторожно действует переводчик, когда в словарной статье дается лишь один вариант перевода. Он учитывает, что это отнюдь не обязательно означает наличие у переводимого слова единичного соответствия или отсутствие у этого слова иных значений. И в данном случае словарь служит лишь отправным пунктом для поисков необходимого способа перевода слова в контексте:

The Tory leaders, skilful opportunists that they are, immediately changed the tune and began to pose as great champions of peace.

БАРС предлагает для перевода английского *opportunist* единственное соответствие – *оппортунист*, которое явно не подходит для объяснения попыток лидеров консерваторов выдать себя за поборников мира. Слово *opportunism* в английском языке называет не только известное идейно-политическое течение в рядах социал-демократии, но и любое

приспособленчество, беспринципность, готовность идти на любые компромиссы во имя конкретных выгод или преимуществ. Отсюда перевод:

Лидеры консерваторов, эти опытные политические приспособленцы, быстро сменили пластинку и начали выдавать себя за поборников мира.

Важной частью описания второго этапа переводческого процесса является раскрытие стратегии поведения переводчика при выборе варианта перевода. Осуществляя перевод, переводчику постоянно приходится оценивать относительную важность отдельных элементов текста, обеспечивающих построение грамматически и семантически правильного высказывания. Выбор варианта, связанного с наименьшими потерями, составляет важнейшую часть творческого акта перевода. Рассмотрим некоторые проблемы, решаемые переводчиком при переводе следующего английского предложения:

The United States are confronted in world affairs with an increasing number of nations that are violently ambitious in their desires to raise their living standards.

Предположим, переводчик решил сохранить при переводе синтаксическую структуру высказывания и порядок следования его элементов. Перевод предикативного словосочетания не вызовет сколько-нибудь значительных потерь, поскольку можно будет использовать вполне эквивалентные соответствия: *Соединенные Штаты сталкиваются...* Однако далее уже приходится чем-то жертвовать, так как *в мировых делах* семантически и стилистически мало удовлетворительно. Лучше, пожалуй, *в международных делах*. А, может быть, отказаться от передачи значения английского *affairs* и дать привычное русское сочетание *на международной арене*? Или все же оставить *США сталкиваются в международных делах...*? Следующая группа слов оригинала может быть передана сочетанием *с увеличивающимся числом наций (стран? государств?)*. Пожалуй, *число* не *увеличивается*, а *растет*. Итак, *США сталкиваются с растущим числом стран*? А, может быть, осуществить замену части речи и выбрать вариант *США сталкиваются с ростом числа стран*? А что делать с сочетанием *violently ambitious in their desires*? Нельзя же перевести *яростно честолюбивы в своих желаниях повысить уровень жизни*. Может быть, истолковать *честолюбивы в своих желаниях повысить* как *стремятся резко повысить*? Ведь честолюбие означает стремление к достижению какой-то трудной цели. А *яростно стремятся* – оставить? Или отказаться от *яростно* и выбрать *всеми силами стремятся* или *горячо стремятся*? В каком случае

потери будут меньше? Подобные попытки раскрыть ход мыслей переводчика в процессе перевода всегда несколько условны, но они хорошо демонстрируют сложность выбора варианта перевода даже относительно простого и ясного по смыслу иноязычного высказывания.

Конкретная стратегия переводчика и технические приемы, применяемые им в процессе перевода, во многом зависят от соотношения ИЯ и ПЯ и характера решаемой переводческой задачи. В основе переводческой стратегии лежит ряд принципиальных установок, из которых сознательно или бессознательно исходит переводчик. Они кажутся самоочевидными, хотя по-разному реализуются в конкретных условиях переводческого акта. Прежде всего предполагается, что в процессе перевода понимание оригинала всегда предшествует его переводу не только в качестве двух последовательных этапов, но и как обязательное условие осуществления переводческого процесса. Иными словами, переводчик может перевести лишь то, что он понял. Эта установка осуществляется не вполне последовательно, поскольку, с одной стороны, само понимание может быть разной степени, а, с другой стороны, в исключительных случаях переводчик может использовать в переводе единичное соответствие, не будучи уверен, что означает переводимый специальный термин. Кроме того, оригинал может включать высказывания, намеренно лишённые смысла, вплоть до бессмысленных "абсурдных" текстов значительных размеров. "Слова-перевертыши", лишённые смысла, но связанные с реально существующими значимыми языковыми единицами, переводятся аналогичными образованиями на ПЯ. Примером могут служить переводы на русский язык известной баллады Л. Кэрролла "Jabberwocky":

'Twas brillig, and the stithy toves did gyre and gamble in the wabe; all mimsy were the borogoves, and the mome raths outgrabe. – Варкалось. Хливые шорьки пырялись по наве и хрюкотали зелюки, как мюмзики в мове. (Пер. Д. Орловской)

Произведения "литературы абсурда", как правило, не подлежат переводу. В этих случаях указанный принцип дополняется оговоркой, что то, что бессмысленно или неясно в оригинале, должно остаться таковым и в переводе. Однако в общем виде правило "не понимаю – не перевожу" сохраняет свою силу.

Второй принцип, определяющий стратегию переводчика, обычно формулируется как требование "переводить смысл, а не букву оригинала" и подразумевает недопустимость

слепого копирования формы оригинала. Формулировка не вполне точная, поскольку перевод всегда является содержательной операцией: воспроизводить на другом языке можно лишь содержание оригинала, а буква или иноязычная языковая форма может воспроизводиться лишь в особых случаях (при транскрипции или транслитерации) и при условии, что заимствованная форма передает в тексте перевода необходимое содержание. Что же касается таких элементов формы оригинала, которые определяют организацию содержания, количество и последовательность его частей, то воспроизведение подобных структурных элементов весьма желательно и в большей или меньшей степени достигается в любом переводе. Фактически установка на "смысл, а не на букву" означает необходимость правильной интерпретации значения языковых единиц в контексте, т.е. требование не довольствоваться тем мнимым смыслом, который связан лишь с наиболее употребительными значениями этих единиц. Когда переводчик переводит на русский язык английское высказывание *He is a regular ass* как *Он регулярный осел*, то он все равно передает не букву, а значение слова *regular*, но не то значение, которое оно имеет в данном высказывании. Влияние "буквы" сказывается в том, что форма *regular* способствует выбору русского *регулярный*, обладающего иным содержанием.

Третий принцип переводческой стратегии заключается в том, что переводчик различает в содержании переводческого текста относительно более и менее важные элементы смысла. Предполагается, что переводчик стремится как можно полнее передать все содержание оригинала и там, где это возможно, осуществляет "прямой перевод", используя аналогичные синтаксические структуры и ближайшие соответствия лексическим единицам оригинала. Но при этом отнюдь не все в содержании оригинала является для переводчика равноценным. Он способен распределять части этого содержания по степени их важности для данного акта коммуникации и в случае необходимости может пожертвовать менее важным элементом смысла, чтобы успешнее воспроизвести более важный элемент. Подчас в переводе не удастся одновременно воспроизвести предметно-логический и коннотативный компоненты содержания оригинала, и переводчику приходится выбирать между ними:

The other shoe has been dropped by the company in its push into the computers market. – Компания сделала еще один шаг в борьбе за рынки сбыта компьютеров.

При переводе этого предложения из научно-технического текста переводчик отказался от передачи коннотативного компонента содержания оригинала, поскольку это

приводило к неприемлемому варианту, затрудняющему понимание сути дела (*Компания сняла еще один ботинок*). А в следующем примере переводчик, напротив, предпочел сохранить коннотативное значение, отказавшись от использования ближайшего соответствия:

The weight penalty of the automatic unit to the traditional gear box must be small. – Вынужденное увеличение веса автоматической коробки передач, по сравнению с используемой в настоящее время, должно быть небольшим.

В переводе не использовано прямое русское соответствие английскому слову *penalty*, но сохранена его отрицательная эмоциональная характеристика.

Наиболее важным (доминантным) элементом содержания может оказаться и внутрилингвистическое значение языковых единиц. Так, игра слов в оригинале может основываться на одновременной реализации в контексте двух значений многозначного слова или значений двух слов-омонимов. В этом случае доминантным смысловым элементом становится наличие формальной связи общего или сходного плана выражения между реализуемыми значениями. Эта связь производится в переводе для сохранения игры слов:

"Can you herd sheep?" "Do you mean have I heard sheep?" (O. Henry) – А не можете ли выпастить овец? – Не могу ли я спасти овец?

Переводчик попытался передать одинаковое звучание английских слов *herd* и *heard* созвучием русских слов *пастить* – *спасти*.

Коммуникативно важными могут оказаться и отдельные элементы плана выражения оригинала. В романе Дж. Брэйна "Место наверху" герой, проклиная ненавистный ему город, награждает его рядом отрицательных эпитетов, начинающихся той же буквой, что и название города. Именно эта аллитерация и является средством, при помощи которого он пытается выразить свои чувства:

"Dead Dufton," I muttered to myself. "Dirty Dufton, Drear Dufton, Despicable Dufton" – then stopped.

Для воспроизведения подобного эффекта в переводе придется отказаться от поисков близких по значению эпитетов. Эквивалентным будет любое нелестное русское слово, начинающееся с буквы "д":

Душный Дафтон, – бормотал я себе под нос. – Допотопный Дафтон, Дрянной Дафтон, Дохлый Дафтон... – и умолк. (Пер. Т. Кудрявцевой и Т. Озерской)

Умение определить смысловую доминанту, наиболее важную часть содержания переводимого высказывания, составляет важнейшую часть профессионального мастерства переводчика.

Четвертый стратегический принцип переводчика заключается в постулате, что значение целого важнее значения отдельных частей, что можно пожертвовать отдельными деталями ради правильной передачи целого. Фактически это убеждение отражает тот факт, что компоненты содержания высказывания, которые сохраняются в первых трех типах эквивалентности, выражаются не отдельными частями высказывания, а всей совокупностью составляющих его элементов. Эти компоненты содержания являются коммуникативно наиболее важными, и примат целого над частью находит свое выражение в замене языковых средств, значения которых рассматриваются как часть содержания, для сохранения указанных компонентов (или некоторых из них), которые и представляют "значение целого":

"Isn't it nice here," she said. "All Dickensy. And look at that little waiter there with the funny quiff. He is utterly squoo." (J. Braine) – А здесь очень мило, правда? – сказала Сьюзен. – Что-то диккенсовское. Поглядите на этого маленького официанта, посмотрите, какой у него смешной чубик. Он настоящий куксик-пупсик. (Пер. Т. Кудрявцевой и Т. Озерской)

Предполагается, что все изменения в отдельных деталях этого сообщения (включая полную замену его последней части) не снижают точности перевода, поскольку сохранен смысл сообщения в целом. Утрата отдельных деталей уменьшает степень общности содержания оригинала и перевода, но не препятствует установлению эквивалентности. Примат целого над частью не означает, разумеется, что не следует передавать детали, когда это возможно, а указывает на возможность ограничиться, в случае необходимости, передачей лишь общего смысла сообщения.

Еще один постулат, лежащий в основе стратегии переводчика, гласит, что перевод должен полностью соответствовать нормам ПЯ, что переводчик должен особенно внимательно следить за полноценностью языка перевода, избегать так называемого "переводческого языка" (translate), портящего язык под влиянием иноязычных форм. В

действительности, как мы видели, язык перевода обладает определенными особенностями, по сравнению с оригинальными текстами на ПЯ, но субъективно переводчик видит свою задачу в том, чтобы "перевод звучал так, как его написал бы автор оригинала, если бы он писал на ПЯ". Поэтому переводчик считает, что перевод не должен отличаться от оригинальных текстов, и вносит в текст перевода необходимые изменения, чтобы сделать его более естественным:

The tire bumped on gravel, skeetered across the road, crashed into a bonier and popped me like a cork onto pavement. (Harper Lee). – Колесо наскочило на кучу щебня, свернуло вбок, перескочило через дорогу, с размаху стукнулось обо что-то, и я вылетел на мостовую как пробка из бутылки. (Пер. Н. Галь и Р. Облонской)

В оригинале нет ни *кучи*, ни *с размаху*, ни *бутылки* но эти добавления (как и опущение *барьера* или, точнее, какой-то преграды) помогают переводчику создать естественную русскую фразу.

Основные принципы переводческой стратегии дополняются обоснованием правомерности применения ряда технических приемов, нарушающих формальное подобие перевода оригиналу, но обеспечивающих достижение более высокого уровня эквивалентности. Наиболее общими и широко распространенными из таких приемов являются перемещение, добавление и опущение лексических единиц в процессе перевода.

Прием перемещения лексических единиц в высказывании позволяет использовать ближайшее соответствие слов оригинала в другом месте высказывания, если по каким-либо причинам (главным образом, из-за лексической сочетаемости слов в ПЯ) его нельзя употребить там, где оно стоит в оригинале:

Having corrupt alliance with the employers the AFT leaders sabotaged all efforts to organize the workers of other industries.

Английскому слову *corrupt* соответствует по значению русское слово *продажный*. Однако по-русски *продажным* может быть какой-то человек, а не *союз* или *альянс*. Поэтому дословный перевод сочетания *corrupt alliance* невозможен. Переводчик может заменить при переводе один или оба компонента этого сочетания, например, на *преступный сговор*, но значение *продажный* остается непередаваемым. Используя прием

перемещения, эпитет *продажный* можно отнести к наименованию лица в том же высказывании, т.е. к слову *лидеры*:

Вступив в преступный сговор с предпринимателями, продажные лидеры АФТ саботировали все попытки организовать профсоюз рабочих других отраслей промышленности.

Перемещение слова в предложении часто сопровождается различного рода грамматическими заменами:

Even today, after twenty centuries of Christian Enlightenment, half man's family goes hungry. – Даже сегодня после двадцати столетий просвещенного христианства половина рода человеческого голодает.

Неудовлетворенный сочетанием *христианское просвещение* (или *просвещенность*), переводчик переставил члены этого сочетания, заменив определение определяемым и наоборот.

Иногда переводчик перемещает отдельные слова из одного высказывания в другое:

I put on this hat that I'd bought in New York that morning. It was this red hunting hat, with one of those very long peaks. – Я надел красную шапку, которую утром купил в Нью-Йорке. Это была охотничья шапка с очень длинным козырьком.

Возможность такого переноса обуславливается повторением существительного *шапка*, к которому относится переставляемое прилагательное *красная*, в двух смежных предложениях.

Широкое применение в процессе перевода находит **прием лексических добавлений**. Многие элементы смысла, остающиеся в оригинале невыраженными, подразумеваемыми, должны быть выражены в переводе с помощью дополнительных лексических единиц. Имплицитное понимание требует от Рецептора знакомства с общепринятыми способами организации информации в ИЯ или особых "фоновых" знаний. У Рецептора перевода нет подобных знаний семантических особенностей текстов на ИЯ, и для него подразумеваемый смысл должен быть раскрыт переводчиком. В англо-русских переводах дополнительные элементы особенно часто оказываются необходимыми при переводе атрибутивных словосочетаний:

The amendment received 3,622,000 votes, while the Executive resolution received 4,090,000. Thus the Executive majority was only 468,000 in a vote of nearly eight million.

В этом тексте, где речь идет о результатах голосования на конгрессе английских тред-юнионов, выделенные сочетания являются семантически эллиптическими. Английский читатель без труда восстанавливает их полную форму *Executive Committee resolution*, т.е. *резолюция, предложенная исполнительным комитетом*, и *Executive Committee resolution majority*, т.е. *большинство голосов, поданных за резолюцию исполкома*. В таком, дополненном виде эти сочетания и будут переданы на русском языке, где эллиптические формы *исполнительная резолюция* или *исполнительное большинство* оказались бы совершенно непонятными для читателя или были бы неправильно им интерпретированы.

Аналогичным образом эксплицируются при переводе многочисленные сочетания такого типа: *wage strike* – *забастовка с требованием повышения заработной платы*; *gun licence* – *удостоверение на право ношения оружия*; *oil countries* – *страны-производительницы нефти*.

При выборе дополнительного элемента в каждом конкретном случае переводчик руководствуется как правилами сочетаемости слов в ПЯ, так и экстралингвистическими факторами:

The Labour Movement will never forgive those who defy an overwhelming Labour Party conference decision. – *Рабочее движение никогда не простит тех, кто игнорирует решение, принятое подавляющим большинством голосов на конференции лейбористской партии.*

Здесь не представляет труда определить элементы, которые следует добавить в переводе. Ясно, что *подавляющее решение* – это *решение, принятое подавляющим большинством голосов*.

В следующих примерах переводчику для выбора добавочного слова надо разобраться в сути дела: *The President's energy message* – *послание президента о проблеме нехватки энергоресурсов в США*; *The Tory pay laws* – *принятие консервативным правительством закона о замораживании заработной платы*; *The Watergate special prosecutor* – *специальный прокурор, назначенный для расследования уотергейтского дела*.

Прием добавления используется в англо-русских переводах и при передаче значения сочетаний иного типа:

The new American Secretary of State has proposed a world conference on food supplies.

В словосочетании *has proposed a world conference* как бы опущен компонент *to call* – *созвать*. По нормам русского языка этот компонент будет восстановлен в переводе:

Новый государственный секретарь США предложил созвать всемирную конференцию по вопросам продовольственных ресурсов.

В переводе этого высказывания добавлено и слово *вопросы*, что представляется уместным, хотя возможно и сочетание *конференция по продовольственным ресурсам*.

Семантически неполными с точки зрения норм русского языка могут быть и словосочетания с предлогом *of*:

The culmination of Naval hydrofoil technology, "Tucuncary" is one of the most advanced surface craft. – "Тукункари", воплощающий новейшие достижения в деле строительства военно-морских кораблей на подводных крыльях, представляет собой один из наиболее совершенных надводных кораблей.

Лексические добавления могут быть связаны с необходимостью передачи в тексте перевода значений, выраженных в оригинале грамматическими средствами:

No one would think now that Millicent had been the prettier of the two. – Никто бы теперь не поверил, что из двух сестер более хорошенькой всегда была Миллисент.

Добавленное *всегда* передает значение предшествования, выраженное английской формой Past Perfect.

Подобные добавления нередко используются при передаче английских форм множественного числа существительных, чьи соответствия в русском языке не имеют этой формы: *workers of all industries* – *рабочие всех отраслей промышленности*; *defences* – *оборонительные сооружения*; *modern weapons* – *современные виды оружия* и т.п.

Иногда добавления обусловлены чисто стилистическими соображениями, и переводчик может по своему желанию использовать их или обойтись без них:

She never used scent, and she had always thought it rather fast, but Eau de Cologne was so refreshing. – Она никогда не душилась, считая это признаком известного легкомыслия, но одеколон – другое дело, он так приятно освежает.

Особую область применения приема добавления составляют случаи текстуальных пояснений, обусловленных прагматическими факторами. В следующем примере добавление вызвано стремлением переводчика указать на игру слов в оригинале, которую непосредственно передать в переводе не удалось:

"The exclusiveness, the pride, the form, the ceremony," – exclaimed the general, emphasizing the articles more vigorously at every repetition. "The artificial barriers set up between man and man; the division of the human race into court cards and plain cards of every denomination – into clubs, diamonds, spades, anything but hearts." (Ch. Dickens). – Эта замкнутость, чопорность, эта надменность, эта церемонность – воскликнул генерал, с каждым повторением все сильнее напирая на словечко "эта", – все какие-то искусственные преграды между людьми; человечество делится на фигурные и простые карты всех мастей – на бубны, пики, трефы, на все что угодно, кроме червей! То есть кроме сердец! (Пер. Н. Дарузес)

Прием опущения прямо противоположен добавлению и предполагает отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых, оказываются нерелевантными или легко восстанавливаются в контексте. Примером семантической избыточности может служить использование в английском языке так называемых "парных синонимов" – параллельно употребляемых слов с близким значением. Русскому языку это явление несвойственно, и при переводе один из синонимов, как правило, опускается:

The treaty was pronounced null and void. – Договор был объявлен недействительным.

The proposal was rejected and repudiated. – Предложение было отвергнуто.

The government resorted to force and violence. – Правительство прибегло к насилию.

Употребление парных синонимов весьма характерно для ораторского стиля английского языка. Примером может служить следующий отрывок из выступления одного из делегатов на сессии Генеральной Ассамблеи ООН:

Judging by all external appearances, this session of our Assembly is regular and normal. Yet the atmosphere is neither usual nor seasonal, for this session stands outside the pattern of the sessions held since the days of San Francisco. The fateful events that are rushing into the international area are neither of a usual character nor of an ordinary nature. It is a unique session – happily and fortunately led by a unique President.

Парные синонимы будут переданы на русский язык с помощью приема опущения, т.е. путем замены их одним словом:

Судя по внешним признакам, это – обычная сессия нашей Ассамблеи. Однако атмосфера, в которой она проходит, не является обычной, ибо эта сессия не похожа на другие сессии, имевшие место со дня конференции в Сан-Франциско. Знаменательные события, происходящие на мировой арене, носят необычный характер. Это – выдающаяся сессия, которой, к счастью, руководит выдающийся Председатель.

Иной характер носит использование этого приема в научно-техническом стиле. Здесь парные синонимы могут служить средством пояснения технического термина:

Burning or combustion is the process of uniting a fuel or combustible with the oxygen in the air.

В этом высказывании специальные технические термины *combustion* и *combustible*, которые могут быть непонятны читателю, не имеющему специальной подготовки, поясняются общеупотребительными словами *burning* и *fuel*. Соответствующие русские термины *сгорание* и *горючее* не требуют разъяснений, и при переводе этого высказывания на русский язык можно применить прием опущения:

Сгорание – это процесс соединения горючего с кислородом, содержащимся в воздухе.

Избыточные элементы в тексте не сводятся к парным синонимам. Опускаться при переводе могут и другие части высказывания:

So I paid my check and all. Then I left the bar and went out where the telephones were. – Я расплатился и пошел к автоматам.

Сочетание *I left the bar* фактически повторяет содержание слов *went out* и является избыточным; отсюда опущение в русском переводе, сопровождаемое объединением предложений.

Прием опущения может не быть связанным со стремлением устранить избыточные элементы оригинала. Одной из причин его применения может быть излишняя конкретность английского текста, выражающаяся в употреблении числительных, названий мер и весов и т.п. там, где это недостаточно мотивировано содержанием:

About a gallon of water was dripping down my neck, getting all over my collar and tie. – Вода лилась мне за шиворот, весь галстук промок, весь воротник.

Другим соображением в пользу приема опущения является необходимость осуществить, по мере возможности, компрессию текста при переводе, учитывая, что в ходе процесса перевода различные добавления, объяснения и описания, используемые переводчиком, могут значительно увеличить объем перевода по сравнению с оригиналом. Поэтому переводчик, чтобы уравновесить эту тенденцию, стремится к сокращению общего объема текста перевода, опуская избыточные элементы, где это возможно в пределах языковых и стилистических норм ПЯ.

Технические приемы, применяемые переводчиком в процессе перевода, могут относиться не ко всему процессу, а к одному из его этапов. Примером может служить **прием дословного перевода** не в качестве переводческой трансформации, в результате которой получается текст на ПЯ, а как промежуточную стадию в процессе поиска оптимального варианта перевода. В этом случае переводчик переводит дословно отрезок оригинала, заведомо не поддающийся "прямому" переводу, и использует неприемлемый вариант как основу для выбора более подходящих средств выражения. Предположим, переводится следующее английское предложение:

A new excitement has been added to the queer race that man has run against himself throughout ages trying to produce food fast enough to feed his fast-growing family. (P. Lyons)

При переводе этого предложения, особенно первой его части, необходимо решить ряд переводческих задач и прежде всего определить, какая синтаксическая структура будет использована в создаваемом высказывании на ПЯ. В качестве вспомогательного приема переводчик может сначала попытаться перевести английское предложение дословно, хотя заранее видно, что это приведет к нарушению норм русского языка. Полученный вариант *Новое возбуждение было добавлено к странной гонке, которую человек вел на протяжении веков против самого себя, пытаясь производить достаточно продуктов питания, чтобы прокормить свою быстро растущую семью* в целом явно неприемлем, хотя последняя часть предложения, видимо, может быть сохранена. Дословный перевод может быть использован для того, чтобы представить выраженную в оригинале мысль в более общей форме. Если *возбуждение было добавлено* к гонке, то, очевидно, раньше оно в ней отсутствовало, а теперь эта гонка приобрела новое качество. Поскольку этим новым качеством является *возбуждение*, то связь *возбуждения с гонкой*, по-видимому, выражается в том, что гонка вызывает возбуждение (у зрителей), чего раньше не было. Следовательно, теперь гонка стала более напряженной, борьба в ней обострилась. Подобное рассуждение, основой которого послужил дословный перевод, дает возможность выбрать синтаксическую структуру высказывания в переводе. Переводчик может выбирать между вариантами *Эта странная гонка, которую человек и т.п. стала сейчас более напряженной* и *В этой странной гонке, которую человек и т.д. ...борьба (соперничество) стала более острой*. После выбора синтаксической структуры переводчик может приступить к уточнению перевода отдельных слов в пределах этой структуры. Он обратит внимание на то, что слово *race* не может быть здесь переведено как *гонка*, поскольку в оригинале речь идет о беге (*has run*), а по-русски *гонка* может быть автомобильной, мотоциклетной, лыжной и пр., но состязание бегущих людей *гонкой* назвать нельзя. Рассмотрев и отбросив по разным причинам такие варианты, как *забег*, *погоня* или *бега*, переводчик может остановиться на более общем термине *состязание* или *соревнование*. Этот выбор повлечет за собой и соответствующие изменения других слов в высказывании: *состязание, в котором человек вел борьбу с самим собой; состязание, в котором человек выступал против самого себя* и т.п. Таким образом, дословный перевод был использован как часть стратегии переводчика в поисках варианта перевода.

Примером технического приема еще более частного характера может служить **местоименный повтор**, который заключается в том, что в тексте перевода повторно указывается на уже упоминавшийся объект с заменой его имени на соответствующее местоимение. С помощью этого приема удастся решить ряд частных переводческих задач, возникающих в процессе перевода. В качестве примера можно указать на трудности, связанные с переводом на русский язык английских высказываний, в которых имеется так называемое "двойное управление". Под двойным управлением понимается употребление:

1) двух глаголов с разным управлением, из которых один имеет предложное, а другой беспредложное управление при одном и том же объекте: *Unless such a policy for peace is fought for, and won, the post-war gains of the working class will be completely lost;*

2) двух глаголов с разными предлогами при одном объекте: *He was fond of, and interested in, music;*

3) двух прилагательных или существительных с разными предлогами при одном объекте: *Not only Sandra but Bertine and Jill and Gertrude were to be attentive to, and considerate of him.*

При передаче двойного управления на русский язык обычно используется прием местоименного повтора:

The Atlantic Pact had never been reported to, or sanctioned by, the Security Council. – Атлантический пакт никогда не был представлен на рассмотрение Совета Безопасности и не был им санкционирован.

Различные способы описания переводческого процесса непосредственно связаны с определением понятия переводческой эквивалентности и изучением системы соответствий между данной парой ИЯ и ПЯ. Фактически речь идет о разных подходах к рассмотрению одного и того же явления. Создание коммуникативно равноценного текста на ПЯ рассматривается как проблема обеспечения семантической близости такого текста иноязычному оригиналу, как проблема выбора единиц ПЯ, обеспечивающих такую близость, и как проблема способов перехода от единиц оригинала к таким единицам ПЯ в переводе. В первом случае выявляется цель процесса, во втором – его результаты, в третьем – пути достижения этих результатов. Взятые вместе, все три указанных подхода раскрывают важнейшие лингвистические аспекты перевода, понимаемого как

соотнесенное функционирование двух языков, которое осуществляется через речевую деятельность переводчика в рамках межъязыковой коммуникации.

ГЛАВА

12

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА

Всякий текст коммуникативен, содержит некоторое сообщение, передаваемое от Источника к Рецептору, какие-то сведения (информацию), которые должны быть извлечены из сообщения Рецептором, поняты им. Воспринимая полученную информацию, Рецептор тем самым вступает в определенные личностные отношения к тексту, называемые **прагматическими отношениями**. Такие отношения могут иметь различный характер. Они могут иметь преимущественно интеллектуальный характер, когда текст служит для Рецептора лишь источником сведений о каких-то фактах и событиях, его лично не касающихся и не представляющих для него большого интереса. В то же время полученная информация может оказать на Рецептора и более глубокое воздействие. Она может затронуть его чувства, вызвать определенную эмоциональную реакцию, побудить к каким-то действиям. Способность текста производить подобный коммуникативный эффект, вызывать у Рецептора прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации, называется **прагматическим аспектом** или **прагматическим потенциалом (прагматикой) текста**.

Прагматический потенциал текста является результатом выбора Источником содержания сообщения и способа его языкового выражения. В соответствии со своим коммуникативным намерением Источник отбирает для передачи информации языковые единицы, обладающие необходимым значением, как предметно-логическим, так и коннотативным, и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи. В результате созданный текст приобретает определенный прагматический потенциал, возможность произвести некоторый коммуникативный эффект на его Рецептора. Прагматический потенциал текста объективируется в том смысле, что он определяется содержанием и формой сообщения и существует уже как бы независимо от создателя текста. Может случиться, что прагматика текста не полностью совпадает с коммуникативным намерением Источника ("сказал не то, что хотел, или не так, как хотел"). В той степени, в которой прагматика текста зависит от передаваемой информации и способа ее передачи, она представляет собой объективную сущность, доступную для восприятия и анализа.

Прагматическое отношение Рецептора к тексту зависит не только от прагматики текста, но и от того, что собой представляет данный Рецептор, от его личности, фоновых знаний, предыдущего опыта, психического состояния и других особенностей. Анализ прагматики текста дает возможность лишь предположительно предусмотреть потенциальный коммуникативный эффект текста по отношению к типовому, "усредненному" Рецептору.

Осуществление прагматического воздействия на получателя информации составляет важнейшую часть любой коммуникации, в том числе и межъязыковой. Установление необходимого прагматического отношения Рецептора перевода к передаваемому сообщению в значительной степени зависит от выбора переводчиком языковых средств при создании им текста перевода. Влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремления обеспечить желаемое воздействие на Рецептора перевода называется прагматическим аспектом или прагматикой перевода.

Переводчик, выступая на первом этапе переводческого процесса в роли Рецептора оригинала, старается как можно полнее извлечь содержащуюся в нем информацию, для чего он должен обладать теми же фоновыми знаниями, которыми располагают "носители" исходного языка. Успешное выполнение функций переводчика предполагает поэтому всестороннее знакомство с историей, культурой, литературой, обычаями, современной жизнью и прочими реалиями народа, говорящего на ИЯ.

Как и у любого Рецептора оригинала, у переводчика возникает свое личностное отношение к передаваемому сообщению. В качестве языкового посредника в межъязыковой коммуникации переводчик должен стремиться к тому, чтобы это личностное отношение не отразилось на точности воспроизведения в переводе текста оригинала. В этом смысле переводчик должен быть прагматически нейтрален.

На втором этапе процесса перевода переводчик стремится обеспечить понимание исходного сообщения Рецептором перевода. Он учитывает, что Рецептор перевода принадлежит к иному языковому коллективу, чем Рецептор оригинала, обладает иными знаниями и жизненным опытом, имеет иную историю и культуру. В тех случаях, когда подобные расхождения могут воспрепятствовать полноценному пониманию исходного сообщения, переводчик устраняет эти препятствия, внося в текст перевода необходимые изменения.

Отсутствие у Рецептора перевода необходимых фоновых знаний вызывает необходимость в эксплицировании подразумеваемой информации, внесении в текст перевода соответствующих дополнений и разъяснений. Особенно часто это происходит в связи с использованием в оригинале имен собственных, географических названий и наименований разного рода культурно-бытовых реалий. При переводе на русский язык географических названий типа американских *Massachusetts, Oklahoma, Virginia*, канадских *Alberta, Manitoba* или английских *Middlesex, Surrey* и пр., как правило, добавляются слова *штат, провинция, графство*, указывающие, что обозначают эти наименования, чтобы сделать их понятными для русского читателя: *штат Массачусетс, провинция Альберта, графство Миддлсекс* и т.п.

Добавление поясняющих элементов может потребоваться и при передаче названий учреждений, фирм, печатных органов и т.п.:

The ecological movement in Spain is on the increase, "Newsweek" reports. – Как сообщает журнал "Ньюсуик", в Испании растет экологическое движение.

Аналогичные добавления обеспечивают понимание названий всевозможных реалий, связанных с особенностями быта и жизни иноязычного коллектива:

... for desert you got Brown Betty, which nobody ate ... – ... на сладкое – "рыжую Бетти", пудинг с патокой, только его никто не ел.

Добавление избавляет русского читателя от необходимости ломать себе голову над значением *"рыжей Бетти"*, которую подают на сладкое.

В некоторых случаях необходимая дополнительная информация может быть дана в специальном примечании к тексту перевода:

Against my will I felt pleased that he should have considered my remarks interesting, though I knew that it was Dale Carnegie stuff, a small apparently casual compliment. (J. Braine). – Я был невольно польщен тем, что он находит мои замечания интересными, хотя и понимал, что это был дешевый трюк – как бы случайно брошенный комплимент по рецепту Дейла Карнеги.

К этому предложению в переводе можно дать примечание, указывающее, что *Дейл Карнеги* – автор популярной книги "Как приобретать друзей и влиять на окружающих".

В других случаях воспроизведение прагматического потенциала текста оригинала может быть связано с опущением некоторых деталей в переводе, неизвестных Рецептору перевода:

There were Pius and medicine all over the place, and everything smelled like Vicks' Nose Drops. – Везде стояли какие-то пузырьки, пилюли, все пахло каплями от насморка.

Здесь в переводе опущено *Vicks* – фирменное название капель, ничего не говорящее русскому читателю. Хотя это и ведет к незначительной потере информации, эта информация несущественна и ею вполне можно пренебречь, для того чтобы в русском тексте не было непонятных элементов.

Необходимость обеспечить адекватное понимание передаваемого сообщения для Рецептора перевода может вынудить переводчика заменить непонятный элемент исходного сообщения добавочной информацией, которая лишь подразумевалась в оригинале, но была вполне очевидна для Рецептора оригинала. Таким образом, имплицитная информация в оригинале становится эксплицитной в переводе:

The Prime-Minister spoke a few words from a window in No. 10.

Любому англичанину хорошо известно, что в доме № 10 по улице Даунинг-стрит в Лондоне расположена резиденция премьер-министра.

Русский читатель этого может не знать, поэтому в русском переводе будет произведена замена, разъясняющая смысл этого названия:

Премьер-министр произнес несколько слов из окна своей резиденции.

Часто такого рода замена носит характер генерализации, т.е. замены слова с конкретным значением словом с более общим, но зато более понятным для Рецептора перевода значением:

... a "swept" yard that was never swept where johnson grass and rabbit-tobacco grew in abundance. – ... "чистый" двор, который никогда не подметался и весь зарос сорной травой.

"The temperature was an easy ninety," he said. – Жара невыносимая, – сказал он.

В первом примере в оригинале даны названия сорняков, известные жителям южных штатов США. Русскому читателю вряд ли известны такие растения, как *джонсонова трава* и *кроличий табак*, поэтому в переводе эти названия обобщены в *сорной траве*, тем более, что существенным в данном контексте является не то, какими именно растениями зарос двор, а то, что он зарос сорняками, т.е., что за ним никто не ухаживал. Во втором примере *ninety* значит *девяносто градусов по Фаренгейту*. Система Фаренгейта малоизвестна русским читателям. Ее можно было бы заменить на систему Цельсия, как это обычно делается в официально-деловых и научно-технических текстах. Однако в данном случае этого сделать нельзя, так как слова в тексте принадлежат жителю США, где эта система неупотребительна. В переводе дана генерализация, ибо опять-таки здесь коммуникативно важно не точное указание температуры, а то, что стояла сильная жара.

Генерализация часто выражается в замене имени собственного (нередко фирменного названия) именем нарицательным, дающим родовое название для данного предмета:

Parked by a solicitor's office opposite the cafe was a green Aston-Martin tourer. – У конторы адвоката напротив кафе стоял элегантный спортивный автомобиль зеленого цвета.

Фирменное название автомобиля не несет в русском тексте той информации, которая связана с ним в английском оригинале, и нуждается в замене-разъяснении.

Указанные способы изменения текста перевода с целью обеспечить Рецептору перевода адекватное понимание переводимого сообщения используются переводчиком без учета особенностей какого-то отдельного Рецептора или группы Рецепторов. Рецептор, на которого ориентирован в таких случаях перевод, является гипотетическим "усредненным" представителем своего языкового коллектива. В приведенных выше примерах это был "русский человек", "русский читатель", и его восприятие передаваемого текста определялось не личностными характеристиками, а культурно-историческими особенностями данного народа, фоновыми знаниями об английских реалиях, которые

могут иметься, в принципе, у большинства англичан и отсутствовать, как правило, у большинства русских людей.

Вместе с тем, воспроизводя прагматический потенциал оригинала, переводчик может ориентироваться на определенную группу Рецепторов перевода, обладающих некоторой совокупностью специальных познаний в той области, о которой идет речь в оригинале, и способных поэтому с большей легкостью добиться необходимого понимания сообщения. Ориентация на подобную группу Рецепторов-специалистов позволяет сократить число прагматических разъяснений в переводе. С другой стороны, если перевод предназначается для группы Рецепторов, чей уровень фоновых знаний ниже, чем у большинства читателей (неспециалисты в данной области, читатели детского возраста и т.п.), относительно большая часть информации в оригинале может быть или не понята или понята превратно, и число объяснений и уточнений в переводе возрастает.

Прагматические проблемы перевода непосредственно связаны с жанровыми особенностями оригинала и типом Рецепторов, для которых он предназначается. С существенными трудностями при передаче прагматического потенциала оригинала сталкиваются переводчики художественной литературы. Произведения художественной литературы на любом языке обращены, в первую очередь, к людям, для которых этот язык является родным, но они имеют и общечеловеческую ценность и часто переводятся на другие языки. Вместе с тем, в них нередко встречаются описания фактов и событий, связанных с историей данного народа, различными литературными ассоциациями, бытом, обычаями, наименованиями национальных блюд, предметов одежды и т.п. Все это требует внесения поправок на прагматические различия между ИЯ и ПЯ для обеспечения адекватного понимания текста Рецептором перевода.

Значительно реже возникает необходимость прагматической перестройки в переводе научно-технических материалов, рассчитанных на специалистов, сведущих в данной области знаний и владеющих во всех странах примерно одинаковым объемом фоновой информации. Такие сообщения одинаково хорошо понимаются учеными, говорящими на разных языках, и пояснения приходится давать лишь в отношении названий фирм, национальных единиц измерения, специфических номенклатурных наименований и т.п.

Особые проблемы связаны с прагматическим аспектом текстов, предназначенных для иноязычного получателя. Речь идет о различных информационных материалах, адресованных иностранной аудитории, и рекламе товаров, идущих на экспорт. В идеале

авторы такого рода текстов должны писать их с учетом характера и познаний иностранного читателя или слушателя. В таких случаях задача переводчика упрощается: ему не надо заботиться об обеспечении полного понимания сообщения Рецептором перевода, так как о этом уже позаботился автор оригинала. Однако нередко эта задача оказывается в оригинале невыполненной, и переводчику, обладающему более обширными сведениями об иностранной аудитории, приходится вносить дополнительные коррективы в текст с учетом его прагматического аспекта. В этих случаях осуществление перестройки текста перевода, ориентированной на доступность для Рецептора перевода, играет решающую роль в процессе межъязыковой коммуникации.

Важную роль в обеспечении прагматической адекватности перевода играют и социолингвистические факторы, обуславливающие различие в речи отдельных групп носителей языка. В частности, дополнительные трудности для обеспечения всестороннего понимания Рецептором перевода передаваемого сообщения могут возникнуть в связи с наличием в тексте оригинала отклонений от общенародной нормы ИЯ, использование там таких субстандартных форм, как территориально-диалектальные, социально-диалектальные и контаминированные, имитирующие речь иностранца.

Сами по себе элементы территориальных диалектов ИЯ, обнаруживаемые в оригинале, не передаются в переводе. Использование в оригинале подобных диалектальных форм может иметь двоякий характер. С одной стороны, весь текст оригинала может быть написан на каком-либо диалекте ИЯ. В этом случае диалект выступает в качестве средства общения, используемого Источником, и перевод с него будет осуществляться таким же образом, как с любого общенационального языка (для чего, естественно, переводчик должен обладать необходимой степенью владения данным диалектом). С другой стороны, диалектальные формы могут употребляться в тексте (главным образом, в художественной литературе) с целью языковой характеристики отдельных персонажей, их идентификации как жителей определенного района, где говорят на данном диалекте ИЯ. В этом случае воспроизведение диалектальных особенностей ИЯ в переводе ничего не даст, так как для Рецептора перевода они не выполняют идентифицирующей функции и будут просто бессмысленны. Если в английском оригинале персонаж говорит на лондонском диалекте "кокни" добавляя звук *h* к словам, где он отсутствует в стандартном языке, и опуская этот звук там, где по нормам английского языка он должен произноситься (*He 'as a good hear* вместо *He has a good ear*), то попытка воспроизвести эту особенность в русском переводе, употребляя несуществующие в языке формы (скажем, *Хон хобладает 'ерошим слухом ?!*), явно

лишена смысла. Невозможно также использовать в переводе формы какого-либо территориального диалекта русского языка, так как они будут идентифицировать совершенно иную группу (русских) людей. Попытка установить эквивалентность между, например, диалектом негров Миссури, на котором говорит негр Джим у Марка Твена, и каким-либо диалектом русского (или любого другого) языка теоретически не оправдана и практически не наблюдается, поскольку явно нелепо заставлять американского негра говорить языком уроженца Перми или Одессы.

Многие территориальные диалекты тесно связаны с социальной характеристикой их носителей, и в этих случаях их использование в оригинале указывает на принадлежность данного персонажа к определенной социальной группе. Иначе говоря, они выполняют функцию социального диалекта, который характеризует речь членов какой-то социальной или профессиональной группы людей. Лингвистические особенности социального диалекта имеют более общий, нелокальный характер, поскольку аналогичные социальные группы, а тем более аналогичные профессии, часто обнаруживаются у многих народов. Поэтому передача дополнительной информации, которую содержат элементы социального диалекта в оригинале, оказывается в переводе возможной. Как правило, переводчик имеет возможность использовать при передаче речи английского матроса специфические слова и выражения, распространенные среди русских матросов, или воспользоваться русским воровским жаргоном для воспроизведения некоторых особенностей речи английского преступного мира.

Решение этой задачи облегчается тем обстоятельством, что социальный диалект отличается от общенародного языка лишь отдельными языковыми особенностями, своего рода "указателями" (markers). Присутствие в тексте хотя бы небольшого числа таких указателей обеспечивает воспроизведение данного вида информации в переводе:

He do look quiet, don't 'e? D'e know 'oo 'e is, Sir? – Вид-то у него спокойный, правда? Часом не знаете, сэр, кто он такой?

Роль совокупности грамматических (*don't* вместо *doesn't*) и фонетических (*'e* вместо *he*, *'oo* вместо *who*) признаков, указывающих на принадлежность говорящего к простонародью, выполняется в переводе одним просторечным оборотом: *Часом не знаете?*

Особые проблемы связаны с передачей в переводе имитации речи иностранца, содержащейся в оригинале. Появление контаминированных форм в оригинале может быть

непроизвольным или намеренным. В первом случае Источник, недостаточно владея ИЯ, использует искаженные формы, помимо своего желания. Подобные ошибки затрудняют восприятие речи и обнаруживают принадлежность Источника к иному языковому коллективу. При восприятии подобной речи слушающий соотносит воспринятое с правильными формами языка, догадываясь, какую форму имел в виду говорящий, и осуществляя таким образом "перевод" с контаминированной на правильную речь. Аналогичным образом, в процессе перевода на другой язык переводчик соотносит контаминированные формы с правильными и переводит эти последние. Во втором случае контаминированные формы применяются как средство указания на особенности речи иностранца и являются одним из средств создания прагматического потенциала текста. Отсюда следует, что воспроизведение прагматической функции этих форм входит в задачу переводчика. При этом переводчик может либо использовать существующие в ПЯ способы изображения речи иностранца, либо бывает вынужденным изобретать новые способы передачи контаминированной речи. Во многих языках имеются стандартные, общепринятые способы изображения неправильной речи человека, принадлежащего к определенной национальности и говорящего не вполне правильно на неродном для него языке. Эти способы различны для разных видов контаминированной речи, так что изображение английской или русской речи немца не похоже на передачу речи китайца. Приемы передачи контаминированной речи во многом условны, хотя они могут отражать и реально существующие различия между языками. Например, ошибки в выборе глагольного вида характерны для всех иностранцев, говорящих по-русски, а замена синтетической формы будущего вида на аналитическую (*Я буду уходить* вместо *Я уйду*) свойственна для немца, но не для француза. При наличии в ПЯ общепринятого способа передачи определенного типа контаминированной речи переводчик пользуется таким способом независимо от характера контаминированных форм в оригинале:

We blingee beer. Now you play. – Моя принесла пиво, твоя типель платить. (Передача контаминированной речи китайца).

Когда в оригинале изображена контаминированная речь иностранца такой национальности, в отношении которой в ПЯ не существует установившегося способа изображения, контаминированные формы в переводе вводятся переводчиком хотя и с учетом привычных способов передачи речи иностранца на ПЯ, но без обязательного следования общепринятому стандарту. Передача намеренной контаминации в переводе может быть сплошной или выборочной. При сплошной контаминации искажается вся или большая часть речи иностранца:

Eel ees the story of a leetle Franch girl, who comes to a beeg ceety, just like New York, and falls een love wees a leetle boy from Brookleen. – Этот песенка про ма-аленьки франсуски дэвюшка, котори приехал в ошен большой город, как Нет-Йорк, и влюблял в ма-аленьки малышку из Бруклин. (Передача контаминированной речи француза).

При выборочной контаминации наличие неправильной речи указывается при помощи немногочисленных нарочитых искажений:

When you see him 'quid then you quick see him 'perm whale. – Когда твоя видел спрут, тогда твоя скоро-скоро видел кашалот. (Передача контаминированной речи канака).

Применение контаминированных форм нередко сопровождается использованием элементов разговорного стиля, отказом от использования более сложных грамматических форм (придаточных предложений, причастных и деепричастных оборотов и пр.). При этом следует учитывать, что некоторые стандартные способы изображения неправильной речи могут восприниматься не только как речь иностранца, но и как речь человека малообразованного, например, русское *твоя моя понимай нету* или *мало-мало*. Отбор и использование контаминированных элементов в переводе должны соответствовать прагматической характеристике передаваемых элементов оригинала.

В ряде случаев в прагматическую цель перевода входит достижение желаемого воздействия (коммуникативного эффекта) на Рецептора перевода. Коммуникативный эффект, который должен быть воспроизведен в переводе, может определяться доминантной функцией оригинала. Для произведений художественной литературы воздействие на Рецептора зависит от литературных достоинств текста, получающих более или менее широкое признание у читателей. Основная прагматическая задача перевода такого текста заключается в том, чтобы создать на ПЯ текст, обладающий способностью оказывать аналогичное художественно-эстетическое воздействие на Рецептора перевода. Прочтя в русском переводе произведения Шекспира или Диккенса, русский читатель должен почувствовать силу литературного таланта автора оригинала, понять, почему у себя на родине он считается великим драматургом, писателем или поэтом. Если переводчику удалось этого добиться, можно говорить об адекватном воспроизведении коммуникативного эффекта оригинала. Более точное измерение соотношения воздействия оригинала на английского читателя и перевода на читателя русского вряд ли возможно.

Может идти речь лишь о приблизительном равенстве реакций Рецептора, а фактическая реакция Рецептора перевода может быть слабее реакции Рецептора оригинала (писатель пользуется большим успехом у себя на родине) или, напротив, даже превосходить ее (стихи Бернса более популярны в Советском Союзе в известных переводах Маршака, чем в самой Англии).

Доминантной функцией научно-технических материалов является описание, объяснение или указание по манипулированию объектами окружающего мира. Прагматическое воздействие на Рецептора заключается в предоставлении ему необходимой информации для осуществления определенной деятельности научного или технического характера. Если получатель сообщения способен на его основе осуществить описанный эксперимент или произвести предписываемые операции с прибором или станком, то коммуникативный эффект текста может считаться достигнутым. Аналогичным образом, прагматическая задача перевода научно-технического текста состоит в обеспечении такой же возможности осуществить необходимые действия Рецептору перевода. Если Рецептор перевода может успешно использовать текст перевода в качестве руководства к определенным действиям, можно говорить о передаче прагматического воздействия оригинала. И здесь равенство воздействия оригинала и перевода не обязательно должно быть абсолютным. Может случиться, что в переводе необходимая научно-техническая информация оказывается изложенной в более четкой и доступной форме, обеспечивающей правильное использование этой информации специалистами, и, таким образом, перевод выполняет основную прагматическую задачу даже лучше, чем оригинал.

Наиболее сложной является задача обеспечить необходимую реакцию на текст перевода со стороны конкретного Рецептора. Здесь переводчику приходится ориентироваться не столько на воздействие оригинала на его Рецептора, сколько на индивидуальные особенности Рецептора перевода. Только очень хорошо зная характер и психическое состояние человека, можно с достаточной уверенностью предположить, какова будет его эмоциональная или поведенческая реакция на данное сообщение. Как правило, переводчик не может ставить перед собой задачу добиться заданного коммуникативного эффекта. Если же такая задача ставится, ее осуществление часто требует прагматической адаптации текста, выходящей за рамки перевода как процесса создания текста, коммуникативно равноценного оригиналу. Подобная адаптация при передаче на иной язык, например, текста рекламы, который должен обеспечить сбыт данного товара, нередко приводит к составлению на ПЯ нового параллельного текста (со-

writing), учитывающего специфические вкусы и наклонности будущих покупателей. В процессе осуществления межъязыковой коммуникации возникают прагматические проблемы еще одного типа. Они связаны с возможностью появления у переводчика дополнительных прагматических задач по отношению к Рецептору перевода. В связи с этим, переводчик может преследовать дополнительные цели, более или менее независимые от основной прагматической задачи перевода, стремиться использовать результат переводческого процесса в каких-то особых целях.

Естественно, что подобная прагматическая "сверхзадача" не может не оказывать воздействия на ход процесса перевода и оценку его результатов.

Стремясь выполнить прагматическую "сверхзадачу" конкретного акта перевода, переводчик может иногда отказываться от достижения максимальной эквивалентности, довольствоваться неполным или выборочным переводом, добиваться воздействия на Рецептора перевода, не совпадающего с намерениями Источника и прагматическим потенциалом оригинала.

Возможность существования у переводчика прагматической цели, не связанной с содержанием оригинала, но достигаемой в процессе его перевода, связана с двойной ролью, которую переводчик играет в межъязыковой коммуникации. С одной стороны, он выполняет функции языкового посредника, а, с другой стороны, он фактически является Источником информации, создающим текст на ПЯ для последующего использования этого текста в определенных целях. Результаты любой деятельности во многом определяются ее целью. Цель конкретного переводческого акта может не совпадать с общей целью межъязыковой коммуникации и не сводиться к созданию на ПЯ текста, коммуникативно равноценного оригиналу.

Существование прагматической сверхзадачи во многом определяет и оценку результатов переводческого процесса. В этом случае перевод оценивается не только и не столько по степени верности оригиналу, сколько по тому, насколько текст перевода соответствует тем задачам, для решения которых был осуществлен процесс перевода. Степень этого соответствия называется прагматической ценностью перевода. При наличии достаточной прагматической ценности перевод может быть признан правильным (адекватным) даже при существенных отклонениях от коммуникативной равнозначности оригиналу.

Прагматическая сверхзадача переводчика может быть связана со стремлением отразить в переводе коммуникативно нерелевантные черты оригинала, которые остаются непередаваемыми при эквивалентной передаче исходного сообщения. Это могут быть формально-структурные особенности ИЯ, культурно-этнографические элементы, не играющие функциональной роли в сообщении, но отражающиеся на его структуре, концептуально-семантические особенности построения сообщений на языке оригинала. Подобная прагматическая установка обычно приводит к нарушению норм и узуса ПЯ, вследствие буквального воспроизведения чуждых ему особенностей ИЯ. Попытка отразить наличие двух элементов в аналитической форме английского длительного вида *He is running down the street* приведет к неприемлемой в русском языке фразе *Он есть бегущий по улице*; дословная передача английских образов *He is as cool as a cucumber* или *A miss is as good as a mile* дает бессмысленные русские фразы *Он хладнокровен как огурец* и *Промаш также хорош, как миля*; буквальное сохранение специфической смысловой структуры английского высказывания демонстрирует невозможность использовать ее при построении русской фразы: *They locked the door to keep thieves out.* – *Они заперли дверь держать воров извне.* Понятно, что такие варианты исключены при "нормальном" переводе и используются лишь для демонстрации особенностей иноязычной формы в так называемом "филологическом" или "этнографическом" переводе.

К иным результатам приводит стремление переводчика в соответствии с прагматической задачей конкретного акта перевода дать упрощенный перевод, ограничившись передачей лишь "голового смысла", т.е. предметно-логического содержания текста, не заботясь о воспроизведении эмоционально-стилистических и ассоциативно-образных аспектов оригинала. Такая задача нередко возникает, когда переводчику необходимо в возможно более короткий срок ознакомить Рецептора перевода с основным содержанием сообщения. Подобный упрощенный перевод может рассматриваться как предварительный этап в процессе работы переводчика по подготовке полноценного текста перевода.

Особым видом прагматической сверхзадачи, приводящей к существенным изменениям текста перевода, является стремление переводчика к модернизации оригинала. Время и место перевода может сильно отличаться от времени и места создания оригинала. Переводчик нередко имеет дело с оригиналом, созданным в иную историческую эпоху, в том числе и на его родном языке, изменившимся за этот период до такой степени, что его прежнее состояние представляет как бы иной язык. Перевод текста, отдаленного по времени, ставит перед переводчиком ряд дополнительных проблем. Тот

факт, что перевод делается не с современного языка, должен быть каким-то образом отражен и в тексте перевода. Возникает необходимость отразить в переводе хронологическую отдаленность оригинала путем использования слов и структур ПЯ, хотя и понятных для современного Рецептора, но малоупотребительных и воспринимаемых как архаические. При этом подобные архаизмы ПЯ не должны иметь резко выраженной "национальной окраски", т.е. не быть настолько характерными именно для ПЯ, чтобы исключить возможность их употребления при передаче иноязычного сообщения.

Помимо использования устарелых элементов лексики, "архаичность" текста перевода обеспечивается также тем, что переводчик избегает употреблять слова и сочетания, которые несут на себе отпечаток современного этапа развития языка или связаны с современной жизнью и бытом языкового коллектива и поэтому несовместимы с эпохой, когда был создан оригинал. Хотя перевод осуществляется на современный русский язык, автор оригинала, живший, скажем, в Англии XIV века, как и его герои, не может в переводе *ездить в командировку; заниматься чем-либо без отрыва от производства; работать сверхурочно; решать проблемные вопросы; быть узким специалистом; проводить незапланированные встречи; подбирать кадры; игнорировать специфические особенности; осуществлять режим экономии* и т.д.

В нарушение требований, которым должен отвечать перевод, чтобы быть коммуникативно равноценным отдаленному по времени оригиналу, переводчик может стремиться модернизировать передаваемое сообщение, изложив его таким образом, как это сделал бы современный автор. Выполнение подобной сверхзадачи влечет за собой существенные изменения в тексте перевода, отказ от малоупотребительных и архаических языковых единиц и, напротив, широкое употребление повседневной, современной лексики. Изменения затрагивают и способ описания ситуации, а порой и саму ситуацию. Если в английском переводе библейского текста верующие, встречаясь, обменивались благочестивыми поцелуями (*greeted one another with a holy kiss*), то в модернизированном варианте они уже обмениваются рукопожатиями (*gave one another a hearty handshake all around*). В некоторых случаях модернизация включает элементы стилизации, замены старых имен на современные, изменение отдельных эпизодов, наименований, предметов быта, обычаев и т.п. Как и в предыдущих случаях, подобная прагматическая адаптация не является, строго говоря, переводом, хотя выполняется переводчиком в процессе перевода.

Специфическая цель конкретного акта перевода может заключаться и в стремлении оказать воздействие на Рецептора перевода, непосредственно не связанное с содержанием

оригинала или его прагматическим потенциалом. Процесс перевода может осуществляться не столько для более или менее полного воспроизведения оригинала, сколько для того, чтобы при помощи его достичь какой-то иной цели, связанной с намерениями самого переводчика или подсказанной его заказчиками или работодателями. В результате перед переводчиком стоит задача, не имеющая ничего общего ни с созданием текста, коммуникативно равноценного оригиналу, ни с намерением достичь тех целей, которые преследовал Источник, создавая оригинал. Переводчик может ставить перед собой цели пропагандистского, просветительского и т.п. характера, он может стремиться в чем-то убедить Рецептора перевода, навязать свое отношение к автору оригинала или к описываемым событиям, на него могут оказывать влияние какие-то соображения политического, экономического или личного порядка, стремление избежать конфликта или, напротив, обострить его и т.д. Подобная тенденциозность может привести к полному искажению оригинала, и, как правило, профессиональный переводчик избегает подобного влияния своих личных соображений и пристрастий на процесс перевода. Тем не менее, отдельные случаи сознательного отказа от правильного перевода некоторых элементов оригинала, связанного с указанными выше факторами, порой обнаруживаются в переводческой практике. Л. Меримо, переводя "Ревизор" Гоголя, заменил в реплике городничего слова *чем больше сносят* словами *чем больше строят*, опасаясь, что сохранение варианта оригинала может быть истолковано как намек на деятельность императрицы, по воле которой в это время сносилось много домов для устройства Больших бульваров Парижа. В. Курочкин и другие переводчики песен Ж. Беранже, с одной стороны, переиначивали содержание французских оригиналов, чтобы вложить в перевод политическую сатиру на порядки в царской России, а, с другой стороны, из-за цензурных условий вынуждены были опускать некоторые существенные детали, когда речь шла о божестве, о короне, о конституции и т.п. Примеры воздействия на результаты процесса перевода подобных "экстрапереводческих" сверхзадач можно было бы легко приумножить. Понятно, что прагматические факторы такого рода не поддаются теоретическому обобщению и их рассмотрение выходит за рамки общей теории перевода.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Абзацно-фразовый перевод – перевод, осуществляемый на уровне отдельных предложений или абзацев, переводимых последовательно одно за другим.

Авторизованный перевод – апробированный автором перевод оригинального текста.

Авторский (авто-) перевод – перевод, выполненный автором оригинального текста.

Адаптивное транскодирование – вид языкового посредничества, при котором содержание оригинала передается в преобразованной форме, обеспечивающей заданный объем и характер передаваемой информации.

Адаптированный перевод – вид адаптивного транскодирования, при котором в процессе перевода осуществляется упрощение структуры и содержания оригинала с целью сделать текст перевода доступным для Рецепторов, не обладающих познаниями, которые требуются для полноценного понимания сообщения, содержащегося в оригинале.

Адекватный перевод – перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм и узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении адекватный перевод – это "правильный" перевод.

Аннотационный перевод – перевод, в котором отражаются лишь главная тема, предмет и назначение переводимого текста.

Антонимический перевод – лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную, что сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением.

Аспектный перевод – перевод лишь части текста в соответствии с каким-либо заданным признаком отбора (аспектом).

Аутентичный перевод – перевод официального документа, имеющий одинаковую юридическую силу с оригиналом; согласно международному праву текст договора может быть выработан и принят на одном языке, но его аутентичность установлена на двух и более языках.

Безэквивалентная лексика – лексические единицы ИЯ, не имеющие регулярных (словарных) соответствий в ПЯ.

Безэквивалентные грамматические единицы – грамматические формы и структуры ИЯ, не имеющие одготипных соответствий в ПЯ.

Бинарный перевод – перевод с одного естественного языка на другой.

Буквальный перевод – перевод, воспроизводящий коммуникативно нерелевантные элементы оригинала, в результате чего либо нарушаются нормы и узус ПЯ, либо оказывается искаженным (непереданным) действительное содержание оригинала.

Внутриязыковой перевод – истолкование словесных знаков посредством знаков того же языка.

Вольный (свободный) перевод – перевод, воспроизводящий основную информацию оригинала с возможными отклонениями – добавлениями, пропусками и др.; осуществляется на уровне текста, поэтому для него оказываются нерелевантными категории эквивалентности языковых единиц

Генерализация – лексико-семантическая замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением.

Грамматическая замена – грамматическая трансформация, при которой грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением.

Двусторонний перевод – последовательный устный перевод беседы, осуществляемый с одного языка на другой и обратно.

Дезиративно адекватный перевод – перевод, полно и правильно отвечающий на информационный запрос потребителя и не обязательно передающий полное смысловое содержание и ведущую коммуникативную функцию оригинала.

Диахронический перевод – перевод на современный язык исторического текста, написанного на языке предшествующей эпохи.

Единица несоответствия – элемент содержания оригинала, не переданный или искаженный при переводе, или элемент содержания текста перевода, неправомерно добавленный при переводе.

Единица перевода – 1) Минимальная единица текста оригинала, которая переводится как единое целое, в том смысле, что ей можно отыскать соответствие в переводе, но нельзя обнаружить в переводе единиц ПЯ, воспроизводящих значение составных частей данной единицы, если таковые у нее имеются. 2) Единица эквивалентности. 3) Единица переводческого процесса.

Единица переводческого процесса – минимальный отрезок текста оригинала, выступающий в качестве отдельной "порции" перевода, в том смысле, что переводчик приступает к переводу каждого такого отрезка после завершения перевода отрезка предыдущего.

Единица эквивалентности – минимальная единица содержания оригинала, сохраняемая в переводе.

Единичное (постоянное) соответствие – наиболее устойчивый (постоянный) способ перевода данной единицы ИЯ, относительно независимый от контекста.

Жанрово-стилистическая классификация переводов – подразделение переводов в зависимости от жанрово-стилистических особенностей оригинала на художественный перевод и информативный перевод и функциональные подвиды перевода.

Жанрово-стилистическая норма перевода – требования, которым должен отвечать перевод в зависимости от принадлежности оригинала к определенному функциональному стилю.

Заверенный перевод – перевод, соответствие которого оригиналу подтверждается юридически.

Интерпретация – вид перевода, основанный на обращении к внеязыковой деятельности, в отличие от собственно перевода, осуществляемого по заданным правилам перехода от средств выражения, принадлежащих одной языковой системе, к средствам выражения, принадлежащим другой языковой системе.

Интерсемиотический перевод – перевод с естественного языка на искусственный или наоборот.

Информативный перевод – перевод оригиналов, не принадлежащих к художественной литературе (общественно-политических, научно-технических,

официально-деловых и пр.), т.е. текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии на Рецептора.

Исторический перевод – перевод на современный язык исторического текста, написанного на языке предшествующей эпохи.

Источник (информации) – создатель (автор) текста оригинала, отправитель сообщения.

Исходный язык (ИЯ) – язык оригинала, язык с которого делается перевод.

Калькирование – способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей-морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) – их лексическими соответствиями в ПЯ.

Коммуникативная равноценность – способность текста выступать в качестве полноценной замены (в функциональном, содержательном и структурном отношении) другого текста. Коммуникативно равноценные тексты являются формами существования одного и того же сообщения и объединяются воедино (отождествляются) в процессе коммуникации.

Компенсация – способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале.

Конвенциональная норма перевода – требования, которым должен отвечать перевод в связи с общепринятыми в данный период взглядами на роль и задачи переводческой деятельности.

Конкретизация – лексико-семантическая замена единицы ИЯ, имеющей более широкое значение, единицей ПЯ с более узким значением.

Консультативный перевод – вид информационного перевода, осуществляется обычно в устной форме, включает элементы аннотирования, реферирования и выборочного перевода с листа, выполняется, как правило, в присутствии заказчика, уточняющего по ходу перевода интересующие его аспекты содержания текста оригинала.

Косвенный (вторичный, не прямой) перевод – перевод, осуществленный не непосредственно с текста оригинала, а с его перевода на какой-либо другой язык.

Лексико-семантическая замена – способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ПЯ, значения которых не совпадают со значениями исходных единиц, но могут быть выведены из них с помощью логических преобразований определенного типа.

Лексический контекст – совокупность лексических единиц, в окружении которых используется данная единица текста.

Лингвистика перевода или **лингвистическое переводоведение** – раздел языкознания, изучающий перевод как лингвистическое явление.

Лингвистическая теория перевода – теоретическая часть лингвистики перевода.

Лингвистический контекст – языковое окружение, в котором употребляется данная единица языка в тексте.

Литературное переводоведение – раздел литературоведения, изучающий перевод как вид литературного творчества.

Машинный (автоматический) перевод – перевод, выполненный или выполняемый компьютером.

Межъязыковая (двуязычная) коммуникация – речевое общение между коммуникантами, пользующимися разными языками.

Межъязыковой перевод – преобразование сообщения, выраженного средствами какой-либо одной знаковой системы, в сообщение, выраженное средствами другой знаковой системы.

Множественное (вариантное) соответствие – один из регулярных способов перевода данной единицы ИЯ, частично воспроизводящей в ПЯ ее значение.

Модель перевода – условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые, можно осуществить процесс перевода всего оригинала или некоторой его части.

Модуляция (смысловое развитие) – лексико-семантическая замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы.

Неполный перевод – перевод, передающий смысловое содержание оригинала с пропусками и сокращениями.

Норма перевода – совокупность требований, которым должен отвечать перевод.

Норма переводческой речи – требования, которым должен удовлетворять язык перевода.

Норма эквивалентности перевода – требование максимально возможной смысловой близости перевода к оригиналу.

Нулевой перевод – отказ от передачи в переводе значения грамматической единицы ИЯ, вследствие его избыточности.

Обратный перевод – экспериментальный или учебный перевод уже переведенного текста на исходный язык.

Общая теория перевода – раздел лингвистической теории перевода, изучающий наиболее общие лингвистические закономерности перевода, независимо от особенностей конкретной пары языков, участвующих в процессе перевода, способа осуществления этого процесса и индивидуальных особенностей конкретного акта перевода.

Объединение предложений при переводе – способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное.

Односторонний перевод – устный перевод, осуществляемый только в одном направлении, т.е. с данного языка на какой-либо другой язык.

Однотипное соответствие – грамматическое соответствие в ПЯ, имеющее наименование, определение и грамматическое значение, аналогичное замещаемой единице ИЯ.

Окказиональное соответствие (контекстуальная замена) – нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста.

Официальный (готовый к опубликованию) перевод – окончательный вариант перевода, представляемый переводчиком в качестве полноценного воспроизведения оригинала.

Перевод – вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста.

Переводоведение – совокупность научных дисциплин, изучающих различные аспекты перевода.

Переводческая (межъязыковая) трансформация – преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода.

Переводческое соответствие – единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ.

Переводящий язык (ПЯ) – язык, на который делается перевод.

Письменный перевод – вид перевода, при котором оригинал и перевод выступают в процессе перевода в виде фиксированных (главным образом, письменных) текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться.

Полный (сплошной) перевод – перевод, передающий смысловое содержание оригинала без пропусков и сокращений.

Поморфемный перевод – перевод, выполняемый на уровне отдельных морфем без учета их структурных связей.

Последовательный перевод – разновидность устного перевода, осуществляемого после прослушивания определенной единицы текста, в паузах между этими единицами.

Пословный перевод – перевод, выполняемый на уровне отдельных слов без учета смысловых, синтаксических и стилистических связей между словами.

Пофразовый перевод – перевод, выполняемый на уровне отдельных предложений или фраз, переводимых последовательно одно за другим.

Прагматика перевода (прагматический аспект перевода) – влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и обеспечить желаемое воздействие на Рецептора перевода.

Прагматическая адаптация перевода – изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны конкретного Рецептора перевода.

Прагматическая норма перевода – требование обеспечения прагматической ценности перевода.

Прагматическая ценность перевода – степень соответствия текста перевода тем задачам, для решения которых был осуществлен процесс перевода.

Прагматический потенциал текста – способность текста оказывать воздействие на Рецептора, вызывать у него интеллектуальную или эмоциональную реакцию на передаваемое сообщение.

Прагматически (функционально) адекватный перевод – перевод, правильно передающий основную (доминирующую) коммуникативную функцию оригинала.

Приближенный перевод – использование в переводе грамматической единицы ПЯ, которая в данном контексте частично соответствует безэквивалентной грамматической единице ИЯ.

Прием лексических добавлений – использование в переводе дополнительных лексических единиц для передачи имплицитных элементов смысла оригинала.

Прием местоименного повтора – повторное указание в тексте перевода на уже упоминавшийся объект с заменой его имени на соответствующее местоимение.

Прием опущения – отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых нерелевантны или легко восстанавливаются в контексте.

Прием перемещения лексических единиц – использование ближайшего соответствия переводимой единице ИЯ в другом месте высказывания в тексте перевода.

Прием пословного перевода – подстановка ближайших соответствий вместо лексических единиц оригинала при сохранении синтаксических связей между ними в качестве промежуточной стадии в процессе поиска оптимального варианта перевода.

Процесс перевода (собственно перевод) – действия переводчика по созданию текста перевода.

Прямой (первичный, непосредственный) перевод – перевод, выполненный непосредственно с оригинала.

Психолингвистическая классификация переводов – подразделение переводов на виды и подвиды по способу (речевой форме) восприятия оригинала и создания текста перевода.

Рабочий перевод – предварительный перевод, эквивалентность которого ограничена лишь передачей на уровне способа описания ситуации предметно-логического содержания оригинала.

Разнотипное соответствие – грамматическое соответствие в ПЯ, не совпадающее с исходной единицей по названию и определению.

Реферативный перевод – перевод, в котором содержатся относительно подробные сведения о реферируемом документе – его назначении, тематике, методах исследования, полученных результатах.

Рецептор (информации) – получатель сообщения, слушающий или читающий участник коммуникации.

Свободный (вольный) перевод – перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого можно достичь при данных условиях переводческого акта.

Семантико-стилистически адекватный перевод – семантически полный, точный и стилистически эквивалентный перевод, соответствующий функционально-стилистическим нормам языка перевода.

Синтаксический контекст – синтаксическая конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или придаточное предложение

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) – способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ПЯ с сохранением набора полнозначных слов и порядка их расположения в оригинале и переводе.

Синхронный перевод – устный перевод, осуществляемый практически одновременно с произнесением текста оригинала.

Ситуативная модель перевода – модель перевода, представляющая процесс перевода как процесс описания при помощи ПЯ той же ситуации, которая описана в оригинале.

Ситуативный (экстралингвистический) контекст – обстановка, время и место, к которым относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает Рецептору правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании.

Ситуация – совокупность идеальных или материальных объектов и связей между ними, описываемых в содержании высказывания.

Смешанный перевод – перевод с использованием значительной доли традиционной (или машинной) переработки текста.

Смысловая доминанта – наиболее важная часть содержания оригинала, которая должна быть непременно сохранена в переводе и ради сохранения которой могут быть принесены в жертву другие элементы переводимого сообщения.

Сокращенный перевод – перевод, при котором осуществляется опущение отдельных частей оригинала по моральным, политическим или иным соображениям практического характера.

Сопоставительный анализ перевода – анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала.

Специальная теория перевода – раздел лингвистической теории перевода, изучающий особенности процесса перевода текстов разного типа и влияние на этот процесс речевых форм и условий его осуществления.

Способ описания ситуации – часть содержания высказывания, указывающая на признаки ситуации, через которые она отражается в высказывании.

Точный перевод – перевод, в котором эквивалентно воспроизведена лишь предметно-логическая часть содержания оригинала при возможных отклонениях от жанрово-стилистической нормы и узуальных правил употребления ПЯ.

Транскрипция – способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее звуковой формы с помощью букв ПЯ.

Транслитерация – способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее графической формы с помощью букв ПЯ.

Трансмутация – перевод с какого-либо искусственного языка на другой искусственный язык.

Транспозиция – перевод текста одного жанра или функционального стиля в другой жанр или функциональный стиль.

Трансформационно-семантическая модель перевода – модель перевода, представляющая процесс перевода как ряд преобразований, с помощью которых переводчик переходит от единиц ИЯ к единицам ПЯ.

Трансформационный перевод – перевод с использованием одной из переводческих трансформаций.

Узкий контекст (микрконтекст) – лингвистический контекст в пределах одного словосочетания или предложения.

Уровень (тип) эквивалентности – степень смысловой близости оригинала и перевода, определяемая частью содержания оригинала, сохраняемой при переводе.

Устный перевод – вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной (устной) форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его выполнения.

Учебный перевод – перевод, используемый в учебном процессе для подготовки переводчиков или как один из приемов обучения иностранному языку.

Фрагментарный перевод – перевод не целого текста, а лишь отдельного отрывка или отрывков.

Художественный перевод – перевод произведений художественной литературы, т.е. текстов, основная функция которых заключается в художественно-эстетическом воздействии на читателя.

Цель коммуникации – часть содержания текста (высказывания), указывающая на общую речевую функцию текста в акте коммуникации.

Цельнотекстный перевод – перевод целого текста, без выделения в качестве отдельных единиц перевода отдельных слов, предложений или абзацев.

Частная теория перевода – раздел лингвистической теории перевода, изучающий лингвистические аспекты перевода с одного данного языка на другой данный язык.

Черновой перевод – предварительный перевод, эквивалентность которого ограничена лишь передачей на уровне указания на ситуацию предметно-логического содержания оригинала при возможных пропусках и отклонениях от нормы ПЯ.

Членение предложения – способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры в ПЯ.

Широкий контекст (макроконтекст) – лингвистический контекст, выходящий за пределы предложения, в котором употреблена данная языковая единица.

Эквивалентность перевода – общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода.

Эквивалентный перевод – перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности.

Экспериментальный перевод – перевод, выполненный с исследовательской целью.

Экспликация (описательный перевод) – лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение этого значения на ПЯ.

Эталонный перевод – образцовый перевод, используемый для сравнения с квалифицируемым переводом.

Этап переводческого процесса – часть переводческого процесса, характеризующаяся действиями переводчика определенного типа.

Языковое посредничество – преобразование в процессе межъязыковой коммуникации исходного сообщения в такую языковую форму, которая может быть воспринята Рецептором, не владеющим ИЯ.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1) **Ванников Ю.В.** и др. "Научно-технический перевод". Москва, "Наука", 1987.
- 2) **Григорьев В.Б.** "Как работать с научной статьей". Москва, "Высшая школа", 1991.
- 3) **Демидова А.К., Смирнов Э.А.** "Русская коммерческая корреспонденция". Москва, "Русский язык", 1993.
- 4) **Загорская А.П.** и др. "Письмовник для ведения деловой корреспонденции". Москва, "Московский рабочий", 1992.
- 5) **Комиссаров** "Теория перевода".
- 6) **Николаев В.П.** Цикл лекций "Референт-переводчик английского языка". Пятигорск, 1992-93.
- 7) **Пронина Р.Ф.** "Пособие по переводу английской научно-технической литературы". Москва, "Высшая школа", 1973.
- 8) "Как читать финансовый отчет". Москва, "Дело", 1992.
- 9) **Кинг, Стивен.** "Четверть после полуночи". Санкт-Петербург, "ИМА-пресс-реклама", 1993.
- 10) **King, Stephen.** "Four past midnight". © 1990, Stephen King.
- 11) **Потапова И.А., Кашеева М.А.** "Пособие по переводу английского литературного текста". Москва, "Высшая школа", 1975.